

Вероника Азара

КРИСТОЧКИН

ПТУСЕК

На неведомых дорожках

Если вам скучно, если жизнь идёт не так, как хочется, разбудите своё любопытство... Если оно спит, конечно. А вот если любопытство не спит... Отпуск штука такая, его можно провести на пляже, а можно провести на неведомых дорожках, куда занесло тебя собственное любопытство. Тогда готовьтесь к приключениям и новым встречам. Только не забывайте, что встречные, они разные бывают. Далеко не всегда улыбка и привлекательная внешность залог доброй души и щедрого сердца... Дорога приносит как новых друзей, так и врагов. Счастье, если друзей много и они придут на помощь в трудную минуту. Тогда и беды не страшны. И счастье, когда твои друзья остаются с тобой на всю жизнь, даже если они живут совсем в другом мире. Мире, сказочном, прекрасном и страшном.

Вероника Азара

На неведомых дорожках

*«Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок»*

/А.С. Пушкин/

«У Лукоморья дуб зелёный...»

«У Лукоморья дуб...»

Тьфу, чёрт, надоело.

Проклятое Лукоморье засело в голове.

Бывает, привяжется мотив или фраза, не отвязаться. Вот и сегодня в автобусе мамаша упорно заставляла своё чадо выучить «стишок». Не понимаю, неужели автобус — подходящее место для изучения Пушкина? Малец крутился, пытаюсь заглянуть в планшет соседа, но мамаша упорно отворачивала его голову от захватывающего зрелища, и твердила как попугай: «Повтори за мной: «У Лукоморья...» Не вынеся издевательства над ребенком и стихами, я выскочила из автобуса за четыре остановки до дома. Пришлось тащиться пешком.

День не задался. Началось со звонка, настигшего у двери, когда я, как всегда опаздывая, выбегала на работу. Звонила мама. Вот уж чего с утра пораньше не хватало, так звонка с выяснением отношений!

Да, знаю — не права! За несколько дней до свадьбы всё отменила. А что бы вы сделали, обнаружив, что ваш жених козёл, баран и свинья в одном лице? Да, я выкинула из квартиры и жениха, и друзей, застав этого самого жениха в спальне, лапающего смазливую тёлку. Возмутило то, что девицу я даже не знала. Бывает со мной такое — вхожу в штопор ни с того ни с сего...

Но мама не может успокоиться. Понимаю — она постаралась, как обычно, опередить события и поделиться со своими заклятыми подругами предстоящим радостным событием. Согласна, был повод похвастаться маме и позавидовать подружкам — и хорош был жених, и образован, и не нищий студент... Почему я забыла все ценные указания мамы и умудрённых опытом подруг — не знаю. Теперь всё это позади.

После звонка всё сыпалось из рук. А если учесть, что с завтрашнего дня я в отпуске, который планировался как медовый месяц... Самое обидное, с огромным трудом уговорила шефа присоединить к отпуску все отгулы разом... А накопилось их не мало, и вот теперь они все потеряны! К тому же Лара, заменяющая меня на работе, приставала с кучей вопросов, а шеф доставал придирками... Одно утешение — ресторан и прочие радости отменять не пришлось. Мы с Владом хотели тихий поход в ЗАГС с родителями и сразу на самолёт, на острова... Билеты покупала не я, так что слетает с той самой тёлкой!

В общем, причин для радости в этот день не нашлось.

Брела по парку в сторону родных пенат, перебирая неприятности, и одновременно прикидывая, стоит ли зайти в магазин. В доме шаром покати. Как стала жить отдельно от родителей обленилась.

Думы отвлекли от Лукоморья и опомнилась я, только заметив, что стою на траве, между двумя дорожками, а какая-то бабулька с метлой яростно на меня орёт. Уловила только слово «газон». Посмотрела под ноги, огляделась по сторонам, и спросила, указывая на следы недавних пикников, там и сям раскиданные по «газону»:

— Это вы называете «газон»?

— А тебе какая разница, — ещё громче заорала бабулька. — Написано — по газону не

ходить!

— Где?! — изумилась я.

Если честно, такие надписи в наших парках не встречала.

— А вот, — с торжеством в голосе потрясла бюстительница порядка указующим перстом в сторону чахлого куста.

Действительно, подойдя ближе (по газону), рассмотрела полускрытую ветками, жалко склонившуюся под гнётом непогод и времени, дощечку, на которой, едва заметными письменами, просматривались буквы, более смахивающие на иероглифы: «П... о... у... ить».

— Ну, и где здесь запрет? — повернулась к бабке, не собираясь сдавать позиции.

— Так все знают, что...

— Нет, где написано, что нельзя ходить? Насколько вижу, тут ни слова про газон!

Меня охватил азарт скандала. Вот оно! Старость, конечно, надо уважать, но такой шанс разрядиться! К тому же она сама начала.

Бабка опешила от моей наглости.

— Но ведь все знают...

— Я не все. И вообще, если вы что-то хотели сказать, надо не орать, а спокойно, вежливо, обратиться и сообщить всё, что вам надо.

— Так ить, штраф полагается, — алчно сверкнула глазками бабка.

— Квитанцию, — согласно кивнула я, и протянула руку, изображая готовность бежать платить штраф.

— Так закончились квитанции-то, — попыталась вильнуть бабка.

Я расхохоталась:

— Бабуль, вы, что, серьёзно думаете, я поверю, что в зоне, где вот уже не один год отдыхает весь район, есть штраф за проход по некошеной траве?

Бабка поджала губы, и, сплюнув мне под ноги, развернулась спиной. Делая вид, что подметает дорожки, она направилась на поиски более сговорчивых отдыхающих, одновременно бурча себе под нос:

— Поплатишься, девка, ох, поплатишься!

Я смотрела вслед, испытывая благодарность. Честно-честно. Последнее время скука одолевала со страшной силой, и ничто не помогало её изжить. Книги надоели. Подруги, поразъехались и пойти не к кому. Телевизор нагонял жуть и тоску. Сёрфить по сети никогда не любила... Даже свадьба отменилась.

Пристроилась на ближайшей почти чистой скамеечке, и задумалась о сложностях бытия. Задумалась не крепко, мысли не раз обдуманые, поэтому раздавшийся неподалёку скулёж привлёк внимание сразу.

Мимо пробежала группа мальчишек, с большим надувным мячом, за которыми с жуткими угрозами промчалась чуть меньшая группа девчонок, видимо, пытавшихся этот самый мяч отобрать.

Скулёж прекратился, но едва топот затих, раздался снова...

Почему именно этот день, час и минуту, короче, именно этот момент, Судьба выбрала чтобы одарить меня вниманием и осыпать дарами (читай — преподать урок), не знаю. В тот момент ничего судьбоносного я не ощутила. Тем не менее, карающая десница была уже занесена над моей несчастной головой, разящий меч стремительно опускался на эту самую голову. Правильно говорят, прежде чем просить богов — подумай, они могут просьбу выполнить. Вот и выполнили, и теперь сидели на облаках, довольно потирая шаловливые

ручонки, и похихикивая, как-то я буду выкручиваться, осыпанная их дарами. Скучно было? Ничего, с этой минуты стало та-ак весело! Хотя я этого сразу не поняла...

Из куста неподалеку вывалился, прихрамывая на переднюю лапу, тощий рыжий... Нет, скорее этот цвет можно назвать оранжевым, если бы не слой грязи на шерсти, слегка его приглушивший... В общем — вышел кот. А ещё точнее — кошачий подросток. Шёл, понурился голову, и ворчал. Точно-точно! То, что показалось скулежом, на самом деле оказалось банальным ворчанием, скорее подходящим склочной бабке. Прохромав несколько шагов, кошка плюхнулась на зад, и принялся яростно выкусывать пузо, между делом так цветисто характеризуя блох, их предков и потомков, что у меня уши едва не свернулись в трубочку.

Возмущённо фыркнула и поднялась со скамейки, бросив в пространство:

— Ну и хамство!

Резко развернувшись, направилась к дому. Не хватало ещё выслушивать матерящегося кота... Ой, мамочка! Так же резко затормозила и обернулась, уставившись на рыжего, уже закончившего борьбу с блохами и бредущего в сторону стоящей неподалеку урны, продолжая ворчать:

— Не нравится ей. Ишь ты, фифа какая!

— Это я-то фифа!

Ничего себе словечки из кошачьих уст!

— Не я же! — возмущённо бросил в ответ рыжик, поднимаясь на задних лапах, и с тоской заглядывая в переполненную урну.

Вид у него стал таким жалким, что я невольно позвала:

— Киса, киса, рыжик...

Кот обернулся, окинул меня презрительным взглядом, сверкнув жёлтыми глазищами, яркими даже на оранжевой морде, и передразнил язвительно до невозможности:

— Киса, киса... Рыжик. А сама-то... Сивая!

— Ну, ты и хам, кошара!

Дух перехватило от возмущения. У меня роскошный пепельный цвет волос, вызывающий зависть женщин, а этот наглец...

— Я не хам, — отрезал кот, уныло свесив голову и усевшись. — Есть охота, рука болит, домой хочу... — грустно перечислил он.

Только теперь обратила внимание на ввалившиеся бока. Да, не врёт, похоже. Судя по виду, не ел несколько дней.

— Ты кто такой?

— Мирлис.

— Очень приятно. Настя.

И тут меня как ударило. Господи! Стою посреди парка и беседую с драным котом! Пора лечиться!

— Вот-вот, и все так решают. Я за эти дни к кому только не подходил, просил помочь. Удирают. А мне что делать?!

— А что тебе делать? — удивлённая пронизательностью глюка, спросила я.

— Я же говорю — есть хочу, я уже четыре дня не ел почти ничего. Домой хочу...

— Домой это куда? — невежливо перебила кота.

С едой всё ясно, а вот с проживанием говорящего кота обязательно возникнут проблемы.

— К учителю.

— Ага, так у тебя и учитель есть?

— Есть, — ещё более уныло проговорил кот. — Ох, и задаст он мне... Впрочем, задаст, если вернусь.

— А ты не возвращайся...

— Что-о?! Ничего себе, всю жизнь проходить в шкуре кота, да ещё такой отвратительной расцветки!

На глуке аж шерсть дыбом поднялась.

Мне стало смешно. Если судить по интонации, расцветка — основной камень преткновения...

— И нечего смеяться. Сама выкрасилась в сивую и довольна... Впрочем, на такой цвет я, может, согласился бы... — Он задумчиво сузил жёлтые глаза.

— Прости, понятия не имею, где можно перекрасить кота. Могу, конечно, купить краску и попробовать, но за результат не ручаюсь.

Я глупо хихикнула, заметив упрек в глазах кота. Потом, не удержавшись, рассмеялась в голос. Стою, веду беседу с котом, а прохожие обходят стороной, опасаясь приближаться к ненормальной.

Кот тяжело вздохнул. Мне тоже стало невесело — вспомнила, что он голодный.

— Слушай, как там тебя...

— Мирлис.

— Если хочешь, рыбы или мяса куплю...

— Спятила?

Запнувшись, посмотрела на кота.

— Ты всерьез считаешь, я буду есть сырую рыбу или мясо? Я же не кот!

— Очень интересно, — очнулась я, — и кто же ты?

— Оборотень, кажется, у вас это так называется.

— Оборотень? Не тумань мою голову, оборотень. Будь ты волк, или псина покрупнее, я бы поняла, а так... Уж извини. Я книжки читаю, и знаю...

— Да что ты знаешь?! — едва не взвыл мой собеседник. — Знает она, книжки она читает! Ты ещё скажи, что оборотни днем не ходят, что от укуса оборотнем станешь, что оборотни людей едят!

Он задохнулся от возмущения.

— А разве нет?

— Дура, — припечатал кот.

— Ну, знаешь, — возмутилась на этот раз я. — Это ещё посмотреть, кто из нас дурак. Сам-то? Шляешься невесть где. Голодный, шкура не нравится. Что же ты домой не идешь, к учителю своему?

Кот вздохнул, посмотрел по сторонам, потом перевёл взгляд на меня.

— Прости. Сорвалось. Этот бред уже не впервые слышу. Несёте сами не знаете что, а ещё в городе живёте, дома вон какие понастроили, машины всякие опять же. А суеверные, жуть. Хорошо, я не чёрный...

— Ага, с чёрным никто и говорить не стал бы. Ладно, давай договоримся — я тебя покормлю. Только откуда мне знать, что ты ешь? У меня дома кроме макарон да кетчупа, по-моему, и нет ничего. Надо в сетевой идти, — осеклась, поймав непонимающий взгляд. — В магазин, за продуктами.

— В магазин?

Пришлось пояснить:

— Магазин — место, где продают товары.

— А-а, — понял рыжик, — лавка?

— Большая лавка.

Не стала вдаваться в подробности, про себя отметив, что мой глюк какой-то странный. Должен знать слова, раз уж завелся в моей голове. Мне назвать лавкой магазин в голову не придёт.

— А ты меня в сумку посади, — глаза кота хищно сверкнули.

— Ладно, — смирилась я. — Только условие — идти далеко, залезешь в сумку перед самым входом, тащи ещё тебя. И там не очень-то высовывайся... Не спорь, — остановила возмущение кота. — Не объяснять же каждому встречному, что ты не кот, а оборотень. Если поверят — тебе же хуже, ручаюсь. Не прибьют, так на изучение передадут, у нас отродясь живого оборотня не видели, сказки только рассказывают. Не поверят — мне худо будет, лечиться заставят. Опять же, останешься голодным.

Кот кивнул, хотя и половины не понял, как мне показалось. Шмыгнул за кусты, решив, видимо, спрятаться от греха подальше. Я направилась в сторону далекого торгового центра, отметив, что жизнь-то стала веселее!

* * *

Потащи я домой всё, выпрошенное этим проглотом, руки вытянулись бы до колен. Конечно, орангутангам это к лицу, но меня не украсит! Поэтому направилась к укромно стоящей скамеечке, вытряхнув из сумки оттянувшего плечо Мирлиса.

Счастье, что с одной стороны — нормальные люди уже разбрелись по домам к телевизорам, а с другой — «молодёжное время» ещё не наступило, и в парке царил городская вечерняя тишина. Рыжий нетерпеливо запрыгнул на скамейку, и, нервно дёргая хвостом, следил за руками, вынимавшими из сумок «добычу».

Должна сказать, что к моменту, когда мы подошли к двери магазина, меня охватило некоторое предчувствие. Некоторое, потому, что охватило оно нерешительно. Даже не охватило, а, скажем так, пристроилось рядышком и робко заглянуло в глаза, спрашивая: «А что ты, вообще-то, делаешь?» На этот вопрос имелся только один разумный ответ. Едва он промелькнул в голове, и бедненькое здравомыслие поспешило открыть братские объятия проснувшемуся благоразумию, как на белый свет выглянула их блудная сестричка, имевшая привычку втягивать в неприятности — моя любимая авантюризм, немедленно растолкавшая свою подружку бесшабашность. Результатом стали мелькнувшие мысли: «С ума схожу? Ну и пусть. Кот говорящий? Кучу денег собираюсь потратить, бог его знает, зачем и на что? Вообще всё это бред? Ну и ладно! Зато не скучно!!!» Несчастное благоразумие, подхватив под локоток здравомыслие, скрылось в голубой дали. А бесшабашность хлопнула меня по плечу — дескать, так держать, и кинула в корзинку первые, отобранные Мирлисом, товары. И вообще, кто сказал, что всё это явь? А может, я вернулась домой, и, пристроившись на диване «на пару минут полежать», давно вижу сны? А если это сон, какие проблемы?

Короче, достав карточку, набрала вкусовостей и на свой, и на кошачий вкус. Мирлис отказался от консервов, выбрал копчёную курицу, которая его так покорила, что бедняга,

кажется, изошёл слюной, пока я расплатилась. Колбаска тоже привлекла внимание, причём не варёная. Что ж, и я люблю погрызть кусочек хорошей копчёной колбаски... Молочные продукты, как ни странно, рыжего гурмана не привлекли, как и рыба. Зато конфеты в ярких обёртках заворожили. Я попробовала объяснить, что коты не едят подобный деликатес, но... Представьте себе картинку — стоит девица и сама себе вслух объясняет, что есть конфеты, в общем-то, вредно... Сны снами, а на такое я не отважилась. Короче, решив, что с конфетами справлюсь и сама, наплевав на фигуру (впрочем, чего беспокоиться о фигуре, если с головой не порядок?), прихватила несколько упаковок. Набрал в заключение обожаемых сухофруктов, едва дотащила неподъёмную корзину до кассы.

Кассир основательно облегчила счет. В этот момент стало тревожно... Ненадолго.

Единственным продуктом, по которому возникли разногласия, и который я положила в корзину исключительно из вредности, стала баночка цвета, как это называют, «детской неожиданности», причём столь ядовитого, что он перебивал все остальные цвета на стеллаже. Я попробовала отказаться от приобретения горчицы, но Мирлис, кажется больше из упрямства, потребовал взять выбранный им товар, причём обосновал это моими собственными словами, заявив с наглым видом:

— Ты сама сказала, купишь всё, что захочу...

Что было возразить? Купила. Правда предупредила, что именно эту баночку заставлю опустошить в первую очередь, и только его, потому что сама горчицу в рот не беру.

Едва устроились на скамейке, стало ясно — прокормить рыжего непросто! Я не успевала подкладывать куски. Причём попробовано было всё, включая конфеты, вызвавшие, к моему изумлению, полное одобрение, и сухофрукты, хоть и пыталась их спасти, отговариваясь тем, что надо мыть.

Впрочем, не права — горчицу пробовать он не стал.

— Ну, как? — только и спросила, безжалостно подсунув под лоснящийся от куриного жира нос баночку.

Кот посмотрел с таким упреком в слезящихся от ядрёного аромата глазах, что мне стало стыдно.

Через некоторое время оргия обжорства прекратилась, и Мирлис с тяжким вздохом отвернул нос от очередного куска курятины.

— Больше не могу, — с удручённым вздохом простонал он.

— Жадность фраера сгубила, — ответила я и начала складывать остатки пиршества в пакет. — И что собираешься дальше делать?

Мирлис намек понял, с тоской посмотрел на раздувшееся пузо. Ещё один вздох и косой взгляд, брошенный на меня, впечатления на мое безжалостное сердце не произвели.

— Уж нет, сам пойдешь. Что съел — твое, вот и неси сам.

Рыжий кивнул.

— А теперь, может быть, просветишь, кто ты такой? В то, что ты в городе недавно, верю.

Проведя по морде лапой, кот перевел дух и задумчиво посмотрел мне в глаза.

— Странная ты.

Я хмыкнула:

— Не странная. Всё просто — у меня сегодня день неприятностей. Вот и ты подвернулся.

— Хочешь сказать, я...

— Угу, ходячая. Сам посуди — где твой дом? Где учитель? Как ты, вот уже несколько дней, болтаешься в этой рыжей шубейке? Я так понимаю — всё не совсем по твоей воле.

— Угадала. Ладно, слушай, только очень прошу, если не поверишь, оставь немного поесть уходя...

— Ты так просишь, словно уже имеешь опыт.

— Имею, — грустно сморщил нос Мирлис. — Думаешь, ты первая, с кем я заговорил? Вы тут какие-то все ненормальные. Знал бы, что такое произойдет, ни за что бы...

— Стоп! Начни сначала. Из твоих жалоб на судьбу ничего не разберу. Ого! Почти стихами. Впервые в жизни! Ты на меня неплохо влияешь!

Мирлис в ответ начал печальную повесть.

Собственно, ничего принципиально нового — нерадивый ученик, дождавшись отбытия маэстро по экстренной надобности, влез в бумаги учителя. Что уж он там нагородил, не разберет теперь никто. И вот результат! Несчастный голодный рыжик в чужом мире, в чужой шкуре. Главное — не представляет, что и как сделал, что и как ему надо сделать теперь. Как вернуться в первоначальный облик и в исходную точку.

История стара как мир. Не он первый, не он последний. Именно этими словами попыталась утешить маленького бродягу. Он не утешился. Тогда предположила, что он легко отделался. На что последовало возражение, мол, что могло произойти хуже? После раздумья выдала:

— А ты мог потерять дар речи. И что бы ты тут намяукал?

Мирлис на мгновение задумался, и повеселел.

— Действительно...

— Вот видишь, в каждой ситуации есть хорошее. А теперь поясни, что ты мог бы сделать... Впрочем нет...

Решительно поднялась с холодной скамейки. Спина застыла так, словно просидела несколько часов.

— Темно уже. Пошли ко мне. Только учти, соседи по парадной терпеть не могут животных. Так что, придётся, если кого встретим на лестнице, тебя прятать. И ещё — молчишь! Не хочу лишних неприятностей. Может у вас там, откуда ты свалился, привычны говорящие четвероногие, у нас это непозволительная роскошь. Дома и дорасскажешь...

Глава 2

Машина пробиралась по незнакомым улицам. Казалось, далеко не уедем, старушка сдастся. Но ехали, и ездили уже не первый день.

За прошедшие дни я успела обнаружить массу интересных вещей.

Первое — Мирлис реален. Убедило его прожорство, из-за которого я невольно задумывалась, а не подстроил ли всё это его учитель, который оказался не в состоянии прокормить подопечного. Деньги таяли, чего в бреду произойти не могло. Пришлось брать из свадебных, благо, мероприятие не состоится.

Во-вторых, мой гость был не таким уж непутёвым учеником. Оказалось, он может вернуть прежний облик при наличии нужных ингредиентов для зелья. Новость порадовала и радовала до тех пор, пока Мирлис не принялся диктовать названия компонентов. Остановила кота после первых же слов.

— Эй, ты думаешь, что говоришь?

— А что? — удивился Мирлис.

— Ну ладно, настойка корня пиона вещь широко доступная — в аптеке без рецепта. А где я тебе возьму сверчков, засушенную лапу летучей мыши? А кровь дракона?! У нас, знаешь ли, в аптеках такого не продают. Если ещё с летучей мышью решаемо — попрошу у подруги, она в зоологическом музее работает, сверчков тоже достанем, то про драконов у нас и слыхом не слыхивали. Они только в сказках водятся. Прикажешь сборнику сказок кровопускание сделать?

Мирлис ошеломлённо хлопал глазами, прижав ушки.

— Как не водятся? Драконы везде есть...

— Не знаю, как там везде, у нас их нет. Впрочем, есть в тропиках. Кажется. Но, по моему, это не совсем то, что ты требуешь, так, ящерицы какие-то.

— Ящерицы не подойдут, — замотал головой Мирлис. — И что делать?

Посмотрела на кота. Поверите ли, его морда была на самом деле предельно несчастна.

Вот так и не вышло ничего с превращением. А жаль, хотелось посмотреть на настоящее колдовство.

Еще одним открытием стало возвращение домой. Оказалось, и это возможно, но так же сопряжено с проблемами.

Некоторые его соотечественники, как выяснилось, неоднократно, по разным надобностям, у нас бывали. Но, в основном те, кто в состоянии самостоятельно вызвать портал перехода из их мира и обратно. Я не стала заострять внимание на «в основном те», не до того, выясню позже. Итак, вернуться он мог. Навыки управления порталом уже имелись, и оказаться дома, казалось бы, не сложно. Проблемой стала непоседливость этого самого портала. Получалось, что он обладает способностью перемещаться с места на место, по какой-то необъяснимой прихоти. Те, кто приходит в наш мир, обычно могут вызвать непоседу в нужное время и место. Разумеется, чтобы было веселее, мой приятель этого не умеет. Для возвращения домой ему надо отследить бродячий портал, и едва ли не изловить его. Мирлис портал ощущал, но только приблизительное направление.

Пришлось вывести из гаража мою развалюшку, потому что после первого же дня пеших прогулок мы оба обессилели. Городской транспорт плохо приспособлен для перевозки болтливых котов...

Вождение по городу не моя страсть. И напряжение этих дней значительно притупило реакцию, именно поэтому, когда под колеса машины кинулся здоровенный пёс, не успела среагировать. На счастье, скорость была не велика, когда мы остановились, поцеловав ближайший столб, обошлось без жертв.

Пёс начал прыгать на дверь со стороны, где сидел Мирлис, тут же прыснувший под сиденье. Я его отлично понимала, когда мохнатая туша вспрыгнула на капот, невольно отпрянула от лобового стекла. По счастью стекло осталось цело, и пёс до нас не добрался. Прохожие начали собираться вокруг. Через пару минут появился гаишник, и, грозно нахмутив брови, двинулся ко мне. Повезло, свидетели не разбежались. Выяснив наличие страховки, меня отпустили с миром. Мерзкий пёс предусмотрительно исчез в неизвестном направлении. Машину теперь только в утиль.

Дождавшись эвакуатор, прихватила в сумку Мирлиса и направилась домой, снимать стресс. Удивила неразговорчивость приятеля. На вопросы и замечания он отвечал односложно и постоянно нервно оглядывался. Свернула в безлюдный переулок.

— Мирлис, что с тобой? — не выдержала я.

— С ним ничего, — раздался позади низкий порывающийся голос.

Взвизгнув, развернулась в прыжке. Стоявший позади пёс, от неожиданности, присел на хвост.

— И нечего визжать, — недовольно рявкнул он.

Огляделся по сторонам. Потом осмотрел меня и сумку, из которой теперь торчало только одно оранжевое ухо.

— Не задуши его ненароком, он мне ещё пригодится. Пошли.

Пёс мотнул головой в сторону противоположную дому.

Мирлис прошипел:

— Придётся идти, это за мной.

Облегчённо выдохнула и двинулась за проводником, внимательно его рассматривая.

Длинная лоснящаяся тёмно-каштановая шерсть скрывала нехилую мускулатуру. Двигался пёс, несмотря на громадные размеры, легко и плавно, словно кошка. Никакого сравнения с нашими сенбернарами. Те тоже не маленькие, но этот пёсик что-то совершенно мне не знакомое.

Шли довольно долго, пришлось то и дело менять руки, грозившие оторваться — Мирлис за эти дни округлился. Путешествие закончилось у старой многоэтажки.

Пёс уверенно направился к одной из парадных. Ловким движением лапы открыл дверь и направился к лифту. Нажал на кнопку вызова! Обалдеть, ему бы в цирке выступать! Едва двери лифта открылись, от входной двери послышались неровные шаркающие шаги и скрип.

— Подождите, пожалуйста!

Нас догнала сухонькая старушка, тащившая сумку на колёсиках. Я вежливо подождала. Старушка втащила в лифт, почти заполненный псом и мной, ещё и себя с сумкой, едва не отдавив огромные лапы. Зверюга деликатно поджала их поближе к себе.

— Ах, ты ж, мой хороший, — засюсюкала старушка, едва лифт тронулся. — Вы к Павлику? — бдительно спросила она. — Наверно с Грантом гуляли?

Я предпочла согласиться, поймав взгляд пса.

— Замечательный молодой человек, — не успокоилась старушка. — Таких теперь мало!

Она внимательно посмотрела, оценила ли я. Оценила. Старушка довольно кивнула и полезла в сумку.

— На, мой хороший, кушай, — протянула псу сосиску, только что отделившую от связки.

Пёс деликатно взял угощение, но глотать не стал. До меня донёлся смешок. Впрочем, возможно, показалось, хотя пёс выразительно посмотрел на мою сумку.

Старушка вышла на восьмом, а мы проехали до девятого. Пёс так ловко нажал на кнопку, что я опять подивилась. На площадке оказалась только одна дверь. Грант наступил лапой на железяку, вделанную в пол, и дверь легко открылась.

— Заходите, — выплюнув сосиску, скомандовал наш проводник, скрываясь за поворотом длинного коридора.

— Выпусти меня, пожалуйста, только далеко не уходи, — просительно прошептал Мирлис.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— А что тут понимать, — угрюмо проговорил кот, понизив до предела голос. — Это за мной. Ох, и достанется теперь, — простонал он.

— Не скули, может, и не достанется.

— Достанется! Ии ещё как!

Я опять взвизгнула и опять развернулась в прыжке. Но на этот раз не смолчала:

— Да сколько можно!

Стоявший за моей спиной парень отпрянул, ударившись о стену.

— Действительно — сколько можно! Я от твоего визга оглохну скоро! — рявкнул он в ответ.

Очумело смотрела на стоявшего передо мной человека. Заметив это, он рассмеялся.

— Ладно, пошли в комнату. Да не стой столбом. Не бойся, есть вас не буду.

— Не уверена, — буркнула я.

Впрочем, покривила душой. Такой экземпляр мужчины мог позвать меня куда угодно, даже стать закуской на обеденном столе, и пошла бы. Господи, где таких делают? Подсказали бы адресок.

Высоченный, темноволосый, глаза, как озера в чёрных пушистых ресницах, смуглая кожа чуть отдаёт синевой на щеках и подбородке, как у любого брюнета. А улыбка, медленно проблеснувшая на сочных губах, заставила бы подогнуться не одни женские колени.

Собрав себя в кучку, пошла в комнату. Что произошло за спиной, не сразу поняла, только раздался короткий вскрип. Я повернулась — Мирлис висел, прихваченный за шкуру, а хозяин облизывал рассечённую острыми когтями руку. Тут уж не до романтики. Как-никак с Мирлисом знакомы не первый день, а этого типа впервые вижу. Естественно, ринулась на защиту приятеля.

— Тихо, тихо, — удержал меня расцарапанной рукой полубог. — Ничего я этому обормоту не сделаю. Хочу быть уверен, что ещё какое коленце не отколет. Неприятностей и так хоть отбавляй.

Мирлис, секунду назад яростно извивавшийся в воздухе, пытаясь зацепить задними лапами руку парня, замер. Посмотрел на меня, на хозяина, и прохрипел:

— Каких неприятностей?

— Каких? Так ты не в курсе, что натворил? Великолепно!

Мне показалось, ещё немного, и парень вытрясет из Мирлиса дух.

— Отпустите его, очень прошу, — состроила самую умильную моську, на какую только

способна. — Он больше не будет. И давайте познакомимся хоть. Неловко как-то — мы у вас, можно сказать, в гостях...

Парень усмехнулся, у меня в животе всё куда-то поехало.

— Так тебе же сказали — меня зовут Павел, можно Грант.

— А собака где?

— Вот только не строй из себя дурочку, — спокойно посмотрев мне в глаза, проговорил Павел. — Собака тоже я. Соседи считают, я отпускаю пса погулять одного. Я рассказал всем, что он у меня дрессированный.

— А почему же вы не ходили в таком виде? Можете себе представить, что мы пережили, когда на машину кинулась этакая зверюга!

— Могу. Но был так зол, что, если откровенно, не сдержался. Я ведь этого лихача, — Павел тряхнул Мирлиса за шкурку, — уже больше недели разыскиваю. А в образе собаки искать, согласись, легче. Нашел его следы в парке. Потом след потерял. Пришлось прочесывать весь район. А вы ещё, плюс ко всему, на машине ездить стали. Пока вычислил! Время сейчас дорого, как никогда...

— А что произошло? — перебила, отвлекая внимание от рыжего.

— Произошло. Дело в том, что наш шустрый мальщ, — он опять тряхнул зажатым в кулаке котом, отчего тот жалобно всхлипнул, а я непроизвольно дернулась, — прочитал не одно заклинание. У него хватило ума, или дурости, совместить несколько заклинаний в одно, и у всех оборотней, которые находились на тот момент в своём зверином облике, отшибло память.

Теперь Мирлис непроизвольно дернулся сам.

— Но и это не всё. Стандартные заклинания вытворяют леший знает что, и прибегать к магии небезопасно. За время, пока я разыскивал этого охламона, дома могло произойти что угодно!

— Ну, отшибло память, заклинания неправильно действуют. Понимаю, неприятно. А оборотни...

Осеклась под взглядом Павла. Нет, он смотрел не с удивлением, не с возмущением. Это был взгляд взрослого, который видит перед собой безнадежно больного ребенка. Жалко до слёз, но ничего поделать нельзя...

— А что?!

— Да ничего. Просто я и сам оборотень, если ты этого не заметила. Хуже всего, что одним из потерявших память оказался наследник нашего правителя. Его теперь найти не могут.

Мне показалось, или Мирлис действительно потерял сознание?

— В отличие от этого охламона, природный оборотень всегда может вернуть человеческий облик, беда в том, что происходившего с ними в человеческом облике пострадавшие не помнят. А заклинания отладят, конечно. Только вот когда — не известно.

Сидела слушала, не слыша. «Я и сам оборотень» — эти слова раздавались во мне колокольным звоном. Боженька, сижу в одной комнате с оборотнем, слушаю его разглагольствования! А если он меня укусит... Тут заметила, что собеседник странно на меня поглядывает. К жалости в глазах прибавилась насмешка... Прочитал мои мысли?

— Не бойся, я не читаю мысли, но они так ярко отражаются у тебя на лице, — он задорно хмыкнул, вызвав очередной переполох в моих внутренностях. — И бояться меня не стоит. Даже если у меня возникнет желание тебя покусать, ничего, кроме долгого лечения,

если останешься жива, не будет, — на последних словах он откровенно потешался.

Почувствовала, как жар заливает щёки.

С улыбкой глянув на мою алую физиономию, Павел поднялся, держа за шкуру Мирлиса.

— Извини, — в голосе не слышалось ни грамма сожаления, — мне пора. Каждая минута здесь может очень дорого обойтись там. Понимаешь? Дверь захлопни. Эй, симулянт, попрощайся с подругой.

— Подождите! — вскочила, торопясь задать вертевшиеся в голове вопросы. — А откуда всё это? — обвела вокруг рукой.

Павел недоуменно взглянул.

— Я подолгу живу в этом мире. Иногда бывают обстоятельства, вроде вот таких, — он потряс Мирлиса. — А бывает и хуже. Вот и наводим порядок по-своему.

Говоря, он повел в воздухе свободной рукой. Рядом возникло туманное облачко.

Мирлис приоткрыл глаза и прохрипел:

— Мамочка!..

Павел сделал шаг в облако, Мирлис дёрнулся изо всех сил, мне показалось, ему удалось выскользнуть раньше, чем они растворились в тумане.

Облачко продолжало висеть, лишь слегка побледнев с краю. Какой бес толкнул сделать это — понятия не имею, а только я, осторожно, одним пальчиком, прикоснулась к туману. Эх, и везёт же кому-то — попадают в разные истории, а мое приключение так бездарно закончилось...

Ах, закончилось?! Меня словно в спину толкнули — чтобы не упасть, сделала шаг вперёд, и тут же трезвый голос рассудка завопил: «Дура!!!», но поздно...

Позади послышался дробный старушечий смех... Нет, показалось же?

Споткнулась, упала, перекувыркнулась через плечо, хорошо, шею не свернула, во что-то врезалась спиной, что-то впилося в бок...

Лежать оказалось сыро и неудобно. В голове, после удара лес шумел. Раздался скрип дерева, неподалёку что-то мягко упало... Пришлось открыть глаза.

Мама родная! Это где же я оказалась?!

Надо мной, под порывами ветра, шумят деревья, об одно из которых и ударилась. В бок впился острый как шип сучок, едва не протыкая меня насквозь. Пропитавшая мох, на котором я разлеглась, вода, быстро впитывалась в любимый жакет. Лежать неудобно ещё и потому, что ноги на пригорке. Глянув, едва не разревелась — последние колготки! Ещё тепло, а я их по привычке, как в офис надела! Слёзы капнули из глаз. Шмыгнула носом, и прикусила губу, стараясь не зареветь в голос.

Рядом опять что-то упало. Я дёрнулась — шишка. Подняла голову, слёзы разом просохли — над головой вольготно расположилась птица, уже примерившаяся запустить в меня очередную шишку, которую увлечённо ковыряла. Ничего себе — совершенно не боится. Такое видела только однажды — в парке, обнаглевшие от подачек белки, были готовы залезть на голову, лишь бы выпросить лакомый кусочек. Ещё не хватало получить синяк от наглой сойки, или как там она называется? Сойки, кажется, шишки не едят, впрочем, бог их знает, ни разу не видела...

Одежда с одной стороны окончательно промокла, стало зябко. Осторожно подтянув ноги, перевернулась, и напоролась рукой на сучок, коварно спрятавшийся во мху. Охнув, встала на четвереньки и выпрямилась. Нахальная птица с любопытством наблюдала, оставив в покое шишку, и не собиралась улетать. Я тоже оглядела себя. Видок, словно валяли по всему лесу — на светло-сером жакете мокрое пятно и зелёные разводы от мха, колготки в дырах, рука кровоточит. Провела по волосам. Так и думала, полно веток и сосновых иголок. Я тяжело вздохнула. Да, в таком виде только к людям идти!

И только в этот момент ударило — к людям? Каким?! Куда?! И вообще, где я?!

Птица, оглушив пронзительным криком, сорвалась с ветки и, громко хлопая крыльями, полетела прочь.

Провожая её взглядом, чувствовала — приключение происходит как-то... Как-то не так. После моего, признаюсь откровенно, дурацкого поступка, попасть в лес не рассчитывала. Понятно, до того как влезла в туман, не задумывалась, куда бы хотела попасть, не до того было. Но сейчас ощущала — всё не правильно!

Можно побывать в старинном городе, или, на худой конец, в деревне. Или в пещере колдуна — учителя Мирлиса. Да, посмотреть на настоящего колдуна, неплохо бы. Что-то вроде экскурсии в музей мадам Тюссо. А ещё круче, если бы колдун жил в старинном замке, где по стенам развешаны гобелены, в кладовых хранятся запасы золотых украшений и монет, а по ночам по замку разгуливают призраки прежних хозяев-колдунов...

Каблуки провалились в мох окончательно. Только не хватало ноги переломать.

Отвлечшись от мечтаний, осмотрелась по сторонам. Надо решать, что делать с тем, что есть.

Рядом в воздухе, словно поддразнивая, всё ещё висело знакомое облачко. А вдруг подействует? И я отважно шагнула в него...

Сейчас приму ванну, Павел не обидится, уверена. Потом приведу в порядок одежду, и пойду домой. Не удалось, значит, не удалось!

И, опять-таки, не удержалась на ногах.

И на этот раз спине досталось!

Хотя никаких сучков и мокрого мха поблизости — уже плюс. Но и пол, нормальный пол, отсутствовал. Причём земля, по которой меня в очередной раз прокатило, дрожала, а рядом раздавался топот. Да ещё что-то сыпалось на голову.

Испуганно глянула вверх. Надо мной раскачивался бревенчатый потолок, из щелей которого и сыпалась невесть какая гадость, запорошив мои широко открытые от удивления глаза.

Рядом что-то сильно топнуло в очередной раз. Быстро повернувшись, со сдавленным вскриком, на четвереньках, бросилась в сторону.

Едва не раздавив меня, рядом подпрыгивала огромная куриная лапа. Разодрав на коленях остатки колготок, постаралась отползти как можно дальше. Этакая «ножка» наступит и не заметит, а меня потом долго придётся откапывать или отскрести от ландшафта!

По счастью, нога запрыгала в другую сторону, и я смогла оглядеться.

Стою себе на четвереньках, почти в центре круглой, словно вычерченной циркулем, поляны. Вся она выстлана плотным ковром мелкой травы, почти не пригибавшейся под моим весом, и быстро распрямлявшей стебельки с мелкими листиками там, откуда отступала куриная нога. Кстати ног оказалось две, вторую я не сразу заметила — она поджалась под прыгающий потолок.

Собственно, не потолок, а скорее пол, или дно... Не знаю уж, как это можно назвать. В общем — бревна служили основанием небольшой по размеру, но очень шустрой избушки... Избушки на курьих ножках!

Пришлось опять отползти от скачущей избы. Повезло — скакала она уже не так азартно.

Осмотревшись ещё раз, увидела издевательски покачивающееся на другой стороне поляны облачко. Будто заметив моё внимание, оно слегка звякнуло, мол, радо вниманию, и схлопнулось мыльным пузырьём, оставив после себя неяркие искорки. Пока наблюдала, как гаснут искры, накатила тоска. Похоже, дорога домой отрезана.

Со стороны избушки послышался грохот, звон. По звукам рухнуло что-то вроде посудного шкафчика. Хана посуде. Хотела бы знать — являются ли прыжки раритетного сооружения нормой? Может избушка разминается?

Над лесом разнесся свист и показался летящий объект. Та-ак, хозяйева прибыли.

Первый порыв спрятаться преодолела. Ох, плохо верится в добренькую Бабу Ягу. Не верю, что проживающая в такой шустрой избёнке нечисть, отличается добрым нравом. Ой, что будет!

Осмотрелась. Бежать некуда, вокруг поляны лес стеной. Интересно, как добирались сюда сказочные богатыри, царевичи и прочие гости старушки?

Пока искала пути отступления, на поляну опустилась ступа, из которой резво выскочила старушка. Вернее собиралась-то она приземлиться не на поляну. Несколько заходов бабуля сделала, пытаюсь попасть в трубу. Подбитая избушка не обращала на хозяйку ни малейшего внимания и ни одна из попыток не удалась.

Баба Яга стукнула по земле ногой, тут же охнула, согнувшись в три погибели, и ухватилась за спину.

Я не удержалась от сочувственного взгласа. Хоть и смешно смотрелась скособоченная разъяренная бабка, но что такое приступ ревматизма знаю по своей бабуле. Бросилась к старушке приговаривая:

— Бабуля, осторожнее, не двигайтесь, вам нельзя!

Каблук не выдержал спурта и застрял в земле намертво, я пропахала около метра по траве, и остановилась перед самой бабкой, которая замерла, глядя на меня.

Осторожно поднявшись, посмотрела на хозяйку, потом на всё ещё подпрыгивавшую избушку...

— А ну, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом и хватит придуриваться! — рывкнула я и от души топнула.

Конец, увяз второй каблук!..

Изобразив руками мельницу, кое-как устояла, и попыталась в пояс поклониться согнутой хозяйке. Согласитесь, неловко получается, хозяйка стоит почти носом в землю, а я тут команду.

Избушка застыла. Теперь я рассмотрела её подробнее. А прав был Александр Сергеевич! Действительно — ни окон, ни дверей. Как же в неё попасть? Ладно хозяйка, как я поняла ей привычно пользоваться трубой, а остальные-то гости как же? Все эти царевичи-королевичи и прочие Ванечки тоже лезли через трубу? Быть не может...

Бабка присвистнула, и, охнув, притопнула ногой. Избушка резво обернулась вокруг себя, и повернулась к нам крылечком. Самым настоящим дощатым резным крылечком, висевшим в метре от земли. Рядом поблескивали слюдой два небольших окошка. То есть я не знаю, точно ли слюдой, но на стекло не похоже, и блестит.

— Ты кто ж такая будешь, девица? — подала голос хозяйка, недоверчиво рассматривая юбку мини.

— Настя.

Старуха глянула мне в лицо острым как иголка взглядом. Хотела убедиться не издеваются ли над ней? Я приняла максимально доброжелательный вид. Ночевать на улице не хочется, а кто её знает, эту старую ведьму, откажет в ужине и ночлеге и конец. Ночевать под ёлками, это совсем не моя мечта, да и есть уже хочется после волнений.

Бабка что-то пробормотала и заговорила громче:

— Это что ж изба взбесилась-то. Не знаешь?

Я осторожно пожала плечами. Ну что тут скажешь? Выходит, это была не зарядка для избушек. Вылетев из облака, я угодила как раз в одну из ног. Помнится, что-то там ещё под локоть подвернулось. Получается, в представлении виновата именно я. Осталось только повиниться, склонив голову.

— Это, понимаете, случайно... Понимаете?

Бабка смотрела, кажется, ничего не понимая. Ну вот, растолковывай тут!

— Я упала, и на ногу. Кажется. Да я чуть-чуть, а она давай прыгать, давай прыгать...

— Значит, твоя работа! Помоги в избу-то войти.

Пришлось приподнять тщедушное тело бабки и поставить на перекошенное крыльцо. Едва хозяйка переступила порог, послышалось такое! Я потупилась, стараясь показать, что ничего не слышу и не вижу, и вообще меня здесь нет. Но слова постаралась запомнить. Кто знает, что пригодится в жизни?

Судя по тому, как Яга выскочила на порог, приступ радикулита прошёл сам собой. Бабка после первого залпа брани, речь потеряла вообще. Она открывала и закрывала рот, не

в силах произнести ни слова. Ага, я всегда говорила, надо следить за собой! Нецензурные выражения даром не проходят! Тем более — старая женщина.

Обессилев, бабка опустилась на порог.

— Креста на тебе нет!

Кажется, это самое страшное ругательство с точки зрения Яги. Чтобы доказать её неправоту, осторожно вытащила из выреза блузки свой крестик на цепочке и задумчиво осмотрела его, укоризненно посмотрев затем на хозяйку.

Ой, что тут началось! Старуху выгнуло дугой, как рассерженную кошку, она зашипела, и начала плевать. Я быстренько запрятала крестик на место. Вот уж не ожидала! А во всех романах Яга этакая бабуля милая! Нате вам, пожалуйста!

— Да что ж ты делаешь-то, проклятухая! — бабка со стоном опять опустилась на порог. — И принесло ж тебя на мою голову. Мало царевичей-королевичей, теперь баб бесстыжих ко мне несёт!

— Ну, положим, не бесстыжих!

Откровенно возмутила невежливость хозяйки. Какое мне, интересно, дело до каких-то там королевичей? Хотя... Хотя и не плохо бы было познакомиться с каким-никаким. Впрочем, о чём это я? Общение с Мирлисом явно не пошло на пользу.

— И почему баб? Я не баба!

— А кто ж ты? — заинтересовалась Яга.

— Я женщина.

Бабка некоторое время молча хлопала глазами, пытаясь осознать сказанное.

— Царевна, что ль? — нерешительно спросила она.

— Да не царевна. Просто у нас так не говорят — баба.

— А как же ещё-то? Девка али баба. Ну, ежели батюшка боярин — боярышня, ежели царь — царевна, а ежели король — королевна, али ещё принцесса можно. А кто ж такая... — Яга запнулась на незнакомом слове.

— Ну, это тоже, что и баба, только вежливо.

— Это по-иностранному что ль?

— Будем считать, по-иностранному.

— Так потому на тебе и сарафан такой куцый? И рожа-то раскрашена, страшнее некуда. А я-то подумала!

Выяснить, что она там подумала, я не стала. Выхватила из кармана пудреницу и глянула на себя в зеркало...

Странно, что избушка от меня не сбежала. Потёкшие тени и тушь, помада, слившаяся с румянами. Зрелище не для слабонервных. Удивительно, что бабуля так спокойно к нему отнеслась. Я бросилась к журчавшему неподалёку роднику.

Вы пробовали когда-нибудь смыть водостойкую косметику без косметического молочка или, на худой конец, горячей воды и мыла? Не советую пробовать. Моя сумка осталась у Павла дома. Пришлось пользоваться подручными средствами.

Пока терла физиономию носовым платочком, смоченным ледяной родниковой водой, производителям косметики, досталось по первое и все остальные числа сразу. Впрочем, они не обманули — водой косметика не смывалась, она сдиралась вместе с кожей. Закончив процедуру, осмотрела свекольную физиономию и прижмурила глаза. Прижмурила и распахнула. На какое-то мгновение, перед тем как закрыла глаза, показалось, что в зеркальце отразилось ещё одно лицо — худощавого пепельноволосого мужчины, весело

скалившего зубы, посверкивая дымчатыми глазами. Померещилось. Вокруг никого, в зеркале тоже.

Вернулась к избе и продолжавшей ворчать бабке. Наше препирательство и умывание утомили. Я перешла в главное, сменив тон возмущённый на умильно-просительный.

— Бабуля, а нельзя ли мне переночевать у вас? — И пояснила на всякий случай: — В избушке.

— Переночевать? А что ж не переночевать? — Яга окинула меня ещё раз взглядом, словно оценивая. — Переночуй. Тока переоденься. Меня белки засмеют, ежели ты в моей избе будешь под куцом подолом ляжками сверкать.

Леший с ней, с юбкой этой. Уже давно холодно в промокшей одежде. А пока хожу в бабкином, приведу свой костюм в порядок. Попробую. Я согласно закивала головой.

Яга поднялась с порога и прошла в дом, сделав приглашающий жест. Подойдя к так и висевшему на высоте крылечку, попыталась забраться. Ага, как бы ни так. Попробуйте проделать подобное в узкой юбке! Швы подозрительно затрещали. Пришлось подтянуть подол. Начала закидывать ногу на первую ступеньку, и тут показалось, что крылечко стало выше, чем в первый раз. Брежу, что ли? Не знаю, какой лешак, или чёрт, толкнул меня заглянуть под крыльцо! Так и есть! Проклятушая изба нашла способ отомстить! Эта зараза встала на цыпочки! Ну, погоди! Я ухватила валяющуюся неподалёку палку и, что было сил, двинула по ближайшей куриной ноге. От неожиданности избушка присела, а мне того и надо! Ухватившись за перила, подтянулась и взобралась на крыльцо, черт с ними с колготками, дырой больше, дырой меньше, теперь уже всё равно!

— Ты что творишь? Что творишь?! — выскочила навстречу бабка.

— Да ничего особенного, бабуля, — осторожно поддержала хозяйку, столкнувшись с ней в дверях. — Немного гимнастики не повредит вашей избушке. Застоялась она. Давно на одном месте стоит-то?

Бабка сурово блеснула взглядом, и отстранилась.

Присмотревшись к полумраку, царившему в избе, я с трудом перевела дыхание. Да уж, порядочек тот ещё! Мало того, что натворила изба, прыгая по полянке, так и бабуся не наводила маломальского порядка лет сто, не меньше. В углах до пола свисала паутина. Некогда белёная, большая печь стала чёрно-коричневой от копоти.

Бабка, что-то приговаривая, шарила в углу, в заваленном вещами сундуке.

— Накось, одевайся, я пока приберусь.

Ко мне прилетела светло-серая тряпка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся полотняной рубахой. Следом из сундука появилась длинная цветастая юбка, и к ней тёмненькая жилетка.

За переодеванием, не сразу обратила внимание на способ старухи наводить порядок. Но, натянув сухую, пахнущую ароматными травами, чистую одежду, присмотрелась к действиям хозяйки.

Полка, а точнее доска, расположенная на двух колышках, вбитых между брёвен, висела уже на месте. Бабка-то сильнее, чем кажется. Доска не иначе, как дюймовая, как она такую тяжесть подняла? Теперь Яга расставляла посуду, которая уже валялась на полу в совершенно целом виде. Ничего себе! Несколько минут назад целыми были только деревянные миски да ложки! Посуда, повинувшись взгляду хозяйки, шмыгала на свои места шустрее мышек.

Пара взмахов руками и порядок! Про паутину Яга даже не задумалась, хотя, наверняка,

могла убрать так же быстро. Что ж, хозяин-барин.

После команды стол встал на место без промедления, и хлебосольная хозяйка начала выставлять из печи горшки.

— Вам помочь?

Неловко стоять, когда старый человек работает.

— За стол садись. Эвон, тощая какая. Ешь больше.

— Это зачем? Чтобы вкуснее стать? — пошутила я.

— А как ты думала? — отшутилась Яга, сделав зверское лицо.

Я рассмеялась, и украдкой, чтобы не обидеть хозяйку, протёрла ложку и миску, предложенные мне, рушником, висевшим рядом на стене.

Готовила она отменно. Я ела за троих, а хозяйка только подкладывала, да подкладывала — то пирог с неведомой начинкой, но вкусный, то кашу, то сметанку (интересно, где она её берёт?), то мед. Мёд это отдельная песня! Такого я в жизни не пробовала, впрочем, такую сметану тоже не видела.

В общем, застолье прошло на более чем высоком уровне. Отвалилась от стола, едва не лопаюсь, с единственной мыслью — как выдержит всё это обилие желудка?

На протяжении трапезы Яга расспрашивала, в положенных местах ахала, удивляясь моему рассказу, качала головой на непонятные правила нашей жизни. Короче, хорошо посидели.

Я, между едой и разговорами, рассматривала хозяйку. Странная она какая-то. Не то действительно нечисть, не то просто одичавшая в своём одиночестве старуха.

Не тощая, но какая-то осунувшаяся. Одета в полосатые штаны из грубой ткани, в которые заправлена полотняная рубаха, и расшитую диковинными зверями жилетку из замши. На ногах мягкие кожаные ботиночки с ушками, привязанные верёвочками поверх штанин. В сущности, если бы не большой платок на голове, завязанный надо лбом, как у грелки на чайник, её можно было бы принять за деда. Пол не определялся ни по фигуре, ни по одежде.

Нос действительно крючком, да ещё и перебит, похоже. У одного приятеля моего бывшего жениха был именно такой после драки. Наверное, и бабуля получила характерный изгиб переносицы, не наткнувшись на ухват. Брови нависали, не давая рассмотреть глаза. Заметила только, как временами из-под бровей посверкивает неприятная искорка. Впрочем, могло и померещиться. Никаких клыков, торчащих изо рта, не обнаружила, правда и самих-то зубов был явный недостаток, а те, что остались на своих местах, жёлтые как у заядлого курильщика.

Заметив, что у меня после обжорства слипаются глаза, хозяйка постелила на лавке под окном большой тулуп, и бросила на него лоскутное одеяло.

— Покемарь. Я к ночи вернусь. Проголодаешься, в печке бери. Там ещё оладушки остались и пирогов маленько. Вернусь, тогда повечеряем.

Остаток дня пролетел как один миг. Сладко выспавшись, присела на крылечко, разглядывая темнеющее небо, где-то далеко за лесом пламенеющее закатом.

Вернулась Яга затемно, но вечеряли мы долго и весело. Бабулька оказалась хоть и суровая, но компанейская. Когда старуха скомандовала спать, я довольно вытянулась на непривычно узкой лавке. Что ж, дворец или пещеру колдуна посмотреть не удалось, зато в гостях у настоящей Бабы Яги побывала. На работе расскажу, вот повеселимся-то.

После сытного завтрака хозяйка забралась в ступу.

— Сейчас навещу кой-кого, про твой портал может чего узнаю. Ты меня не жди. Трапезничай, как захочешь!

Яга взмахнула растрепанным помелом и со свистом ринулась прямо в топку, где ещё тлели горячие угольки.

Я охнула, и кинулась к печи. К счастью не успела. Подскочившая заслонка хлопнула перед самым моим носом, едва не прищемив его.

Отшатнувшись, осмотрелась по сторонам — откуда ещё ждать неприятностей? Вроде всё тихо, только из-за печи сверкнули два жёлтых огонька. Осторожно пригнулась и всмотрелась в тёмный угол. Интересно, и давно там это чудо сидит? Как же я его раньше не заметила?

За печкой, обхватив ручками большой жбан, кажется со сметаной или сливками, сидел лохматый человечек с румяным круглым лицом. Одет в серую старенькую косоворотку, лапти и коричневые коротковатые штаны. Рядом, устремив пронзительный взгляд на жбан, и даже не глянув в мою сторону, пристроился большущий чёрный котяра.

Заметив, наконец, что сотрапезник отвлекся, кот перевел на меня взгляд светящихся собственным светом, зелёных глаз.

— Тебе чего?

Пора бы мне уже закалиться в разговорах с племенем кошачьих, оказалось, нет! Уставилась на кота, чувствуя, как челюсть непроизвольно отвисает.

— Чего молчишь? — поддержал кота сотрапезник.

— А... А вы кто? — сглотнув комок в горле, хрипло выговорила я.

— А ты слепая? — насмешливо сверкнул зеленью в мою сторону кот.

Человечек хихикнул:

— Василий, она ж не здешняя. Я вечер её одежды посмотрел. Тьфу, пакость, — человечек повернулся ко мне: — Это кот ученый, Василием кличут. Я домовой Яги.

Остолбенело смотрела на компаньонов.

— А чё это вы тут делаете?

Вопрос сорвался сам собой. Дураку ясно — не просто так собрались в тёмном углу, едва хозяйка отправилась за порог. Так и есть. Переглянулись, и ни один не открыл рта, ожидая реакции приятеля.

— Ну, так что? Отвечать будем?

— А ты, ваще, кто такая?! — взъерошив загривок, противным голосом занудел Василий.

— Да никто, — мило пожалала я плечами. — Да и не спрашиваю я ничего, это я так — интересуюсь. Бабуле, наверняка, тоже будет интересно.

Домовой грустно посмотрел на жбан и медленно отодвинул его от себя, сопроводив движения таким тяжким вздохом, что я расхохоталась:

— Да ешьте вы, — махнула рукой. — Мне жалко, что ли?

— А Бабе Яге не скажешь? — подозрительно сверкнул глазами Василий, с тоской глядя на заветный жбан.

— Я не ябеда. Скучно одной сидеть, вот и заинтересовалась — что тут происходит.

— А хочешь — мы и тебе дадим? — произнес домовёнок таким голосом, что сразу

стало понятно — от сердца отрывает.

— Нет, не хочу, я наелась, как удав, — сказала чистую правду.

— Это кто ж такой? — заинтересовался учёный кот.

— Не наше это дело, — тут же осадил его домовый. — А ты, девица, иди, куда шла.

Насмешливо посмотрела на придвигаемый обратно в загребущие лапки жбан, и, решив обидеться, отвернулась. Подождав несколько минут, не выдержала, и искоса посмотрела на двух нахалов. Оба уплетали сметану, не обращая на меня ни малейшего внимания. Ничего другого не осталось, как развернуться и пойти на прогулку.

День выдался замечательный, может, поискать грибов или ягод каких, всё не так будет скучно. В избе развлечений не осталось, кроме раздававшегося из-за печи чавканья и, изредка, звуков лёгкой потасовки.

В лес не попала. Ветки елей вокруг поляны переплелись настолько, что продираться среди них — себе дороже. Давно бабулю никто не навещал. Ни дороги, ни тропки.

Пришлось расположиться на полянке возле родника. Под его мелодичное журчание и редкий пересвист птиц, незаметно задремала, сморенная зноем.

Проснувшись от прохлады, пришедшей вместе с длинной тенью, подобравшейся избушки. Хотела возмутиться поведением мстительной бревенчатой зануды, но лень скандалить. Тишина и покой, царившие на поляне, настолько разнежили, что не хотелось не только кричать и возмущаться, даже шевелиться. Однако, голод не тётка, поднялась и побрела в избу.

Печь давно остыла. Был порыв растопить, но вспомнила утреннее происшествие с заслонкой, и не решилась. Пришлось есть холодные оладушки, сдобрив их мёдом, которого осталось на удивление мало. Сметаны, кстати, не нашла вообще. Заглянув за печь, в темноте едва рассмотрела спящего Василия, круглый живот которого смутно белел из под лохматой головы домового.

За весь день воришки так и не проснулись, сколько ни пыталась их растолкать. Единственным результатом стал мой оцарапанный, под горячую лапу, палец.

Едва солнце коснулось верхушек елей, за печкой раздался шорох. Заспанные приятели выбрались на свет и укоризненно посмотрели в мою сторону. Определённо, оба рассчитывали, что за время их отдыха я исчезну. Не тут-то было.

Потягиваясь, домовый подковылял к окошку. Последовавшее далее шоу, не поддаётся описанию!

Домовой бросился к печи, вслух придумывая, что это такое побыстрее приготовить. Кот выбрался на подоконник — изба так и не убрала ни окошки, ни дверь — и внимательно следил за воздушной обстановкой, готовясь предупредить о появлении хозяйки. Мне неловко было сидеть, сложа руки, в такой суете, но Василий посоветовал не путаться под ногами у спецов, и пойти нагулять аппетит перед ужином.

Возражать не стала. Опять отправилась к родничку. Мне есть о чём подумать. Похоже, Мирлис не врал, рассказывая, что некогда, в давние времена, насколько я понимаю задолго до рождества Христова (в этом мире о нем знали), единый мир Земли был разделён на два. Кто и зачем это проделал, рыжий знал смутно. Сделали и всё тут, и теперь я попала во вторую реальность, существующую на той же Земле, что и моя, в которой так привычно жила свою жизнь. В этой реальности персонажи мирового эпоса столь же нормальное явление, как в моей разные виды животных и птиц. Никого не удивляет существование черепах, или папоротников. Ну, выжили с давних времен, когда человека ещё и в проекте не

было, так что? Не мешают и ладно.

Как поняла, в этой реальности точно так же относятся к людям. Здесь мир эльфов и гномов, оборотней и вампиров, гарпий и драконов, и прочей сказочной нечисти, и чисти, поделивших между собой небо, воду и землю, но не людей. Люди сюда попадали делом случая, и пытались, было, взять верх, но ничего не вышло. Остались на тех же правах, что и остальные, а может, и на худших. Выделили им земли для проживания и сказали — плодитесь, размножайтесь, но на чужие земли ни ногой.

Разумеется, люди не могли усидеть на выделенном наделе. Ещё бы — цари природы. Но, по словам Мирлиса, людям в очередной раз крепко «прижали хвосты» лет триста тому назад. С тех пор люди если и воюют, то только друг с другом, остальных не трогают (боятся).

Между собой остальные расы тоже порой конфликтуют. Мне припомнился, рассказанный Мирлисом в качестве анекдота, эпизод из войны между русалками. Впрочем, Мирлис пытался что-то там разъяснить, что русалки это только один вид водных жителей. Местечковое название, кажется, он так высказался, да и далеко не все русалки всё время проводят в воде. Он что-то говорил о том, что их иногда путают с дриадами, которые не чураются водички, хотя и живут в основном на деревьях. Я не особо тогда прислушивалась. Но теперь, вспоминая, начала осознать, что не всё так мирно и гладко в этом мире.

Из рассказанного Мирлисом ясно — помощи у людей особо искать нечего. Большинство сильных волшебников, ведьм, и прочей колдовской братии происходит далеко не из человеческой среды, а людям в этой половине мира приходится не просто. Есть, конечно, способные к колдовству и среди людей, но тягаться с, решающими судьбы этой реальности, Великими они не рискуют. Вывод — надо искать кого-то кто поможет, не обращая внимания на расовую принадлежность. Вот только согласятся ли они?

На этом месте размышления прервал Василий, перепугавший змеиным шипением:

— Яга-а-а!

На этот раз нам с Ягой удалось обеим вернуться нормально — Яга со свистом влетела в трубу, я взобралась на крылечко, предупредив избушку взглядом, что не стоит откалывать вчерашние коленца. Избушка только тихонечко качнула крыльцом — из чистой вредности, не более того. Широкая юбка не так мешала, и я появилась в горнице без дополнительных синяков и ссадин.

Яга уже шуровала в печи, что-то ворча себе под нос. Ни Василия, ни домового, я не заметила. Впрочем, эти два прохиндея прятались и вчера, я даже не подозревала об их существовании до утра.

Ворчание Яги перешло в бормотание, привлёкшее моё внимание, когда старуха стала шарить по всем углам:

— Ну, и куда ж, ты, проклятуций, сметану-то задевал?..

Поняв, что с минуты на минуту может разразиться гроза, я встряла:

— Бабушка, а вы что ищете?

— Сметану. Куда её этот паразит подевал...

Не дожидаясь дальнейшего, пришлось принять огонь на себя.

— Сметану? — я как можно наивнее захлопала глазами. — А сметану я того... Съела. Понимаете, бабуля, я сметану так люблю, так люблю!..

Прижала руки к груди и закатила глаза, изображая безумную любовь к сметане.

Наградой стал потеплевший взгляд хозяйки, и прекращение поисков. Пробурчав что-то

вроде: «Ладно, мёд ещё остался», — хозяйка продолжила накрывать на стол.

Ужин прошел в молчании. Едва глянув на хозяйку, сразу поняла — не в настроении. Но после обильной трапезы (хотела бы я знать, каким чудом домовой сумел приготовить ужин за каких-то полчаса?), бабка подобрела и разговорилась.

— Ничего пока не узнала, — огорчила она меня. — Ну да ты не горюй, завтра ещё порасспрошу, сегодня только и успела, что поговорить с водяным да его русалками. К нему, чёрту старому, как попадёшь, целый день разговорами мучает. Девки-то его только о мужиках думают, а ему и поговорить не с кем. С утопленницами он из принципа не говорит, а если кто из мужиков потонет, так разве ж от русалок вырвется! Завтра к кикиморам слетаю. Они хоть и шепутные, а может что слышали, может, знают кого, кто таким дивом пользовался.

С этим и устроились на ночлег. Как только бабка засопела на печке, ко мне под бок тенью забрался Василий. Стало тесновато, лавка не резиновая, но очень уютно, и я подгробла кота поближе. Где-то среди ночи подобрался и домовой. Неслышной тенью он пробрался ко мне в ноги, и, закутавшись в одеяло, пристроился теплым боком к замерзшим ступням. От приятного тепла совсем разморило и остаток ночи прошел незаметно.

Утро согрело мой нос солнечными лучами совершенно неожиданно. От тёплого проказливого зайчика я расчихалась, и сон улетел в голубую даль, не подумав помедлить и минуты. Яга крутилась у окошка, что-то складывая в коробочку.

— Бабуль, — потянулась я сев на своём лежбище. — Чего ж вы меня не разбудили-то?

— А чего тебя будить? Спишь и спи. Работы по дому тебе не работать. Встала, глазки промыла, да и гуляй себе.

В словах бабки мне послышался упрёк. Действительно — к её возвращению могла бы и порядок в доме вчера навести. Хотя с другой стороны — в чужом доме свои правила вводить? Может у бабки её пауки в лучших друзьях ходят, а я их под метёлку? И всё же...

— А может, по дому что-нибудь сделать?

— Да чего ж тут делать-то? — удивилась бабка. — Работников достаточно, ты отдыхай.

— Растолстею от такого питания да без работы, — рассмеялась я.

— А и не велика беда, — подхватила мой смех Яга.

Должна сказать смех у неё был тот ещё. Скорее воронье карканье, а не смех.

— Ну да, за фигурой следить нужно, — уперлась я. — Жир набрать недолго, а вот попробуй, сгони его...

— О жире не тревожься, — утешила Яга, — Я по делам, вернусь и поговорим.

Не понравилось мне её выражение лица, когда она проговорила это «по делам». С этими словами она окинула меня таким... Таким... Станным взглядом. Но времени на размышления не было. Гикнув и присвистнув, Яга оказалась в ступе и с посвистом вылетела через печь.

Вчерашний опыт сказался — к печке я не сунулась, зато заглянула за печь. Не ошиблась, подпольщики заседали именно там. Заметив мой любопытный нос, домовый поднялся и осторожно выглянул из-за печки.

— Убралась, — махнул он Василию.

Тот не замедлил выбраться.

— Эй, ребята, вы чего?

— Тихо ты, — зашипел Василий, ещё осторожнее выглядывая в окошко.

Домовой тем временем расстелил на столе кусок полотна, и принялся складывать на него разные припасы, что-то бормоча себе под нос.

Василий буркнул от окна:

— Одежку не забудь.

Домовой кивнул, и полез в сундук, из которого извлёк что-то кожаное и замшевое. Протянул мне.

— Одевай, да пошустрее.

С опаской посмотрела на эту парочку, и с не меньшей опаской расправила на лавке протянутые предметы. Ха, тут оказалась пара штанов, рубаха и куртка с серебристыми заклепками. Настоящий байкерский прикид.

— И зачем мне всё это?

Недоумение на моём лице и в голосе не произвело ни малейшего впечатления на парочку, которая тем временем что-то решала, перекладывая вещи из сундука на пол.

— Эй, вы меня слышите?

В ответ две физиономии высунулись из глубин сундука, и, ни слова не сказав, погрузились в эти же глубины.

Пожала плечами и пристроилась на лавке, ожидая, когда мне уделят хоть толику внимания. Ждать пришлось долго. Наконец, из сундука, куда уже скрылись не только головы, но и остальные части тел и домового, и Василия, кроме хвоста последнего, иногда мелькавшего из-за края сундука, послышался радостный возглас, не поняла чей, и оба, довольные донельзя, выкарабкались на поверхность.

Скатившись с высокого края, домовый протянул мне пронзительно красные сапожки.

— Надевай, — и тут же застыл. — Ты что, ещё не оделась?!

Василий, кулём свалившийся на пол, так же вытаращился на меня и констатировал:

— Рехнулась...

— Это вы рехнулись, — твердо заявила я. — Вы что за балаган устроили? Что это за тряпки?

— Да ты не понимаешь ничего... — взвыл не своим голосом Василий.

— Не понимаю, — не стала отнекиваться. — А раз вас это не устраивает — поясните мне, темноте, что происходит.

Приятель переглянулся, домовый обессилено опустил лапки с зажатыми в них сапогами.

— Да ты что, о Яге ничего не знаешь?

— Ну, как не знать. Живёт в лесу бабуля. К ней царевичи-королевичи за помощью приезжают...

— За помощью! — застонал Василий.

Домовой подхватился, и, выронив сапоги, бросился к приятелю.

— Ничего, ничего, Васенька, она же глупая, не знает ничего, — осторожно поглаживая между чёрных ушей, принялся приговаривать домовый. — А ты послушай, — повернулся он ко мне. — Я в этой избе почитай лет пятьсот живу, за всё время только двое из рук Яги своим ходом ушли. Один — Иван, уж этакий прохиндей был, больным притворился, Яга поверила, вот и побоялась есть его. Другой — Еремей-царевич, из колдунов оказался. Избушку тогда бабке по брёвнышку раскатал, с тем и ушёл. Опосля него бабка и завязала к себе прохожий люд заманивать. Всё больше детишек, без пригляду оставленных, таскает. Да последнее время ничего ей не доставалось. С Лешим переругалась. Ей когда людей не добыть, она живность лесную переводит, да Леший тоже не прост. Одно дело охотники пару-другую зверей себе на пропитание или на шкуры поймают, а она же меры не знает. Вот и сидит теперь Яга на этой поляне — она её колдовством от всех защитила. Для неё, проклятущей, это теперь единственное место в лесу, где она жить может. А ты — за помощью приходят. Знаешь, сколько здесь по лесу людских косточек валяется?! Гору сложить!

Мне поплохело. Это что же получается? Кто врёт — сказки или домовый? И тут в памяти всплыл плотоядный оскал бабки, взгляды, на которые я предпочла не обращать внимания — одичала старуха, что с неё взять.

— Так это что ж такое, — вдруг вспомнила я, — она не шутила, когда сказала, что откормить меня хочет?!

— А ты думала, — простонал Василий. — Ты для неё первейшее блюдо на ближайшие дни. Она, небось, гостей уже назвала. Давно ей человечины не доставалось. Счастье, что в тебе одни мослы, не-то в первый же день разделала бы.

Представив себя в виде разделанной туши, висящей на крюке, закатила глаза. Не стоило этого делать! Подняв глаза, тут же и увидела на потолке этот самый крюк, то ли ржавый, то ли чем-то вымазанный, этаким буроватым... Меня едва не стошнило завтраком.

— Что же делать? — прохрипела внезапно пересохшим горлом.

Но приятели расслышали.

— Бежать, — заявили в один голос.

Обретя невиданную стоворчивость и проворство, скинула юбку, не обращая внимания на принявшихся с новыми силами за сборы приятелей. Брюки оказались широки, но тут уж не до фасона. Открывающиеся перспективы не радовали настолько, что ширина штанов не имела шансов меня заинтересовать. Предложи мне сейчас кто шаровары Тараса Бульбы — натянула бы, не задумываясь. В красных сапогах мои ноги стали сразу похожи на гусиные лапы, но и это не вызвало возражений. Быстро пригладив волосы, заплела косу. Василий на это только согласно муркнул, а домовый так и вовсе головы не повернул — они в четыре руки и лапы затягивали узлы.

Получившаяся кучка оказалась солидной, и я со страхом подумала каково будет её тащить... Перепугаться не успела. Подпрыгнув, домовый стянул с колышка невзрачную котомку, и быстро принялся запикивать в неё узлы. Стоило запикинуть малую толику, как тут же весь узел, словно проглоченный, исчезал. Крепенько затянув горловину, домовый протянул котомку мне.

Пока пристраивала поклажу с посильной помощью домового, Василий выволок откуда-то из-за печи лапти, размера эдак пятидесятого. Мои ноги могли войти в один обе, да ещё и место осталось бы. Домовой, внимательно осмотрев добычу кота, согласно кивнул и скомандовал:

— Привяжи на пояс. Это в подарок.

— В подарок? — повертела в руках один лапоть. — Да я из-за этого подарка сквозь ельник не пролезу.

— А лезть и не придётся. Пошли, — направился к выходу домовый, поясняя на ходу: — Мы Лешего позовём. Он мне дядька троюродный... Или четвероюродный... В общем, поможет. А лапотки эти Яга у его жены выменяла. Лешачиха потом пожалела, да дело сделано, Яга назад отдать отказалась. А Лешачиха Лешего до сей поры пилит, лапотки вернуть требует.

Я сочувственно кивнула. Сама не сахар. Если что не по мне, кому угодно плешь проем.

Однако всё оказалось не так просто. Едва приблизились к двери, она, издевательски медленно, захлопнулась, и растворилась в стене. Домовой повелительно топнул ножкой. Ха-ха, эффект нулевой. Василий взвыл, видимо представив, что с минуты на минуту появится хозяйка, и что сделает с нами всеми! Домовой растерянно глянул на меня. Кажется, с этой проклятушкой избой, одной только мне удастся справиться.

Демонстративно осмотрелась по сторонам.

— Ладненько. Что ж, значит, не удалось. Что Яга сделает вернувшись?

— Убьёт, — кратко и по существу буркнул домовый. — Мы впервые её добыче помогаем.

— Что же так? — удивилась я, прикинув, сколько народа здесь поперебывало.

— Они все только о своей шкуре думали, — убитым голосом прошептал Василий. — Ты за нас первая заступилась. Вот мы и... Эх, — махнул он лапой, смахнув хвостом слезу безнадежности.

— Ладненько! Как говорят — двум смертям не бывать, а одной не миновать? Простите, ребята, хотели вы доброе дело сделать, не вышло. Но уж раз погибать, так хоть весело, и не одним...

Решительно подошла к печи, и отодвинула заслонку. Недрогнувшей рукой зачерпнула полный совок ещё красных углей.

Кот с домовым сообразить не успели, зато избушка соображала быстро. Когда дело идёт о собственной шкуре, все быстро соображают. Едва я начала садистски медленно наклонять полный горячих углей совок над полом, как дверь возникла, словно и не исчезала никогда, услужливо распахнутая и слегка поскрипывающая, словно торопя собой воспользоваться.

Не выпуская из рук совок, двинулась в сторону двери, пропустив впереди себя приятелей. Василий хмыкнул, переглянувшись с другом. Похоже, у ребят уже были проблемы со строптивым строением, а я предложила, пусть радикальный, зато действенный метод воспитания.

Сойдя с услужливо опущенного почти до земли крылечка, повернулась к избе, высыпав угли на землю.

— Не сердись, старушка, спасибо за приют, но мне пора, может, когда свидимся.

На мгновение показалось, что избушка обалдела, но тут же опомнилась, и демонстративно хлопнув дверью, гордо удалилась на другой конец поляны.

Приятели поджидали у самых ёлок. Василий грустно прижался к моим ногам, а домовый тем временем принялся что-то выстукивать палкой по ближайшему стволу. Что уж он настучал, понятия не имею, только через некоторое время в еловой стене, стоявшей перед нами, начали происходить изменения. Еловые лапы закачались, раздвигаясь и образуя арочный проход, ведущий в тёмную глубь ельника.

— Ну, пора, — грустно промолвил домовый.

Василий вздохнул.

— Спасибо вам, ребята, — на меня тоже накатила грусть. — Всё забывала спросить, а как тебя зовут? — обратилась к домовому.

— А никак, — преувеличенно бодро хмыкнул он. — Нетути у меня имени-то.

Ногой ощутила, как сочувственно двинулись от вздоха бока Василия. Да уж, ситуация. Василий вон, хоть и кот, а имя имеет...

— Как же так получилось? — удивилась я.

— А вот так и получилось. У Яги старый-то домовый помер, не выдержал. Так она меня ещё малолетком к себе из деревни выкрала. Так и остался без имени. — Потом он усмехнулся: — Да и вы, люди, не часто нас именами балуете.

— Наверно, — согласилась я. — Но ты теперь не просто какой-то там домовый. Ты мой друг. Как же мне тебя по имени не называть?

— Вот и назови, — голосом кота Матроскина протянул Василий.

— И как назвать? — призадумалась я.

— Мальчонку одного, в доме, где я спервоначалу жил, звали Ванечкой, — мечтательно протянул домовый.

Василий стукнул меня по ноге хвостом.

— Что ж, Ваня, Ванечка, Ванюша, — перечислила я. — Неплохо получается.

— Да?! — обрадовался домовый. — Тогда Ванечка, можно? — с надеждой посмотрел на меня.

— Значит, теперь ты Ванечка, — подтвердила я.

Домовой счастливо вздохнул, так, словно ему подарили подарок, который он, как ребёнок, ждал не один день.

— А вообще, ребята, удирали бы вы отсюда. Эта бабка до добра не доведёт.

— Куда бежать-то? У людей дома позаняты, да и чёрных котов вы того, не очень-то.

— Да уж, — невольно согласилась с Ванечкой.

— А ты бы вот, взяла нас в свой дом? — осторожно посмотрев на меня, проговорил Василий.

— Эх, Василий, жила бы здесь — конечно взяла бы. Только я домой собираюсь, а у нас там, понимаешь, с домовыми, похоже, напряжёнка, а уж с говорящими котами, и совсем плохо.

В ответ на мои слова эти двое переглянулись.

— Пора тебе, неровен час, Яга вернется. С неё станется со злости половину леса в щепки разломать, или огнём спалить, — неловко перевел разговор Ванечка.

Что оставалось? Проведя по лохматой голове Ванечки, потискав учёного Василия, нырнула в проход...

* * *

Ельник закончился нескоро, не раз успела оцарапаться о высохшие колючие ветки. Но всё заканчивается, и я вышла в нарядную берёзовую рощу. Пройдя подальше среди пятнистых розоватых стволов, пристроилась на пригорке с раздвоенной березой, усевшись в развилке, словно для этого предназначенной. Откинувшись на согретый солнышком шелковистый ствол, засмотрелась в просвечивавшее сквозь тонкие ветки наполненное августовским жаром небо.

В голову пришла мысль, которая в панике побега как-то не пришла сразу. Яга ведь обещала разузнать о портале перехода. Даже если и соврала, он всё равно где-то неподалёку, значит... Додумать не удалось, меня разморило. Закинув руки за голову, и пристроив лицо в лёгкой тени листьев, задремала.

Когда рядом раздалось побряхтывание, отреагировала не сразу. Приоткрыв один глаз, посмотрела в сторону непонятных звуков. Посмотрела, и дремоту сдуло. Рядом, на берёзовом стволе, пристроился крупный меховой шар, явный родственник домового, только со старческим человеческим лицом, до глаз заросшим шерстью, в которой запуталось столько листьев и веток, что его в целом можно было принять за кучу хвороста.

Рассматривала чудо, не издав ни звука, пока оно не заговорило:

— Это тебя, что ль, Яга на обед готовить-то будет? Ишь, злыдня, молоденькую не пожалела!

— И вы об этом знаете?

— А то! Она всю местную нечисть на пир зовёт, почитай, второй день старается. К ней давненько никто из людей не захаживал, так нечисть-то по человечине стосковалась. Уходить тебе отсюда надо, и как можно скорей.

— Она обещала узнать, как мне домой вернуться...

— Ох, глупа же ты, — перебил Леший. — Верно говорится — волос долгий, да ум короткий. Да она и сама знает, как это сделать, только не скажет. Так что, подымайся-ка ты, девица, на ножки резвые, да беги отсюда, чем скорее, тем лучше.

— А как бежать-то. Вдруг она меня по следам найдёт...

— Эва, нашла следопыта! — хохотнул Леший. — Яга она колдовской силой, пока человечины не поест, не больно-то блещет. А без колдовства нипочём не найдёт.

— А если по запаху? — припомнила сказки и излюбленную фразочку злодейки про «русский дух».

— Да что ж она тебе собака, что ль? В лесу она никого по запаху не найдёт...

Не знаю, далеко ли я ушла от избышки, а только тут нас прервали. Как орала Яга, не описать словами. А уж, какими словами, и вовсе помолчу, вспомню — краснею. Эхо шло по всему лесу. Леший подхватил меня за руку и затолкал под корни берёзы. Закидал листьями, ветками, и я сидела тише мышки.

Оторавшись, бабка схватила помело, и ракетой пролетела над моей головой. Не вру, даже послышался натурально реактивный вой. Береза покачнулась. Когда Леший подал знак, что можно вылезать, выбралась из накиданной кучи хвороста.

Никаких сомнений в словах Василия и Ванечки не осталось. Судя по воплям, этот божий одуванчик, прикидывавшийся белой и пушистой, вовсе не ангел. И меня действительно ждал котел. Из редких цензурных слов, прозвучавших в бабкином монологе, я смогла узнать, сколько всего «вкусненького» она собиралась наготовить для гостей. Даже неловко стало — сорвала нечисти такой банкет. Однако не настолько, чтобы предложить себя в качестве главного блюда на столе.

Подождав, не вернется ли моя бывшая гостеприимная хозяйка, мы с Лешим тронулись в путь. Правда предварительно вручила старому «лапоточки». Не часто я так осчастлививала кого-либо в своей жизни. Сиянием Лешего можно было осветить как минимум поляну. Он прижал лапоточки к сердцу, и, не выпуская их из рук, повёл меня за собой.

* * *

К вечеру вышли к реке.

Не могу сказать, что путешествие далось мне легко. Леший шёл по лесу, словно хорошая машина по шоссе. Ему не мешали ни корни, ни коряги, ни кочки. Казалось, он не замечал бурелома, просачиваясь сквозь него, как вода сквозь решето.

Мне пришлось много хуже. Пробиваясь за этим новоявленным Сусаниным, производила столько шума и треска, сколько мог произвести полк медведей. Впрочем, о чем это я? Медведи, говорят, идут по лесу бесшумно. Я же пыхтела и чертыхалась сквозь зубы. Мой провожатый, то и дело счастливо вздыхавший, поглядывая на подарок драгоценной супруге (крепко же она его достала), изредка косился на то, как я спотыкалась, костёря сухие сучья и брёвна, словно специально подложенные под ноги. Леший иногда тихо ворчал насчет никчёмных людишек, которым в лесу делать нечего, а тоже воображают о себе...

Выйдя к ручью с тёмной, хотя и прозрачной, водой, названному гордым именем «река», Леший показал тощей волосатой рукой направление.

— Иди вниз по течению. От реки не отходи, нет у меня времени тебя по всему лесу искать, да и лес этот не мне подчиняется. Выйдешь к деревне, тамошний кузнец обскажет, что дальше делать.

Махнув рукой на попытку поблагодарить, бесшумно скользнул в сторону ближайшего куста и растворился в тени.

Я, обессилев, села и вытянула гудящие ноги. Взгляд остановился на сапогах, в которых проделала весь путь. Поразительно — обувь оказалась на удивление удобной и прочной.

Откинувшись на локти, посмотрела на просвечивавшее сквозь ветки небо. Солнышко клонилось к западу, а по небу поплыли лёгкие облачка.

Осторожно спустилась к воде, ополоснула лицо и напилась. Вода немного отдавала болотом. Перекусила прихваченной у Яги снедью, и двинулась в указанном Лешим направлении.

* * *

Первая брусничная кочка не произвела впечатления. Скорее всего, я бы и не заметила её, настолько к этому моменту устала, если бы на алые ягоды не брызнул солнечный луч. Ягоды засветились среди тёмной глянцевои зелени листвы рубинами. Невольно наклонилась. Сорвала одну гроздь, другую. Кисловатые ягоды показались нектаром. Свежий сок взбодрил не хуже тоника. Подняв глаза, заметила кочку, где оказалось ещё больше ягод, и расположенную чуть дальше от берега (на что я в тот момент совершенно не обратила внимания). Ноги понесли сами...

Широкий подол длинной юбки, которую выудила из бездонного мешка Ванечки и использовала вместо корзины, отяжелел от крупнющих спелых брусничин. Кочка за кочкой привлекали внимание, и я уже не раздумывала, с какой целью собираю ягоды. Да и кто на моем месте мог бы думать о целях? Таких ягод не видела сроду — огромные кисти, под весом которых ягодник лежал на мху. Кисть — полная горсть, кисть — горсть! Опомнилась, только обобрав последнюю кочку. Именно последнюю.

Собрав ягоды, распрямила спину. Азарт спал, и накатили сомнения. Начало августа... Откуда спелая брусника? А ещё... Вспомнилось — брусничные кочки шли одна за другой, как по ниточке, ни влево, ни вправо, только вперед. И теперь, когда я стояла у последней, оказалось, меня окружают сомкнувшиеся кругом старые ели, словно специально опустившие к самой земле мрачно-зелёные лапы.

Дернулась в одну сторону, в другую — пройденные кочки как корова языком слизнула. Склонившись к ягодам, не смотрела, в какую сторону иду, вспомнилось только, что солнце начало клониться за речку. Теперь его закрыли плотные облака. Похоже, опять влипла.

— Леший!!! Ау-у!!!

Никакого отклика, даже эхо не отозвалось. Села на кочку, выпустив из рук импровизированную корзину и высыпав на мох ненужные ягоды. Хотела бы знать, что всё это означает?! Если это штучки Яги надо ждать её саму. А вообще — на меня ли рассчитана эта ловушка? То, что ловушка — сомнений нет. А самое главное — что делать?

Сидеть, сложив руки и ждать пояснений не в моём характере.

Подхватила на ноги и приблизилась к грозно выставившей иглы еловой стене. Быть не может, чтобы выхода не нашлось! Я же прошла сюда, а ёлки ходить пока не умеют. Обходя стену, то и дело пыталась нырнуть под огромные лапы. Куда там! Всё равно, что в моток колючей проволоки.

Поляна, на которой меня заперли, была невелика, поэтому обход закончился быстро. Только в одном месте показалось, что там может быть проход, поэтому вернулась туда. Толстая в два обхвата ель, терялась макушкой на головокружительной высоте. Нижние ветки

начинались, в отличие от остальных её товарок, значительно выше моего роста. Зато за ней скопилась масса молодых, хотя и не менее колючих, ёлок и елочек. В любом случае, я смогла подойти к этой «красавице». Черт, может именно этого от меня и хотят?

— Ну, и чего от меня тут добиваются?

Подойдя к облитому смолой стволу, осмотрела мох и провела глазами до веток. На поляне начало темнеть. Солнце совсем низко. Ещё немного и придётся остаться ночевать в западне.

Внимание привлекла трещина в коре, расположенная выше головы. Осторожно, стараясь не заляпаться смолой, встала на цыпочки и провела пальцами по краю трещины. Раздался тревожный птичий крик, потом шорох, словно кто-то пробирался сквозь ветки. Нервно осмотрелась, однако никого не оказалось, и продолжила исследования. Уж очень назойливо лезла в глаза эта трещина. Оказалось, в неё свободно проникала рука. Осмотрительность — плохо знакомое мне слово, и естественно, руку в трещину я сунула.

В самой глубине, куда не получалось как следует дотянуться, самыми кончиками пальцев, нащупала что-то инородное. Оно не походило на древесину — было холодным с чёткими резкими гранями.

Любопытство со страшной силой охватило меня. Вытащив руку, принялась осматриваться, ища, на что бы встать. Кроме нескольких сухих сучьев, ничего не оказалось. Весьма невежливо со стороны местных хозяев. Могли бы, раз уж затащили сюда человека, или пенёк какой предложить, или чурбачок. Пришлось довольствоваться сучьями.

Подтащив их к самому стволу, с трудом забралась на шаткое сооружение и заглянула в трещину. Хорошо, крепко держалась за липкий ствол. В глубине трещины блеснуло. Так могут блестеть только ограненные камни. Да уж, теперь такую сороку как я, могло удержать разве что землетрясение! Отодрав от смолистого ствола руку, просунула её глубже. И опять повезло. Налипшая на пальцы смола помогла мёртвой хваткой зацепиться за неизвестный предмет. Потянула, изо всех сил стиснув пальцы, ещё раз... Вещь подалась. Перехватила поудобнее и рванула, как могла...

Сучья треснули, я в очередной раз покатила по земле, раздавив рассыпанные ягоды. Хорошо, что успела вытащить руку, иначе сломала бы её. Поднявшись и растерев многострадальный копчик, смогла рассмотреть добычу. Это оказалась необычного плетения широкая плоская цепь, похоже, серебряная — местами она совершенно почернела. В цепь вставили семь плоских многогранников чёрного камня, в центре которых отблескивали на вечернем свете некрупные но удивительно яркие ограненные камни — красный, оранжевый, как кошачьи глаза, сочно-жёлтый, зелёный, голубой, тёмной почти ночной синевы, фиолетовый. Камни так и располагались в порядке цветов радуги, и, если надеть цепь на шею, выглядело бы это как экзотическое колье. Вот только весило это «колье» — шея переломится!

Повертев украшение в руках, ещё раз прикинув вес, решила, что тащить его в котомке не стоит — холстина не выдержит, вешать на шею тоже — шею жалко. Оставалось одно. Разомкнула фигурный замок в виде змеиной, а может драконьей, головы, и сделала элегантный пояс, из осторожности спрятав его под рубаху. Закончив с этим, ещё раз осмотрелась.

Показалось или нет, но на дальней стороне прогадины еловые лапы вроде как пожиже. Двинулась в ту сторону. Точно. Ободравшись о сучья и иглы не так уж сильно, вырвалась из елового плена и двинулась подалее от ловушки.

Голова от всех волнений работала плохо, но сообразила, что стоит поискать собственные следы, и, отходя от ельника, двинулась по кругу.

Действительно, не прошло и нескольких минут, как наткнулась на обобраный брусничник. Ещё одна кочка, ещё, и к моменту, когда практически стемнело, вышла к реке.

Идти по ночному лесу не решилась бы даже с Лешим. Пришлось поискать местечко для ночлега. Я не додумалась прихватить у Яги что-нибудь для разведения огня. Да и вряд ли сумела бы разжечь огонь чем-то кроме спичек или зажигалки. Пришлось довольствоваться перекусом на ходу холодными остатками пирога.

Двигаясь вдоль отблескивавшего в темноте ручья, ориентировалась скорее по слуху. И очень удивилась, выйдя на свободное от деревьев место.

Мягкая травка спускалась к самой воде плавным спуском. Речушка в этом месте образовывала нечто вроде проточного озерца. Поляну окружали деревья со светлой корой. Присмотревшись, насколько смогла, поняла — я таких не знаю.

Устало переставляя ноги, подошла к дереву и пристроилась, прислонившись к ещё теплому стволу спиной. Клонило в сон. Тихое журчание речушки, шелест листьев над головой...

Проснулась как от толчка. Облака разбежались, на ночное небо высыпались пригоршни звёзд. Присмотрелась — родное знакомое с детства небо. Выходит, Мирлис не соврал, говоря, что мы на Земле. Хотела бы понять, как предки живущих здесь сумели разделить одну реальность на две, да ещё и разместить их на одной и той же планете так, что они друг другу не мешают.

Легла на спину, закинув руки за голову и любуясь ночным небом. Это зрелище не надоест никогда. Звёзды немного поблекли, когда из-за высоких макушек деревьев величаво выплыла луна, озарив поляну и речушку. Гладкая как зеркало вода заблестела. Трава и листья отблёскивали ночной росой в таинственной тени.

И тут послышалось тихое пение. Пели неподалёку, и так пронзительно грустно, что слёзы навернулись на глаза. Несколько голосов выводили плавную мелодию, заставляющую затаить дыхание. Один из голосов зазвучал рядом, но откуда, я никак не могла увидеть.

Села. И тут вместо грустной песни послышался звонкий хохот, на землю с деревьев прыгнули легкие фигурки. Одна соскочила едва ли не на меня. Глянув огромными, мерцавшими собственным светом глазами, девушка скользнула, словно не касаясь земли, к центру поляны, где её подруги уже встали в круг. Распущенные волосы взвились как от порыва ветра, изящные фигурки взяли за руки и заскользили в хороводе.

Я смотрела на танец, не в силах отвести взгляд. Неведомая сила подхватила, и словно не было дневного перехода. Ноги стали невесомыми, а в груди разливалась хмельная лёгкость. Когда успела скинуть одежду, не знаю, на мне остался только поясok из цепи, сняла даже крестик. Меня несло в круг...

Девушки ещё веселее засмеялись, и круг двинулся быстрее. Прикрыла глаза, как и кружившиеся вокруг меня бледные тени, яркий свет луны слепил как солнечный...

Очнулась от визга.

Одна из девушек трясла обожженными почерневшими руками, мечась по поляне. Остальные, шипя, как рассерженные гусыни, окружили меня. Но ни одна не пыталась даже прикоснуться. Теперь, когда наваждение неожиданно спало, заметила, что стою по колено в воде, и меня теснят на глубину. Нет, плавать умею, но их больше! Утянут на дно, как пить дать! Если и не утянут, долго ли продержусь в холодной августовской воде?

Сзади меня попытались ухватить ещё одни руки, и ещё одна тень заметалась по поляне, сразу потеряв очарование.

— У неё Цепь Радуги! — прорычал кто-то справа, и круг отшатнулся от меня.

Присмотрелась к девушкам. Теперь, когда наваждение спало, на лунном свете стали заметны мелкие чешуйки на искривлённых злобой лицах, когти на перепончатых руках. Мамочка, забери меня отсюда! Это что — русалки?!

Видимо то, что ожерелье изображало поясок в неполюженном месте, сбило русалок с толку. Я опустила глаза и удивилась, как ярко засияло украшение. Черные камни вобрали в себя свет гранёных, и каждый засветился своим цветом. Чем ближе подходили русалки, тем ярче светились камни, стоило им отойти, свечение сходило на нет.

— Нам не взять её, — с тоской прошипел кто-то сзади.

— И где она взяла Цепь Радуги?

— Что нам за дело? Мы не можем её взять.

— Яга не простит нам этого.

— Пусть сама...

Этот обмен мнениями, словно меня нет или я ствол дерева, возмутил.

— Эй, послушайте, что вы от меня хотите?

Но русалки не обращали уже на меня внимания. Неведомой силой они оказались опять на поляне и закружились в веселом хороводе, а я, как дура, осталась стоять по колени в воде.

— Тебе стоит одеться. Простынешь — лихорадка одолеет.

Откуда на берегу появился тощий мужик, не поняла. Его волосы, словно под порывами сильного ветра, шевелились сами собой, отливая серебром, как и глаза. Мужик протянул руку, и меня внезапно окатил жар. Господи, стою в реке голая, а этот тип пялится...

— Отвернитесь! — резко скомандовала я.

Мужик, пожав плечами, отвернулся.

Едва не упав, неуклюже выбралась из воды, и бросилась к одежде. Когда натянула рубашку и повернулась к берегу, никого не увидела, только всё так же, с песнями и смехом, кружили на поляне русалки, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Заснула под утро. Остаток ночи с опаской любовалась, как красавицы танцуют на берегу, купаются. Когда на небе появилась светлая полоска, русалки скрылись в кронах деревьев, а я расслабилась и задремала.

Проснувшись, удивилась как высоко солнце. Часов девять-десять не меньше. Обидно, телефон в сумке забыла. И это воспоминание о телефоне сдавило сердце. Потом одёрнула себя — неподходящий момент для воспоминаний и сожалений. Осмотрелась по сторонам.

Ночные происшествия показались сном. Ничто не напоминало о танцах под луной. Даже трава казалась не примятой. Спустилась к воде — на берегу только мои следы.

Умылась и присела в раздумье. Может, всё это действительно привиделось? И русалки, и мужик. Кстати, где-то его видела. Неужели, всё сон? Вытащила из сумки кусок хлеба и сыр. Доставая сыр, вытряхнула из сумки пудреницу. Что-то она напомнила... О, черт! Да, помню этого мужика! Видела его отражение ещё там, в первый день, у родника, когда отдирала с лица остатки косметики!

Значит, у меня повторяющийся бред? Битых две недели психика откалывает коленце за коленцем, а я до сих пор этого не поняла? Осмотрелась по сторонам — вдруг из-за кустов выскочат санитары, что-то вколют, и окажется, что отдыхаю в психушке...

Никаких санитаров. Увы, зря понадеялась.

Сверху послышался шорох, исполошено вспорхнула пичуга, и умчалась в лес. Я всмотрелась в удивительно яркую для этого времени года листву. Хм, бред вернулся... В развилке ствола сидела обнажённая девушка, медленно расчесывая длинные зеленоватые кудри.

— Эй, как тебя зовут?

Русалка лениво повела круглыми болотной зелени глазищами в мою сторону, не удостоив ответом. Возмутительное пренебрежение!

— Слушай, не хочу ссориться, поэтому не доводи до греха, — демонстративно вытащила на вид «поясок».

Очаровательное личико исказила гримаса, преобразив до неузнаваемости. Русалка издала шипение, оскалив остренькие клычки.

— Что надо, человек?

Она произнесла «человек» как ругательство.

— Хочу знать, вы вчера чего добивались? Зачем в воду тянули?

— Утопить хотели, — безмятежно ответила русалка.

— Зачем?!

— Просто так, — пожалала она плечиками, глядя, как я прячу под рубаху цепь.

— Ничего себе, — пробормотала я.

Девушка, не обращая на меня внимания, продолжила чесать кудри.

— Эй, красотка, ты не слышала мой вопрос? Как тебя зовут.

— А тебе что за дело? — с внезапно проснувшимся любопытством взглянула русалка.

— Да вот, хотела бы задать ещё пару вопросов, но, знаешь ли, не удобно обращаться, не зная имени собеседницы.

— А кто тебе сказал, что я хочу на твои вопросы отвечать? — кажется, она очень удивилась. — Мы с людьми дела не имеем!

— Ой-ой-ой, какие мы гордые. Я тоже срусалками дела никогда не имела, но ваше вчерашнее поведение мне не понравилось.

— И что?

— Как это? — опешила я.

— А так.

— Топить, значит, дело есть, а моё мнение не интересно?!

— А не ходи, где не просят. Здесь наша земля.

— Меня сюда Леший привёл...

— С Лешим и разговор особый. Он нам не мешает жить, а мы его лес не трогаем. Ты что же, — добавила она презрительно, — думаешь, он тебя просто так тут одну оставил?

— Ну, — замялась я, — у него дела...

— Дела! — звонко расхохоталась русалка.

— Не упади, — угрюмо посоветовала я.

— Не упаду. — Она презрительно сморщила носик. — Твой Леший сюда нос боится казать. Это наш лес. И никто сюда ходить не смеет.

— Ну ладно, ладно, — примирительно замахала руками. — Лес ваш, согласна. Но меня сюда случайно занесло. И я уйду. Но может, ты мне подскажешь всё-таки — что это за штука, чего вы так боитесь.

Русалка поскучнела. Потом повернулась спиной, и продолжила прерванное занятие. Сколько я ни ходила вокруг, сколько ни пыталась разговорить, она меня в упор не видела.

В конце концов, мне надоело, и я собрала вещи.

— Последний вопрос, что вы Яге скажете?

— Скажем, у тебя талисман.

— И что она сделает?

— А это её дело, — скучным голосом проговорила красотка.

Разлеглась прямо на ветках, словно в гамаке, и, смежив длиннющие ресницы, задремала.

Мне хотелось знать, не колет ли её кора, но спрашивать не стала. А, правда, каково-то бедняжке голым задом да на дереве сидеть?

Что оставалось? Я не интересна здешним жителям с того момента, как они разгадали мою неуязвимость. Единственное, что поняла — найденное украшение имеет силу. Но кто его спрятал, почему, когда собирался забрать — вопросы открыты. Знал ли Леший, что здесь хранится данный раритет, знали ли русалки — не ясно. Во всяком случае, удивления они не испытали, просто разозлились на время.

* * *

Осторожно пробираясь вдоль речушки, берега которой стали крутыми и всё больше зарастали ивняком, я приказала себе перестать раздумывать над происшествиями последних суток. Слишком мало данных для выводов, и слишком много нервов отнимают пустые раздумья. Поедая на ходу встречавшуюся голубику, выбралась на окраину леса.

В непосредственной близости к лесу, обнаружила признаки цивилизации — несколько бревенчатых домов с крошечными палисадниками, между которыми пролегла пыльная дорожка. У домов по несколько грядок, цветущие кусты с дурманным запахом, незнакомого

мне вида. От запаха закружилась голова. Странно, обычно жители деревень стараются не располагаться так близко к потенциальному источнику угрозы, каковым является лес, а если учесть здешних обитателей, хотя бы тех же русалок...

Вокруг стояла тишина, только шелестели под порывами ветра трава да листва. Поэтому звонкие удары по металлу сразу привлекли внимание. Я осмотрелась. На берегу заметила невысокое закопчённое сооружение, из которого доносился перестук. Если и есть в этой деревне кузница, о которой говорил Леший — только там.

Краем леса осторожно направилась к кузнице, стараясь не переполошить местных собак. Знаю я, сколько неприятностей может доставить деревенская свора, особенно если хозяева не держат лучших друзей человека на привязи. Однако пока шла, ни одной собаки не заметила. И никаких типично деревенских звуков, даже кур не слышно. Только с реки доносился гогот гусей, перемежаемый криканьем уток. Странно.

В темноте кузницы ворочался огромный человек, похожий на медведя в кожаном фартуке и штанах. Обнаженный по пояс, он произвел неизгладимое впечатление, и молот в его ручище казался не тяжелее пёрышка.

Стоило заглянуть в распахнутые двери, как кузнец, поворачиваясь, пробасил:

— Заходи, заходи, чего притаилась. Я тебя ещё вчера поджидал.

Он опустил на пол молот, сдёрнул с крюка полотенце и отёр блестящее от пота лицо с густыми бровями и лопатообразной бородой.

— Ну, и где же тебя носило, девица?

Ну вот, опять двадцать пять! И этот — девица. Ладно, бог с ним, не буду затевать спор.

— Да вот, заблудилась немного, пришлось заночевать в лесу.

Кузнец возрился на меня как на чудо.

— Это где ж ты заплутать сумела? Леший тебя вроде как к самой Устье вывел. Куда ж тебя занесло? Да и за полдень уже перевалило...

Пришлось пояснять. Мой рассказ поверг кузнеца в такое изумление, что оно проявилось даже на его заросшей физиономии. Он пристально смотрел на меня, раздумывая — брежу или просто привираю.

Пришлось разубеждать. Вытащила на свет, ярко блеснувшее на солнце украшение.

Кузнеца покачнуло.

— И ты говоришь, нашла его в дереве?!

— Ну да, — недоверие в голосе задело.

Кузнец только головой покачал. Подумал немного.

— Так ты домой вернуться хочешь? А что с талисманом делать собираешься?

— Бога ради! — взмолилась я. — Да поясните же мне, прежде всего, что это за талисман. Русалки от него как покусанные прыгали, теперь вы удивляетесь.

— Ну, русалкам он в руки не дастся. Хотя, подозреваю, они могли знать, где талисман спрятан... Ты, небось, голодная, — спохватился кузнец. — Пошли в дом, поешь, а я тебе тем временем всё расскажу.

Когда весёлая молодая хозяйка, совершенно не подходившая серьёзному, даже угрюмому, мужу, накрыла стол, и выскользнула за дверь, сославшись на неотложные дела у соседки, мой хозяин, представившийся Михалом, приступил к рассказу.

— Начать придётся издалека. На Земле ещё до человека жили разные народы. Расселились по всему миру, и, не мешая друг другу. Войны были редки, воевали в основном с появляющейся нежитью. Не знали ни особой зависти, ни особой вражды. Каждый занимался

своим делом, торговали. Иногда спорили по поводу лучших земель, но старались до крови не доводить. Совет правителей, в который входили старейшины рас, предпочитал разрешать проблемы миром. У старых рас тоже встречались и агрессия, и зависть, и ненависть, но не расцветали как с появлением людей.

Когда на Земле появились люди, мы не придали этому особого значения. Вы были слабее, вас было мало, жили недолго, умственно и физически отставали. Однако с людьми пришла беда. Вы быстро набирались сил и ума, но всё равно не дотягивали до нас во многом. И это родило зависть. Началось с захвата земель. Но земли было много, и мы, предпочитая войне мир, оставляли насиженные места людям.

Этого показалось мало. Вы объявили всех нас врагами, и начали уничтожать, где по одиночке, где целыми селениями.

— Понятно, — кивнула я, отложив ложку. — Зависть — страшная сила, а зависть к более сильному, который свою силу применять не хочет — ещё страшнее. Вам надо было показать людям место сразу, или стать учителями... Впрочем, и это не помогло бы. Знаешь, Михал, о чем больше всего мечтает каждый человек в отдельности и все мы вместе?

Михал взглянул на меня с интересом.

— О бессмертии.

— Но люди зовут к себе смерть.

— Ой, я тебя умоляю! Всё это поза. Предложи такому страдальцу избавить его от беды, из-за которой он призывает кончину, через пять минут он и вспоминать смерть не захочет, и будет молить продлить жизнь ещё на минуточку, а потом ещё на одну, и так до бесконечности. Мы боимся смерти. Есть отдельные личности, но, как мне кажется, и они не отказались бы пожить подольше.

— А как же самоубийцы? — отставив стакан с взваром, прищурил глаз Михал.

— Это уже патология. Человек не справился с неприятностями, и решил их таким образом. К тому же, как мне кажется, они просто надеются, что там, — я махнула рукой вверх, — им будет предоставлен ещё один шанс переиграть игру.

— Возможно.

Спорить хозяин не стал. Пододвинул поближе ко мне жареное мясо. Должна сказать, не сводила с него взгляда уже давно — в желудке места почти не осталось, но аромат!

— В общем, — вернулся он к прерванной теме, — к моменту, когда мы поняли опасность, нас оставалась едва треть былого, а людей стало так много, что вести с вами физическую войну стало невозможно. Тогда Совет призвал Великих Магов, чтобы они нашли решение, которое не привело бы к уничтожению либо человечества, гуманные принципы в нас слишком сильны, либо старых рас. Был такой чародей — Старый Вольх, он-то и нашёл решение...

— Прости, перебью, Старый Вольх?

— В княжеском роду оборотней иногда рождаются дети, обладающие огромной магической силой. Это видно сразу. Так вот Старый Вольх был первым, носившим это имя. Великим чародеем стал, прославился силой и делами. В честь него детей стали Вольхом или Вольхой называть. А его, поскольку жил долго, стали Старым Вольхом звать.

— А как же правило, по которому имя мага не должны знать?

— А у нас не одно имя. Мое — Михал — имя для мира. Есть истинное, данное при рождении. Его знаю только я, да мать с отцом.

— А, это вроде как — имя по заслугам.

Кивнув, Михал продолжил:

— Так вот Старый Вольх предложил разделить земной мир на два, существующие в одном, но не пересекающиеся. Не знаю, как это пояснить...

— Можешь не стараться, с азами физики и геометрии меня, конечно, ознакомили в школе и институте, но разные измерения, это не про меня.

— Не знаю, что такое «институте», но рад, что пояснять не придётся. Так вот — выход нашли, осталось выполнить задуманное. Прежде всего, стали искать источники магической энергии, или любой другой, которую маги могли преобразовать в магическую. Причём преобразовать так, чтобы не уничтожить всё живое в обоих получившихся мирах.

— Об источниках природной энергии тоже можно не рассказывать.

— Хм... Каждый Великий Маг пользовался своим источником. Кто брал энергию солнца, кто воздуха, кто воды, кто земли, и так далее. В общем, решили создать особый талисман, который дал бы возможность объединить силы всех магов, и в случае чего, даже защитить их от гибели. Гномы нашли в недрах камни и металлы, эльфы ограничили их. Феи и русалки дали свои волосы, которые теперь вплетены в эту цепь, и сделали её неразрывной. Древний дракон стал замком цепи. И когда всё было соединено магами в один талисман, даже они поразились его силе. Выглядел он иначе, цепь была такой длины, что образовывала большой круг, и назывался он «Цепь Радуги». Пользовались им маги одновременно, образовав круг, и каждый, держа камень своей силы. Было и ещё два мага — чёрный и белый, которые контролировали поток силы, и ход изменения реальности.

— Чёрного мага допустили к такому делу? — изумилась я.

— А почему нет? Чёрный маг владеет магией Нави.

— Я всегда считала, что чёрными называют магов, которые творят зло.

Михал пожал плечами и пояснил:

— Возможно у вас и так. Сама магия не имеет цвета. Это сила, которую каждый использует по своим способностям. Магия не бывает злой или доброй.

— Ладно, оставим. Значит, они поделили реальность на две, не зависящие друг от друга.

— Не совсем. Всё что живет на Земле, растет на ней, действительно не зависит, но Земля осталась одна, и оказалось, действия в одной реальности сказываются в другой. Так же как и энергии, пронизывающие реальность. Оставшись одни, люди не нашли себе лучшего применения, как начать воевать друг с другом. Пока это были стычки мелких групп, и пока люди не распространились по всей суше, это нас мало задевало, и мы жили спокойно несколько тысячелетий. За это время даже немного восстановили свою численность, хотя ей и сейчас далеко до бывшего — несмотря на долгую жизнь, мы медленно плодимся, в отличие от людей. Когда же людей стало много, и их конфликты дошли до больших армий, когда одно государство стало ненавидеть другое, и стремиться его уничтожить, на местах ненависти, местах боев в вашем мире, у нас стали возникать очаги зла. В них плодились и появлялись новые и новые виды нечисти, с которыми нам пришлось вести войну. Люди стали изменять ландшафт, это тоже сказало у нас. В общем, чем дальше, тем хуже. Люди не могли тогда проникнуть в наш мир, но энергия зла, которую несли вы в себе, отравляла наше существование. Изменить мы ничего не могли, только боролись с результатами. Однако Совет и Великие Маги понимали, что этому надо положить конец. Мы должны хотя бы знать — что задумали люди, чтобы нейтрализовать последствия в нашем мире. Тогда и решили создать систему порталов, через которые наши наблюдатели могли бы приходить к вам и передавать сюда всё, что происходит в вашем мире.

— Но это не единственная цель?

— Да, потом это стало не единственной целью. Система порталов не закончена и по сей день. Великих Магов нет. Едва они сделали большую часть работы, стали происходить разные беды. Они гибли один за другим! И это существа, которые могли жить столько, сколько пожелают сами, в отличие от остальных!

— А может они просто устали?

— Нет, они погибали. Кто от неведомых ядов, которые не сумели распознать, кто от оружия, против которого не помогала никакая, ни физическая, ни магическая, защита. Круг становился всё меньше. Цепь — всё короче.

— А может это всё дело рук чёрного мага?

— Он погиб первым. Чёрный и белый маги были самыми сильными из всех. В итоге остался последний маг — голубой, Владыка сил воздуха. Он предстал перед Советом, и предупредил, что Совету необходимо найти магов, которые будут присматривать за порталами, потому, что связь между мирами установлена, но не защищена, а сам он вынужден скрываться вместе с талисманом. Он сообщил, что укроет талисман в недоступном месте, и никто из магов не сможет воспользоваться его силой. На вопросы Совета отвечать не стал, исчез.

— А может, и его уже нет в живых?

— Всё возможно, но талисман вновь объявился. Почему? Каким образом? Для чего?

— А вообще, что он может, кроме как отгонять русалок?

— Он служит преобразователем силы, а возможно, и сам может стать источником таковой. Поговаривали, что составляющие его элементы выбраны не случайно, и именно их объединение создает такую возможность. То есть он сам — генератор силы.

— Ничего себе, — я вздрогнула. — Выходит, если правильно поняла, таскаю на себе этот самый генератор?

— Выходит так.

— Странно, ничего не почувствовала. Впрочем, я человек, а по твоим словам магии в нас кот заплакал. Следовательно, через порталы люди проникают в этот мир? Проникают, размножаются, развиваются... А что, собственно, мешает им и на этот раз выкурить вас отсюда?

— Иногда ты говоришь слова, о смысле которых я догадываюсь с трудом, — поморщился Михал. — Ты хочешь сказать, почему люди нас ещё не изгнали и из нашего мира? Не могут. После того, как люди появились и здесь, Совет принял решение ограничить их. И теперь люди не могут вести войну с другими расами на уничтожение. Стычки, конечно, бывают. Ведь и мы помним, что сделали с предками. А если учесть наш срок жизни, то есть немало тех, у кого погибли родители, братья и сёстры. Так что не все благодушно настроены к людям. Поэтому в этом мире, им приходится вести себя сдержаннее. К тому же, перенеся всю магию в этот мир, маги ограничили этим возможности развития техники. Здесь невозможно многое из того, что создали люди в твоём мире.

— Например?

— Например, здесь возможно вести войну только холодным оружием и магическим путем. Поверь и в том, и в другом люди слабее старших рас. Поэтому пришлось отказаться от идеи изничтожить нас. Те же, кто вновь попадает сюда, если не возвращаются, вынуждены вести принятый сородичами образ жизни.

— А люди где живут?

— Да везде. Если сравнить ваш мир и наш, то разница не так уж велика. Есть здесь и россы, и франки, и италийцы, и прочие народы. Они живут небольшими государствами примерно в тех местах, где и проникли в наш мир. Селятся, в основном, по признаку общего языка, так легче прожить, ведь наш мир не ваш, здесь без поддержки соплеменников продержаться нелегко. Вот и появились наравне с княжествами наших рас, которые тоже разбросаны по всему миру, и небольшие царства, и княжества людей.

— Ничего себе. Значит, в Америке живут потомки белых переселенцев?

— Есть там и белые, но больше исконных индейских государств. Здесь они враждуют редко, чаще сотрудничают.

— Фантастика! Но если техники нет, то путешествия проходят на уровне предков?

— Основной вид транспорта лошади, — кивнул Михал. — Есть их разновидности, выведенные магически. Но, обладающие даром, могут путешествовать и иначе — переносясь в нужное место.

— Тогда другой вопрос. Павел сказал, что вы заняты предотвращением проникновения и из вашего мира в наш.

— Да, этот так. Ты ешь, не стесняйся. Ешь и слушай.

Я засмеялась, осмотрев ополовиненные миски и горшки, из которых во время беседы то и дело подкладывала в свою тарелку.

Михал улыбнулся и продолжил:

— Так вот, через порталы дорога открыта в обе стороны. Иногда бывает, проникает в ваш мир нечисть. Тогда наши воины идут к вам, чтобы помочь. Вы разучились бороться с такими силами, и какой-нибудь упырь может уничтожить население городка, если его вовремя не остановить. А поскольку вы изменяете саму землю, нам приходится следить за этими изменениями, чтобы успеть избежать жертв.

— Погоди, — проглотила откушенный кусок. — Это как?

— Сама подумай, — пожал плечами Михал. — Если в твоём мире люди изменили русло реки, прорыли канал, а занимаются этим люди издавна, разумеется, это же произойдет и у нас.

— А если там кто-то жил?

Михал развел руками в ответ.

— Но тогда и вы можете повлиять на наш мир, к примеру, вырыв озеро посреди города?

— Можем, но мы уважаем вашу жизнь, и делаем всё, чтобы вам не мешать. Хотя и у нас есть доведенные до отчаяния поведением людей. Те, кто предлагает, ради продолжения жизни на Земле, уничтожить род человеческий и дать место для развития древних рас...

— Прости, Михал, а много этих «древних»?

— Много. Припомни сказания людей разных национальностей и посчитай. Во главе каждой расы стоит одно высшее существо. Назови, как хочешь — правитель, царь, князь — значения не имеет. У всех по-разному. Он имеет право отдать приказание любому представителю своей расы. А все вместе они входят в Совет, который и решает проблемы жизни в нашем мире.

— Значит эти правители маги?

— Не все, да и не такие уж сильные. Магическому искусству учатся всю жизнь, и это отнимает почти всё время и силы, где уж сильному магу править народом, или правителю обучаться магии.

— Кстати, не мог сам маг стихии воздуха устранить своих коллег?

— Нет. Маги принадлежали к разным расам. Каждый из них пользовался силами разных стихий, и не мог пользоваться силой других.

— А не мог ли найтись кто-то, кто сумел воспользоваться силой любой стихии?

— Мы думали над этим, но не смогли обнаружить такого. Подобные таланты скрыть трудно.

— Ну, уж и трудно! Если он разделался поочередно с восьмью магами, то уж точно в состоянии скрыть и свои способности.

Михал усмехнулся. Понятно, в моих словах для него ничего нового. Наверное, кузнец и сам думал об этом.

— Михал, — отвлекла хозяина от раздумий, — а мне что делать? Как попасть домой? Леший сказал — ты поможешь.

— Ещё месяц назад помог бы. Но портал неподалеку исчез, куда — понятия не имею.

— Зато имею я.

Буркнула чуть слышно, но кузнец расслышал.

— И куда?

— Меня же к Бабе Яге вынесло. Значит и портал неподалёку от неё бродит.

— Похоже. Только вот кто же его туда утащил? Яге это не под силу. Она ведьма конечно сильная, но...

— А меня ещё и другое волнует. Давно вся эта история с талисманом произошла?

— Да уж почитай тысячи четыре лет тому назад.

— Ага. А в ёлке талисман лежал практически на виду. Его словно за пару дней до моего прихода подложили. Он застрял в трещине, трещина давняя — кора успела края зарастить, но уж точно не тысячи лет назад. Эта ёлка столько и не прожила на белом свете.

— Ты права, — задумчиво протянул Михал. — Но тогда получается, что его мог подложить только Голубой маг. — Михал удивленно посмотрел на захихикавшую меня. — Ты что?

— Да так. Понимаешь, у нас слово голубой применительно к человеку, означает определенную характеристику.

— Это какую?

— Сексуальную.

Михал смотрел непонимающими глазами.

— Проехали. Потом как-нибудь объясню. Вернёмся к нашим баранам...

— Ты ещё есть хочешь? — удивленно окинул взглядом почти опустошенный стол кузнец.

— Михал, — взвыла, не выдержав, — это просто такие обороты речи, не обращай внимания. Короче — что мне делать?

— Тебе, раз уж ты решила вернуться домой, надо идти к ближайшему portalу перехода. Он недалеко здесь — в Васильевске, столице царства россов. Говорят на привычном тебе языке, доберешься быстро, я коней дам и проводника. Пойдешь к младшей царевне тамошней — Василисе Премудрой. Она сильная волшебница и портал где знает. Вот и отправит тебя домой.

— А ей можно талисман показать?

— Хотел бы знать, — тяжело вздохнул Михал. — Сам не возьму, а как Василиса? Не знаю...

Мы призадумались, и сидели бы так, понурив головы, если бы не вернулась жена

Михала Отрада и через пару минут не постучала в дверь, изнемогая от любопытства соседка, у которой та провела половину дня.

Расспросы о моем мире и приключениях длились до темноты. Подошли и другие соседи, жизнь в деревне не отличалась разнообразием. Моё иномирное происхождение приняли спокойно, даже равнодушно, зато мои похождения в лесу взбудоражили народ. Особое возмущение вызвало поведение Яги, и мне подумалось, что старухе придётся несладко, если она покажется вблизи деревни. Постепенно разговор стал больше похож на деревенские посиделки, где молодые девицы строят парням глазки, ребятня развлекается, как может, зрелые матроны внимательно следят за молодежью, чтобы было о чем почесать языки уже завтра с утра, а мужики решают свои мужские дела. Я потихоньку подобралась к хозяину, внимательно посматривавшему на гостей.

— Михал, прости за вопрос, — я почти шептала, уж больно страшно стало, ведь если Михал оборотень, то эти люди... — Скажи, здесь в деревне что, все оборотни?

Михал посмотрел удивленно, и ответил не таясь:

— Да не бойся ты. Ты у нас в гостях, а тем более — у меня. Никто не тронет.

— А кто они?

— Отрада моя и дети — медведи, как и я. Там вон юркий такой, он всё тебе вопросы про самолеты задавал — он из сокольего рода. Много волков, есть кабаны.

— А в других деревнях.

— Да разные есть. Я, к примеру, могу тремя зверями оборачиваться, те, кто послабее, одним. В основном селимся по тем местам, где те же звери-птицы живут.

— Это понятно. Странно было бы увидеть в средней полосе крокодила. Кстати — есть такие?

Михал рассмеялся:

— Любые есть. Есть и такие, что страшно представить. Но эти подале от людей селятся, чтобы с нечистью не перепутали. С ними дело имеют, в основном, представители старших народов. А княжеская семья может обращаться и в драконов.

— Обалдеть! Вот бы мне научиться обращаться!

— Не приведи тебя судьба, девонька! Если человек начинает обращаться — дело плохо. Самое лучшее, что для него сделать можно — серебра дать отведать, чтобы долго не мучался. Если человек стал оборотнем — значит с нечистью дело поимел. Иногда нечисть не до конца кровь высасывает, вот те, кто выжил, становятся оборотнями. Нам с ними много мороки, они ведь не понимают, что творят, в них только и живёт, что сожаление о потерянном, и ненависть к тем, кто со своим народом остался, куда они вернуться не могут. А более всего они ненавидят близких своих. Чаще всего, родню первыми и уничтожают. Счастье ещё, редко кто выживает после нечисти.

Меня передёрнуло, но как всегда любопытство взяло верх.

— А я вот читала, что эльфы могут вступать в брак с людьми?

— Не только эльфы. Да только радости в таком браке мало. Человек лет сто живет, редко больше, но к концу жизни старость, болезни одолевают. А если его пара проживет лет триста-четыре, а то и более? Каково человеку, и его супругу? Один стар — другой до последних дней молод и свеж, один знает, что скоро умрёт, другой знает, что скоро потеряет. Разве ж это жизнь? Бывает, конечно, по большой любви уходят оба вместе, но не хорошо это — каждый должен прожить отмеренный судьбой срок.

Призадумалась. В чем-то Михал прав. Хочу я стареть, а муж мой всё выглядел бы лет на

тридцать? От ревности раньше срока скончаюсь. А если он со мной захочет умереть? Нет уж, ни за что бы не позволила... А с другой стороны — каково ему будет жить?.. Я оборвала собственные теоретические изыскания. Господи, о чем только мысли в голову лезут? Мне о чём думать надо? Правильно — как домой попасть и забыть своё приключение. А меня взволновали проблемы смешанных браков. Придёт же такое в голову!

Едва рассвело, Отрада подняла меня и пригласила к столу. Она с улыбкой наблюдала, как я плескала в лицо студеной водой, и подала ярко расшитое диковинными цветами полотенце. Вода согнала сон и к столу я подошла, испытывая такой голод, словно вчера не ужинала.

Михал уже поел, и занимался лошадьми. Наблюдая в окно за кузнецом, удивилась, как спокойно животные переносят его присутствие. На мой вопрос Отрада сообщила, что лошади у оборотней не совсем такие, как у людей. Выведены давно, ещё предками, и оборотней не боятся.

Заметив, что мне приглянулись ладные крепконогие скакуны, Отрада заметила:

— Ты на эльфийских коней посмотрела бы. Вот это сказка. Да только они, кроме эльфов, никого не возят. Редкий случай, если такой скакун соглашается послужить другой крови.

— А почему так?

— Так каждый народ лошадей под себя выводил. Наши живут недолго, а эльфийские почитай тысячу лет проживут, и всё ещё легки на ногу. А гномы своих вывели. Им и на наших-то не сесть, куда там до эльфийских.

— Посмотреть бы.

Отрада засмеялась:

— Если всё смотреть, твоей жизни не хватит.

Что оставалось возразить? Только вздохнуть.

Михал ввалился в дом. Половицы заскрипели под тяжёлыми шагами.

— Ну, готова?

Кивнула, дожёвывая последний кусок.

Отрада протянула узелок, полный снеди.

— Возьми, путь неблизкий.

Я пошарила глазами по своим вещам. Потянулась к торбе Яги, и выудила из неё расшитый петухами рушник. Протянула молодой хозяйке.

— Отрада, у меня ничего нет, правда, сунул мне Ванечка, чтобы утираться. Может, возьмёшь на память?

Михал перехватил рушник у меня из рук.

— От Яги, говоришь?

Внимательно рассмотрев рушник, он взмахнул им, и кинул на стол. И тут же на столе оказалась белоснежная скатерть с сервировкой. Вот только многие блюда выглядели полупустыми. Мы с Отрадой ахнули.

— А я им лицо да руки вытирала!

— Ну, от этого она хуже не стала. Не простой это рушник — скатерть-самобранка. Выдыхается, надо заряжать, — добавил он, осмотрев блюда.

— Вот и заряди, — довольно кивнула я. Потом спросила: — А неприятностей от Яги не будет?

— Не будет. Только тебе она пригодилась бы...

Замотала головой.

— Ну, уж нет. С такой скатёркой через месяц ни в одну дверь не пролезу. Тут всяких

вкусностей столько, что есть буду, пока не лопну. Так что оставляю вам.

Отрада, довольная подарком, быстро сложила рушник и унесла. Михал тем временем попросил показать, что ещё прихватила у ведьмы. Рассмотрел внимательно сапоги, котомку. Оказалось, кроме припасов, хозяйственный домовый положил ещё свечной огарок, большой клубок, который неожиданно начал рваться у Михала из рук, едва тот выудил его из котомки, совсем уж непонятно зачем, уложенный в дорогу, мой отстиранный костюм и кусочек тростника.

— Сумка твоя с секретом, в неё много чего положить можно, тяжелее не станет. Только надо осторожной быть — не порви, иначе всего, что положила, лишишься. У нас с такими купцы ездят. Удобно, практично. Огарок — свечка самосветная. Если попадёшь в место тёмное, он выручит — сам зажжётся и дорогу осветит. Постарайся его никому не показывать — вещь редкая, охотников на такую редкость много.

— Клубок дорогу показывает? — кивнула на непоседливый предмет.

— Верно, только учти, он вырвется при первом удобном случае. Так что держи крепче, а желательно нить привязать к поясу — тогда далеко не убежит. И каждый раз, прежде чем его использовать нитку проверяй — порвётся, не вернёшь, а вот он может к Яге вернуться и её на тебя вывести. Вещица полезная, но коварная. Ты поосторожней с ним.

— А тростник мне на что?

— Знал бы — сказал. Ладно, жизнь подскажет. Тебе, смотрю, сумку знаток собирал.

Кратко рассказала о приятелях, оставшихся у Яги.

— Не тревожься за них. Когда домой вернешься, домовый придёт, раз пригласила. Для их породы нет границ между мирами. Они существа изначальные, к духам относятся. Магии в них самих не много, но пользоваться ею могут, так что он, если захочет и кота приведет. Правда не уверен, сможет ли кот у вас там говорить. Сомневаюсь.

— А домовый его понимать будет?

— И домовый его, и он домового. И тебя он будет понимать, вот только разговаривать... — Михал развёл прокопченными ручищами.

— Что ж, рада буду, если свидимся с ними.

Вышли на крыльцо. Проводник, не отличавшийся от человека парнишка лет пятнадцати, уже сидел верхом. Михал внимательно осмотрел меня и довольно кивнул. Надо сказать, одежда, выданная домовым, оказалась удобна и практична. Вот только, как отнесутся к моему виду люди, к которым еду.

Отрада принесла подбитую мехом неизвестного мне животного жилетку с капюшоном, с застежкой в виде волчьей морды. Талисман я так и оставила на талии, спрятав под одежду.

Михал подвел высокую кобылу, недовольно осмотревшую меня карими с лиловым отливом глазами. С первого взгляда проклятая коняга определила, что верхом ездить не умею. Разумеется, пока Михал подсаживал меня в седло, она стояла смирно, изображая рабыню на плантациях. Но стоило нам тронуться с места — тут же показала что почём.

Едва отъехали от дома, эта каштановая мерзавка решила, что направление движения ей не нравится, и повернула направо. Я, как и крикнул стоявший на крыльце Михал, потянула повод влево. Кобыла оглянулась на меня, совсем как сова, развернув голову на сто восемьдесят градусов, и воззрилась с таким удивлением, что я невольно отпустила повод. Довольно кивнув, каштанка продолжила путь, невзирая на крики Михала и проводника. Отрада молчала, уткнувшись до глаз в передник и подрагивая плечами. Ничего, мне хватило и глаз — понятно, что смеётся! Остальные провожавшие не были так тактичны, и смех не

заглушали.

Сильно потянула повод в нужную мне сторону. Кобыла сделала вид, что слушается, и, проделав полный оборот вокруг себя, пошла в ранее выбранном направлении. Зрители уже потешались в голос, даже серьёзный Михал.

Опять потянула влево. Скептически пожав плечами, кобыла начала поворот, собираясь повторить финт. Ага, сейчас! Не на ту нарвалась! Ещё решительнее натянула правый повод. Слегка растерявшись, кобыла остановилась, мордой в нужном мне направлении.

И тут меня чёрт дернул шлёпнуть её по заду! У-у-у! Насмотрелась вестернов, дура несчастная! Деревня исчезла из виду минуту спустя, проводник едва сумел нас догнать, всё ещё давясь от смеха. Когда же догнал и увидел меня, то вообще едва не свалился с седла.

Рванув с места, кобыла скакала козлом, стараясь скинуть меня. Чтобы не остаться на дороге в полном одиночестве, пришлось обхватить её шею обеими руками, ногами обхватить бока изо всех сил, и повиснуть как репей на собачьем хвосте, не дав себя стряхнуть.

Конечно, я не молчала! Если кобыла и была знакома с ненормативной лексикой оборотней, то человеческую слышала впервые. Вообще-то, она и остановилась так нескоро, наверное, приняв всерьёз все мои «обещания» выданные в те минуты.

Короче, остановились мы, промчавшись ветром вдоль берега Устья, у бурелома, где Инар перехватил повод, и изо всех сил потянув за него, остановил упрямую тварь.

Отдыхали около получаса. Пришлось подождать, пока мои руки и ноги придут в норму и перестанут трястись. Заодно я немного размяла судорожно скрюченные пальцы.

— Быть может, сядем на моего Рассвета вдвоём? — неуверенно предложил Инар.

Глянула на спокойно стоявших неподалеку скакунов. С одной стороны, это лучший выход. Но коню придётся работать за двоих, тогда как эта зараза будет рядом отдыхать, словно на променаде. Ни за что!

— Поеду сама.

Инар вздохнул и пожал плечами.

Подожли к нашему транспорту. Парень приготовился придержать кобылу, однако я подошла к её морде и встала, руки в боки, с самым уверенным видом, какой только могла изобразить.

— Так, красавица! Насколько я видела, ты всё прекрасно понимаешь, и поэтому не делай вид, что ты дура. Не верю. Предлагаю — ты меня мирно везёшь, за что обещаю постараться не слишком надоедать тебе. Если будешь отравлять мне жизнь, найду способ сделать и твою невыносимой пока я рядом.

Кобылка внимательно вслушивалась в мой голос, кокетливо глядя из-под густых ресниц. Для закрепления выступления я протянула на ладони зелёное яблоко. Кобыла яблоко обнюхала. Подумала пару секунд, потом милостиво сжевала. Окинула задумчивым взглядом небеса, спрашивая их совета, и передернула шкурой.

Инар ухватил капризницу за повод, и собрался держать её мертвой хваткой, пока я буду взбираться в седло. Дело действительно оказалось не таким уж простым. В деревне меня посадил Михал, подбросив как из катапульти, даже не поняла, как оказалась в седле. Теперь пришлось ещё сообразить, как встать в странной формы стремя, что бы не оказаться на спине лошади лицом к хвосту. Хотела бы знать, как это удаётся в фильмах лихим ковбоям взлетать в седло без помощи стремян? Мне и со стремянем это удалось лишь с четвертой попытки, причём пришлось делать вид, что не замечаю трясущихся от смеха губ мальчишки, и смешливых чёртиков в скошенных на меня глазах кобылы. Впрочем, оба вели себя внешне

безупречно — Инар не издал ни звука, а кобыла не шелохнулась, высоко вздернув голову, и изображая занятость проплывающими облаками.

То ли воспитательная работа помогла, то ли кобыла, прозванная мною Каштанкой, притомилась от нервных переживаний, но до полудня мы продвигались лесными тропами с редкими остановками для того, чтобы я могла размять затекающие руки, ноги, спину... Короче, что бы могла размять ноющие мышцы... Всего тела!

Инар оказался замечательным знатоком леса, и тихим голосом, удивительно подходящим моему настроению и не тревожащим лесных жителей, рассказывал о травах и деревьях мимо которых проезжали. Слушала внимательно. Мальчишка старался отвлечь неумелую всадницу от физических страданий. Милый такой!..

Из его рассказа о житье оборотней, поняла, что в селениях людей они стараются бывать как можно реже. Люди всё-таки не слишком хорошо к ним относятся. Точнее, люди и не поняли бы, кто перед ними, но собак не проведешь.

Оказалось, не истинным (как назвал их Инар) оборотням приходится прятаться только тогда, когда число их жертв уже настолько велико, что наводит ужас на всю округу. Но эти существа тоже совершенно не тревожат никого кроме собак. Да и собаки их чувят, но помалкивают, зная силу и злобность этих несчастных. Остальная живность относится к ним как к простым людям. А люди, и подавно, могут отличить такого только в момент обращения или охоты — иными словами, когда уже поздно.

Разницу, между истинными оборотнями и превращёнными, люди понимают не всегда, особенно в деревнях. Поэтому истинные оборотни, которых выявить легче, стараются не особо отсвечивать. Но именно оборотней зовут чаще всего, чтобы разобраться с нечистью, отдавая должное их силе, ловкости, да и магическим способностям. Там где потребуется десяток людей, нужна всего пара опытных оборотней, и от нечисти ничего не останется.

Впрочем, Инар подтвердил мои слова насчёт того, что такая помощь (кстати, в основном не оплачиваемая), не сильно улучшает отношения между людьми и его расой.

Мы отлично провели время, устроившись на залитой солнцем поляне. Лето стояло роскошное, припекало солнышко, и небо поражало синевой.

Инар не стеснялся задавать вопросы. Пришлось рассказывать о своей жизни. Его интересовало буквально всё. Мальчишка признался, что мечтает стать одним из наблюдателей. Так хочется ему побывать в моём мире. Мне показалось немного странным, что простой мальчишка из глухой деревни лелеет такие мечты. Оборотень пояснил, что собирается поехать в столицу, где есть специальная школа, и куда принимают, не глядя на место рождения. Там важны способности, а Михал сказал, что такие у него, Инара, есть, и очень хорошие. Михал ведь один из самых сильных чародеев их времени. Ему уже больше трёхсот лет.

Ахнула при этом сообщении. То-то он рассказывал о делах минувших дней так, словно был их участником, или знал о них из первых уст. Оказалось, действительно, его отец помогал Великим Магам, и даже знал Старого Вольха. Тут уж я пристала, пока парнишка не начал рассказ, которого хватило до ночи.

Под вечер, в самый неприятный момент — мы как раз проезжали тёмный ельник, скакуны вдруг взбесились. Счастье, что, благодаря мне, ехали не слишком быстро, иначе, не знаю, как Инар, а я точно вылетела бы из седла, и столько выстрадавший за этот день зад получил бы ещё и удар о землю! Хорошо если только зад! Вот появлюсь перед царевной Василисой с расквашенным носом!

Кашпанка привставала на задних ногах, и серый Инара не отставал. И тот и другая наотрез отказывались сделать хоть шаг вперед. Потом вдруг, так же одновременно, успокоились, и собрались продолжить путь. Но тут заартачился Инар. Он спрыгнул на землю, и, крепко держа повод своего серого, принялся осматривать дорогу.

Воспользовавшись возможностью, я, мучительно покряхтывая, слезла с седла. На дороге, в вязкой грязи от прошедшего на днях дождя отпечатался забавный след. Три пальца вперед и один назад, как у птицы, но по форме — скорее след животного.

— Это что же такое?

— Перевертыш, — угрюмо проговорил Инар. — От меня ни на шаг не отходи. Иначе подменит, и уйдешь за ним неведомо куда.

— Кого подменит? — не поняла я.

— Меня, кого же ещё? Я его распознаю, хотя бы по запаху, а ты, боюсь, нет.

— А вообще, это кто такой?

— Перевертыш-то? Это плод одного удачного эксперимента. Решил маг создать существо, которое может принимать любой вид, а оно вырвалось на волю. Хорошо, если перевертыш сам по себе, а то они чаще в услужении тех, кто людей, на дух не переносит. Заманит.

— Думаешь, он Яге служит?

— Кто его знает? Они сами себе хозяев выбирают, раз и навсегда. Для хозяина перевертыш всё сделает.

— Ты вроде сказал, что вырвался только один перевертыш?

— Вырвался один. Да только он потом мага того самого убил и остальных перевертышей повыпускал. Вот они теперь и расплодились. Счастье, что обзаводятся потомством редко...

Мы оба подпрыгнули, когда кони, взвизгнув, кинулись наутёк. Инар повис на поводьях, пытаясь удержать обезумевших животных, я козой прыгала рядом, не в силах подступиться к мелькавшим в воздухе копытам, между которыми иногда взлетали и ноги моего спутника.

Естественно, один справиться с двумя ошалевшими зверюгами парень не смог и они, придя к единому мнению, рванули по дороге, унося Инара в голубую, точнее — зелёную, лесную даль.

Я осталась одна, и тут из-за ближайшего куста на дорогу медленно переступая неуклюжими лапами, выбралось удивительное существо. Оно собрало в себя все возможные орудия самозащиты, доступные животным — рога, клыки, когти, растрёпанная густая шерсть с иглами. Но двигался зверь робко, похоже, боялся меня больше, чем я его. Так мы и продвигались некоторое время по дороге — оно ко мне, я от него. Перевертыш, решила, что никем другим такое чучело быть не может, опомнился первым. Остановился и припал на передние лапы. Рога и клыки, оплывая как воск, исчезали на глазах, и передо мной осталось нечто милое, пушистое... На фоточку просится!

— Не верю! — проговорила я. — Ты, дружок, уже показал, на что способен. Да и кони явно о тебе не лучшего мнения, так что не прикидывайся белым и пушистым...

И замерла, открыв рот — шерсть перевертыша на глазах приняла ослепительно белый цвет.

— Ты что понимаешь меня? — с трудом сглотнула. — Ну-ка, перевернись пузом кверху!

Представить невозможно! Он перевернулся! Хм, похоже, у этого самого перевертыша во мне большая нужда. А если он от Яги? Да чёрт с ней, с каргой старой. Если, как сказал

Михал, никто не может причинить мне зла, пока на мне талисман, так я ведь, пока домой не доберусь, снимать его не собираюсь. Так что Яга перетопчется. Буду как тот Колобок — от бабушки уже ушла, от девушек тоже, теперь придётся от зверька, милого такого, уходить...

— Ты чего хочешь?

Зверь вскочил и кинулся обратно к кустам. Будто, приглашал за собой. Ну... Я и пошла.

Оказалось недалеко. Вдали затих стук конских копыт, кажется, Инар исчез надолго.

Пока он успокоит эту пару! Хорошо если кости парню не переломают.

Кусты закончились неожиданно. Мы вошли в ельник, заваленный буреломом. Перевёртыш, призывно повизгивая, подскочил к поваленному дереву. Ничего себе! Из-под дерева торчал, невесть чей, шевелящийся пушистый зад с ещё более пушистым хвостом. Этакая помесь белки и ангорского кота. Зверёнок едва шевелился, судорожно пытаюсь выбраться из ловушки в которую угодил.

Странно, ветра не было. А впрочем, наверное, дерево рухнуло само по себе, и придавило пушистика. Скорее всего, его родитель долго пытался помочь детёнышу. Существо под деревом было меньше моего нового знакомого, но лапы не руки, и поднять здоровенный ствол не удалось.

Осмотрелась по сторонам. Среди бурелома нашлось много тонких поваленных деревьев, и я, пытая от натуги, принялась вытаскивать одно из них. Это оказалось не проще, чем сдвинуть с места гору, пришлось искать что полегче. Поиски затянулись, перевёртыш начал проявлять нетерпение — малыш едва подавал признаки жизни. Наконец отыскала прочную и вместе с тем тонкую ёлочку, оказавшуюся мне по силам. Подтащила к упавшему стволу, и принялась соорудить рычаг.

Перевёртыш внимательно следил за моими действиями, периодически подбегая к детёнышу.

— Как только приподниму ствол — тащи его хоть за шкурку, хоть за хвост. Учти, долго такую тяжесть не удержу.

Перевёртыш, как мне показалось, всё понял и встал рядом с малышом. Приладилась поудобнее и навалилась на свободный конец рычага... Ствол ни с места. Легла на жердину и поджала ноги. Ствол дёрнулся, чуть-чуть подался... И тут у меня потемнело в глазах...

* * *

Ледяная вода лилась на лицо, подтекая за шиворот. Что за дурацкие шутки! Дёрнула головой и застонала от боли — на движение голова отозвалась гулом и треском, словно в ней работал кузнец.

— Ну что, пришла в себя? Садись.

Твёрдая рука обладателя смутно знакомого оглушительного голоса потянула меня и перевела в сидячее положение. Должна сказать, что голове это не понравилось.

— Вышей!

К губам поднесли отвратительно вонявший сосуд. Хлебнула. Вонял не сосуд, а его содержимое.

— Не отворачивайся, допивай до конца, — скомандовал всё тот же голос уже тише.

Пришлось допить. В голове прояснилось как по волшебству. Гул постепенно стих. Я сидела на расстеленном поверх еловых лап одеяле. Рядом, поддерживая за плечи, на коленях

стоял Инар, именно его голос показался оглушительным. Парень отставил небольшую плошку, от которой несло всё тем же отвратительным запахом.

— Ну что, полегчало?

Утвердительно кивнула, и тут же ухватила за голову.

— Осторожнее! Тебя с такой силой огрели, диво, как голову не пробили.

Подняла руку и нащупала на затылке здоровенную шишку.

— Кто меня так?

— А ты не помнишь? — Инар встревожился.

— Я пыталась помочь маленькому перевёртышу. Он никак не мог выбраться из-под ствола...

Инар только обреченно вздохнул:

— Перевёртыш не мог выбраться! Нет, надо тебе срочно домой возвращаться. Придумала эдакое. Да он из любой щели вылезет! Ему другой облик принять — что тебе переодеться, только новая одежда всегда под рукой. Хотел бы знать — чего он тебе наговорил?

— Наговорил? А он что, и разговаривать умеет?

— Не хуже нас с тобой. В общем, всё ясно — он тебя на жалость взял, в ловушку заманил. Когда я там оказался, ты на какой-то жердине висела. Они вокруг кружили, но подступиться не смогли, — Инар вопросительно посмотрел на меня.

Помня рассказ Михала, не стала просвещать парня о талисмানে, и, чтобы остановить расспросы, со стоном ухватившись за голову, обессилено опустилась на одеяло.

Инар с ухмылкой посмотрел на мой театр и пошёл разводить костёр.

Ужинали в молчании. Я боялась лишних расспросов, а Инар не хотел быть навязчивым. Потом сидели у костра. Мне от усталости не хотелось спать, да и голова почти прошла после отвратительного поила. Вот интересно — оно оказалось действенным, или голова предпочла пройти сама, лишь бы больше не предлагали подобную отраву?

Инар заговорил первым, переведя беседу в безопасное русло — расспросы о моём мире. Эта тема его настолько увлекала, что расспросы, и рассказы могли длиться бесконечно. Лишь укладываясь спать, робко напомнила о происшедшем дне.

— Инар, а что ты сделал с перевёртышами?

— Одного убил, остальные удрали.

— Остальные? Там их всего двое было.

— Их там около десятка было! И хотелось бы знать, откуда столько, и кто их хозяин. Надеялся, хоть одного живым взять, но не удалось.

Легла, раздумывая о своей беспечности. Даже сейчас казалось, что всё происходящее не серьёзно. Как-то все опасности проходили мимо, не задевая меня. Ну, почти не задевая, если не учитывать шишку, из-за которой я не могла лечь на спину и ноющие мышцы (надо записаться в тренажёрный зал, когда вернусь домой). Удар по голове, в сущности, первая моя травма в этом приключении — от Яги уйти мне помогли без потерь, скорее с прибавкой веса. Русалки утопить пытались — ушла. От перевёртышей меня спасли, отделалась головной болью. Всё выглядит нереально. Будто кто-то играет со мной. И в то же время удар по голове — плохой знак. Что последует за ним? Удар ножом? После него быстро не оклемаюсь, если оклемаюсь вообще.

Взглянула на Инара, всё ещё сидевшего у костра. Он задумчиво смотрел в огонь, словно пытался найти в языках пламени ответ на какой-то вопрос. Где-то далеко послышался

волчий вой. Парень поднял голову и прислушался. Вой повторился — унылый и вместе с тем тревожно-грозный. Но Инар успокоено вернулся к созерцанию догоравших поленьев. Уверена, он понял, что сказал далёкий волк.

Расседланные лошади тихо пофыркивали в темноте, мягко шурша копытами по траве. Глаза закрылись сами собой...

Стольный град Васильевск произвёл на меня впечатление. Совсем не такого зрелища я ожидала, поначитавшись книг.

По моим представлениям он должен был оказаться «посёлком городского типа», огороженным бревенчатой (или, совсем уж роскошно, каменной) стеной, с выстроенным в центре на взгорке царским теремом. Вокруг терема должны выстроиться плотным строем терема боярские, разукрашенные как пряники — резьба, роспись и прочие роскошества. По выложенным досками (в лучшем случае) центральным улицам, должны сновать прохожие в национальных русских костюмах типа: девицы, с косами ниже пояса, в кокошниках и сарафанах, молодки в вышитых салопках (или как там их называли), и больших шалях на головах, и мужички в нарядах «а-ля царевич Иванушка» — в шапках с опушкой и кафтанах, шитых если уж не золотом, то серебром, как минимум. Все они должны ловко уворачиваться от всадников и гружёных телег. Именно так представляла себе сказочный город.

Подойдя к стенам, поднявшимся на высоту панельной пятиэтажки, и глянув в распахнутые ворота, едва не завопила от разочарования. Это возмутительно — меня обманули!

Но, обо всём по порядку.

Встретили нас ещё в лесу. Инар в город со мной не поехал, отговорившись, что ему надо возвращаться — задержались в дороге из-за моего «искусства» ездить верхом. Оборотень передал меня посланнице царевны Василисы, с которой Михал как-то связался. Девчушка, лет тринадцати, с красивым именем Росана, порозовела, увидев высокого крепкого парня, и, не обращая на меня внимания, принялась играть прядью длинных золотистых волос, бросая на Инара взгляды из-под ресниц.

Я развеселилась, а парню не до смеха. Уверенный в себе во время путешествия, он покраснел как майская роза и занялся перекладыванием поклажи.

Грустно вздохнув, Росана внимание обратила и на меня, заявив, что царевна велела привести гостью не сразу в терем, а отвести на первое время к своей няньке. А вот няньку надо бы предупредить, пропустят меня в город только под её поручительство.

На расспросы, девчушка поведала, что за последние дни вокруг города появилась нечисть. Стражники не знают уж как отбиваться, да в город её не допустить. Потому, всех вновь прибывших, проверяют, если за них не поручится кто-либо из царского терема. Самой Василисе меня у ворот встречать несподручно, значит, придётся идти к Еремеевне. Росана нас встретила, чтобы предупредить старушку.

Когда мы прибудем, Василиса не знала, потому и не стала тревожить няньку раньше времени — что старухе толкаться у ворот целый день.

Пришлось согласиться с последним доводом, учитывая, что прибыть, по словам Михала, мы должны были либо ночью, либо ранним утром, а солнце уже приближалось к зениту.

Сверкнув ещё раз голубыми глазищами на Инара, Росана умчалась в город.

Парень, облегчённо вздохнув, попросил меня подержать коней, а сам отошел за густой куст орешника. Что он там делал, не поняла, но из-за куста вышел большой лис, державший в пасти сверток. Поднеся сверток ко мне, положил и попросил:

— Упакуй в сумку, пожалуйста.

Подняла вещи, и упрятала их в седельную сумку.

— Тыфу ты, забыл совсем! Привяжи поводья к сёдлам, как бы не запутались по дороге.

Молча посмотрела на выразительную лисью морду, и, демонстративно тяжело вздохнув, подошла к лошадям. Что тут скажешь? В первый раз, что ли? Ой, мама, хочу домой!

Знала бы я, как часто буду это повторять!

После того, как выполнила указание, и ласково потрепала по крутым шеям наших скакунов, Инар что-то коротко рявкнул на своём языке. Каштанка, ласково ткнувшись мне в плечо, сорвалась с места, распутив по ветру хвост, вслед за серым Инара.

— Они не заблудятся?

— Нет, — усмехнулся лис, — дорогу домой всегда найдут. Ну, и мне пора. Может, когда свидимся.

— Наверняка! Ты ведь появишься в нашем мире? Жду в гости, не стесняйся. Один друг у тебя там уже есть!

Понравился парнишка, такой нигде не пропадёт, да и приятно будет вспомнить пережитое дома, за чашкой чая, без всякой там магии и чудес, рядом с прозаическим холодильником, водопроводом и газовой плитой.

— Я обязательно приду!

Взмахнув белым кончиком рыжего хвоста, мой новый приятель скрылся, словно растворился в лесу.

Присела у ствола ближайшей берёзы, решив заесть расставание. Привыкла к парнишке. С ним интересно и безопасно, особенно после случая с перевёртышами. Хотела бы посмотреть на их морды, когда они увидели вооружённого воина! Несмотря на молодость, Инар отлично владел оружием. Именно поэтому Михал и дал мне в провозатые именно его.

Позади кто-то легко кашлянул. Меня подбросило. Погрузившись в мысли, не обращала внимания на окружающее, и не слышала шагов.

За спиной стоял всё тот же сероволосый тощий мужик.

— Слушайте, что вам от меня надо?! Кто вы вообще такой!

От возмущения задохнулась. Подумать только — он и здесь!

— Не надо кричать. Лес крика не любит.

— Не надо?! — заорала в полный голос. — Да я сейчас такой хай подниму, все окрестные собаки сбегутся!

Человек покачал головой.

— Как мне успокоить тебя?

— Прежде всего, не подкрадываться как тать в ночи! Что за манера постоянно пугать?

— Насколько знаю, испугал впервые. В прошлый раз я тебя собирался спасти если не от русалок, то хоть от лихорадки, — с иронией произнес невозмутимый собеседник. — А подкрадываться не подкрадывался, просто мне надо с тобой поговорить. Но перед твоими друзьями появляться не хочу. Вот, пришел, когда ты осталась одна.

— Вы кто? Тоже перевёртыш?

— Нет, конечно. Они хоть и могут обращаться и подкрадываться, но их бы ты слышала — они, как и любое живое существо, не могут передвигаться совершенно бесшумно...

— Да кто вы, чёрт возьми!

— Чёрт здесь ни при чём, — всё так же невозмутимо заметил мужик. — А я... Можешь звать меня Ветер.

Так и села, едва не попав на рассыпавшиеся продукты. Только этого не хватало — безумец в лесу!

— Я не безумец.

Ветер пристроился рядом. Он провел рукой перед моим лицом, и кожи коснулось движение воздуха. Протянул руку в сторону стоявшей неподалеку осины, и порывом воздуха с неё снесло все, до единого, листочки.

— Так вы колдун?

— Нет, — засмеялся Ветер, — хотя и могу кое-что. Я скорее... Как бы это получше объяснить... Сила Земли, наверно так. Нас много — её детей. Я властвую над воздухом.

— Так, опять вспоминаю Пушкина. Может ещё и Месяц с Солнышком ваши братья?

Ветер рассмеялся.

— Я знаю эти стихи. Нет. Это всего лишь поэтическое преувеличение.

— Значит, это вы гоняете облака, устраиваете грозы и прочее?

— Не стоит иронизировать, — он улыбнулся, сохранив абсолютно серьёзные глаза. — Я не устраиваю дожди и грозы, хотя и могу это сделать. Силы природы можно иногда регулировать, но не стоит этим злоупотреблять. Я и мои родичи населяем этот мир, как и вы, люди. Просто мы отличаемся другой структурой. Вот и всё. Ну, как оборотни, с которыми ты уже имела дело, похожи в чем-то на людей, но это не люди. Так же как и другие народы, населяющие этот мир. Внешние признаки сходны, но... Как скульптура — можно придать одинаковый облик разному материалу.

— Начинаю понимать. А это правда, что оборотни так сильно отличаются от людей?

— Да. Хотя и они, и мы, и вы — люди, имеем немало общего. Всё же мы дети одного мира.

— А как вас можно бы назвать, ну так, чтобы я поняла?

— Раньше нас называли духами или элементариями.

— А вас много?

— Нет, и не может быть много. Мы, к тому же, в отличие от остальных народов, слишком большие индивидуалисты. Редко встречаемся друг с другом, и ещё реже контактируем с обитателями мира. Впрочем, я пришел именно для того, чтобы предостеречь тебя.

— Предостеречь? От чего?

— У тебя Цепь Радуги, или Талисман Радуги, как теперь называют его в сказаниях. Многие маги будут предлагать тебе расстаться с артефактом. Кто добром, кто силой, кто-то попытается купить, кто-то украсть или отнять. Запомни. Ты должна будешь её отдать. Тебе нельзя слишком долго быть с ней одним целым, как сейчас. Но ты должна слушать не разум. Ты девочка наивная, но добрая. Слушай своё сердце — оно подскажет, чьи руки единственные, в которых огромная сила не принесет беды этому миру и миру твоему. Только сердце, запомни это.

Пристально посмотрела в серебристые глаза. Сдается мне, он знает, что говорит.

— А сказать, кому должна отдать, не можете?

— Я не ясновидящий. У меня своя жизнь, и в дела смертных я не лезу. Слишком много можно потерять, ничего не обрета. К моим услугам два мира, что ещё надо?

— Так вы можете бывать и в моём мире?

Он только махнул рукой.

— Для меня мир един... — Ветер насторожился. — К тебе идут. Помни, что я сказал...

Легкий порыв воздуха и я осталась одна. Теперь понятно, действительно не было нужды подкрадываться — он в любой момент рядом.

Я ждала, что Росана проходит за старой нянькой несколько часов. Ошиблась. Весело подпрыгивая, девчушка неслась по тропинке, вглядываясь в кусты.

— Настя, где ты? Ау-у!

— Здесь я, — поднялась навстречу девочке. — Что-то ты быстро?

— Так Васильевск здесь, рукой подать, — удивленно захлопала огромными синими глазищами Росана. — Шум-то городской и сюда доносится.

Прислушалась, и только теперь обратила внимание на то, что отнюдь не только шум ветра в деревьях и пересвист пичуг доносится до меня. Нормальный городской шум, разве только без рёва моторов, слышался явственно и давно. Видимо сказалось то, что я, с рождения, настолько к нему привыкла, что даже не замечаю. Для меня птички и шелест травы — экзотика, поэтому и обращают на себя внимание.

— Так почему я его не вижу, — смотрела на проводницу ошалелыми глазами.

Росана засмеялась:

— Так здесь перелесок перед самым городом, вот его и не видно. А дорога стороной проходит. Вы ведь с земель оборотней ехали, а они здесь редкие гости. Вот сейчас выйдем на большак, сразу и увидишь. Я мальчишку попросила к Еремеевне сходить.

— Я тут подумала — почему бы, вместо того, чтобы бегать туда-сюда, царевне не дать тебе какой пропуск, чтобы нас в город впустили.

— Ой, что ты! — замахала руками Росана. — А ну как попадет такая грамотка к лихим людям или нечисти, знаешь она...

— Э-э-э, ты что, хочешь сказать, я здесь сидела в лесу одна, а тут разбойников и нечисти полно?! — перебила девчушку, нервно оглянувшись...

— Да кто ж тебя тронет? Ты с оборотнем пришла, тебя дня три ни одна нечистая сила тронуть не решится. Они знаешь, как оборотней боятся?

— А лихие люди?

— Ну, — замялась девчонка. — Взять-то у тебя что? Котомку разве, да кому она нужна?

— Кому нужна, — передразнила её. — А ну как у меня там золота полно, да камней самоцветных.

Росана исподлобья сверкнула глазищами, и уныло вздохнула, ковырнув землю носком тапочка. Ага, верю в раскаяние. Сама так умею, ещё и получше. Наверняка, Василиса ей всё по другому велела, а девчонка или перепутала что, или какие свои делишки повернуть решила под это дело, точно-то никто не знал, когда я приеду, время Михал сообщил плюс-минус два дня. А, ладно, пусть живёт.

— Может тогда пойдём? Если уж нас у ворот ждать должны, — словно не заметив смущения девчонки, сказала я, ещё раз осматриваясь.

— Ага, — обрадовалась Росана, и преувеличенно бодро продолжила: — Должны ждать.

— А если не будут ждать?

Ой, крутит что-то, ой, вертит!

Росана опять потупилась. Я хмыкнула насмешливо, и подхватила свой мешок.

— Росана, рассказала бы по дороге, что тут у вас к чему, я ведь из других мест.

Она кивнула и неспешным шагом повела меня к большаку.

Оказалось, правит тут царь Василий. Бедняга ждал сына, но так и не получил его. Был

у него три жены, каждая рожала одного ребенка, и каждому из них, ожидая мальчишку, царь заготавливал фамильное имечко — Василий. Но жены подкачали — рожали девчонок, да ещё и первые две преставились родами, а третья более детей иметь не смогла. Василию пришлось смириться, хотя и настоял на своём — всех трех дочерей по его указу назвали Василисами.

Время шло, народ, не выдержав переизбытка Василис, вышел из положения именно так, как это и делается — дал прозвища.

Старшей, пошедшей в красавицу матушку, Василиса Прекрасная. К ней сватаются толпы женихов, вот только никак замуж что-то не выйдет.

Покосившись на меня, Росана выдала шёпотом ответ на мой немой вопрос:

— Дура она. Женихи как посмотрят, так и обомлеют, а как поговорят — бегут к младшим.

Понимающе кивнув, попросила продолжать.

Среднюю прозвали простенько из без выкрутасов — Несмеяна. Она тоже не пользуется спросом у женихов. Именно про неё сказано, что в её присутствии не только молоко, вино киснет. Росана уверяла, что это так и есть. Если Царевна Несмеяна рядом, даже батюшке не удастся попробовать парного молочка, скисает сразу. Естественно, женихи не рвутся стать супругом особы, рыдающей по любому поводу: хорошо — плачет от счастья, плохо — от горя. Улыбаться с роду не умела, даже крохой.

Младшая, именно та, к которой направил меня Михал, прозвана Премудрой. Женихи на неё поначалу не больно-то смотрят, но батюшка советуется с дочерью частенько, и, похоже, не спешит выдавать её замуж, хотя и находятся желающие, несмотря на невзрачную внешность.

Почувствовала, что у девчонки вертится на язычке критика и в мой адрес, но она сдержалась и намекнула только, что не мешало бы Василису Премудрую подкормить немного, тогда бы ещё ничего, а так одни мослы, кому такая понадобится?..

Слов нет!

Пристала к девчонке, требуя разъяснений, почему быть стройной плохо. Разве лучше быть толстой, как квашня? Мое возмущение не произвело на Росану ни малейшего впечатления, она так и осталась при своём мнении. Даже когда я заметила, что она сама очень даже хорошенькая, хотя и не толстушка.

На меня девчонка смотрела взглядом, в котором сквозь любопытство отчетливо пробивалось какое-то непонятное чувство. Чем сильнее я возмущалась, тем яснее становилось — Росана меня... Жалует!

В итоге, она решила, что спорить с убогой нет смысла, потому что, в очередной раз жалостливо осмотрев меня, пробормотала нечто вроде:

— Конечно, с твоей стороны любая девица — красавица.

Это меня доконало.

— Да чем тебе моя внешность не угодила? Что худая? Так я специально на диете сижу.

— На... Сидишь? — округлила глаза Росана. — Тогда понятно. А то я смотрю уж больно ты ледаща, а если тебе приходится на этой... Как её... Ну, на которой ты сидишь, сидеть, откуда ж тут красоте-то взяться? Бедненькая.

У меня от возмущения перехватило дыхание, а у девчонки на глазах выступили слезы сочувствия. Она даже взяла меня за руку и стала, утешая, поглаживать пальцы. Когда раздался всхлип, я не выдержала:

— Диета, не стул, и не орудие пытки. Нечего реветь. Диета — специальный режим питания. Я стараюсь есть как можно меньше, чтобы сохранить стройность, — поймала на себе удивленный взгляд и пояснила:— Ну, чтобы толстой не быть. У нас это не модно! Понимаешь, если станешь толстой, мужчинам нравиться не будешь...

Глаза девчонки стали размером с куриное яйцо, и я остановилась.

— Как это?

— Ну, так. Давай, просто договоримся — у нас плохо быть толстой, идёт?

Росана покачала головой. У меня появилось стойкая уверенность, что её худоба доставляет малышке множество неприятностей. Видимо здесь в моде кустодиевские женщины — сочные, пышные, и такие как мы с Василисой-младшей не котируются.

Невольно вспомнилась покойная бабушка, упорно старавшаяся откормить, заморённую городом, внучку за время летних каникул. Если ей это удавалось, я переставала влезать в привезенные из дома платья, баба Маня с восторгом демонстрировала меня соседкам. Если же нет — сокрушалась, что стыдно людям показать, такую тощую.

Пока вели неспешную беседу, неторопливо передвигая ноги, солнце повернуло к закату.

— Росана, а мы не долго идём? — не выдержала я.

— Так ты ж сама хотела поговорить, вот и идём кружной дорогой, — поразила моей тупости девчонка.

Подумать только, заботливая какая — прислушивается к любому желанию гостыи.

— Знаешь что, давай оставим в таком случае беседу на потом, и побыстрее пойдём в город. Что если нас нянька эта уже заждалась?

— Ой, да что ты! — замахала ладошками, весело смеясь, Росана. — Она, наверняка, знает, как и где мы идём, и сама спешить не будет.

— Это откуда же она знать может? — остановилась я посреди едва протоптанной тропки, на которую мы свернули с, ещё менее наезженной, дороги из земель оборотней.

— Проще некуда — в блюдечко посмотрит, и всё про нас узнает.

Не обращая внимания на девчушку, тянущую меня за рукав, в тщетной попытке сдвинуть с места, потрясла головой, пытаюсь привести в порядок ошалевший мозг.

— Это в каком таком блюдечке? Это в том, что с яблочком?

— Да, — подтвердила Росана.

Так, приехали. Сказки продолжаются. Ещё немного постояв, и поняв, что от этого моё состояние ни малейшим образом не улучшается, всё же сдвинулась с места.

— Но тогда зачем ты в город бегала? Зачем торчала здесь, поджидая меня?

— Так как же блюдечко казать будет, если царевна сказала, что ты из других земель?

— А теперь как?

— Так оно меня найдёт, а ты со мной.

Я только стиснула зубы, чтобы ещё больше не удивлять глупостью спутницу. Действительно, что проще? Достал тарелку, и смотри себе. Дураки мы, какие-то телевизоры делаем, систему слежения и прочие разности. А тут раз-два и готово. Я тяжело вздохнула.

Едва это сделала, впереди показался большак. Действительно, эта дорога отличалась от дороги оборотней. То и дело по ней проезжали гружёные и пустые телеги, какие-то таратайки, и даже промчалась с грохотом расписная карета. Только подумать — всамделишная карета, какие я видела только в музее. Но, должна честно признаться — карета не произвела на меня впечатления, не говоря о телегах, а всё потому, что неожиданно возникшее позади кареты явление опять ввело меня в ступор.

Отставая от кареты, видимо чтобы не глотать пыль, поднятую роскошным выездом... Летел ковёр. Точнее не ковёр, а так — коврик. Размером где-то метра два на полтора. Летел себе, приподнявшись над землей метра на два-три, так, чтобы не задевать телеги и пешеходов, покачивая длинной перепутанной бахромой ярко-синего цвета. На коврике расположился вовсе не колдун в остроконечном колпаке со звездами. Развалившись, как на диване, придерживая мешок, на летящем чуде с комфортом устроился мужичок, самого кулацкого вида — в полосатых штанах, сапогах гармошкой и картузе, сдвинутом на одно ухо. Мужик пребывал в радужном настроении и во всё горло распевал похабные частушки.

Окружающие не удивлялись, глядя на это явление — кто укоризненно покачивал головой учуяв ядреный аромат перегара, кто смеялся расслышав слова. Но никто, просто-таки никто, кроме меня, не удивился средству передвижения.

Коврик с весёлым пассажиром скрылся за поворотом, и только теперь почувствовала, что Росана уже не просто дергает за рукав, а трясет так, что этого самого рукава я, того и гляди, лишусь начисто.

— Настя, Настя, да что ты, в самом деле?!

Я проводила взглядом летучее чудо и посмотрела на Росану.

— Это что было?

— Где?

Девчонка не поняла, что привлекло моё внимание.

— Слышишь частушки? — решила не признаваться в собственном сумасшествии (а как прикажете расценивать столь отчетливые видения)?

— Слышу, и что?

— А ты видела?

— Да кого?

Это стало напоминать разговор глухого со слепым.

— Мужика на ковре, — отчаянно выдала я.

— Конечно, видела.

Росана смотрела так, что я отчётливо поняла — с её точки зрения перед ней человек пропащий. Уже ничто не сможет доказать, что я не полная идиотка. Ну а раз терять уже нечего...

— Он, правда, летел?

— Летел, — кивнула Росана, всё ещё не понимая, что меня так удивило.

Пришлось пояснить:

— Понимаешь, тебя это немного удивит, но у нас ковры не летают.

— А-а, — кажется, поняла причину моего ступора девчонка. — Так и у нас их немного.

Вещь дорогая, а поклажи берет всего ничего. Человека три поднимет, и всё.

— А этот мужик, он что — богатеи какой?

— Да нет. Не похоже. Может он из Топляков? Это деревня такая на болотах. Там у всех ковры — иначе осенью да весной и не выберешься в город. Правда лето ныне сухое было, но сама видела — пьяный он. Небось, жена на базар торговать отправила, а чтобы на обратном пути не заплутал в болотине и в трясину не угодил, он на ковре и отправился. В основном лошадьми все пользуются.

— Ты хочешь сказать, если этот мужик на ковре, то он не заблудится?

— Так у них там ворожка есть. Она над ковром поворожит, он дорогу запомнит. А потом обратно и вернётся.

Я перевела дыхание, и потопала за Росаной, дав себе слово больше ничему не удивляться. Элементарно, Ватсон! Ни тебе бортового компьютера, ни горючего. Сел и лети себе на автопилоте, заложенном какой-то там ворожкой. И зачем самолёты, вертолёт, и прочий летающий хлам. Глупости одни.

Вывернув из-за обширного перелеска, наконец-то увидели город. Он оказался близко.

Я смотрела на высокую каменную стену, с огромными, широко распахнутыми воротами. Ничего себе — меры безопасности... И тут же остановила сама себя. Что я про их меры безопасности знаю. Мало мне разной бытовой техники на уровне фантастики, о которой узнала за последний час?

У ворот, вольготно развалившись в теньке, устроились трое стражников, казалось не обращающих никакого внимания на проходивший и проезжавший в ворота люд. В качестве терминала оплаты проезда выступала большая кружка с прорезью, в которую проезжавшие и проходившие безропотно кидали плату.

Но, стоило приблизиться к воротам, как я ощутила сопротивление воздуха, словно резиной окружившего меня. Стражники подобрались и, подхватив оружие, поднялись, было, на ноги, но уже отпустило, и они успокоено проводили глазами нас с Росаной, кинувшей в кружку мелкую монетку. Успокоено-то, успокоено, но я заметила, как один прошёл в ворота следом за нами и подошёл к невысокой будочке, видимо караульной. Краем глаза следя за стражником, увидела, как стражник выглянул и успокоительно махнул рукой приятелям. Отойдя подальше, оглянулась, но смогла увидеть только ноги опять разлегшихся стражей. Да, порядочки...

Отвлечшись от стражников, догнала недоуменно озирающуюся Росану. Кажется, нас никто не встречал. Видимо, на такой случай она распоряжений не получала и подозревала, что мальчишка не сообщил няньке о нашем прибытии, а может быть нянька задержалась... Главное, Росана понятия не имела, что же теперь со мной делать, куда вести.

Пока она озиралась по сторонам в поисках припозднившейся бабульки, я не теряла времени даром и тоже рассматривала окружение.

Еще на подходе к городу усмотрела за высокими стенами, ожидаемый царский терем. Вот только оказался он не деревянным, а нормально белокаменным, с островерхими разноцветными башенками, ярко светившимися на августовском солнышке. К центру города от ворот вела отлично вымощенная улица. В Питере не все мостовые делают столь качественно. Камни пригнаны, щели между ними словно нарисованы. Тут никаким каблукам бояться нечего, захочешь — не застрянешь.

По бокам улицы тянулись приподнятые тротуары, тоже мощёные, по которым спешили куда-то по своим делам пешеходы. По проезжей части постукивали обитыми железом колёсами повозки и звонко цокали лошади, высекая из гранита яркие даже на солнечном свете искры. Повыше них сновали, туда-сюда, летучие ковры. Не так уж их было мало, как я решила после рассказа Росаны. На коврах в основном путешествовали женщины. Расположившись с удобствами, местные красавицы перевозили всякие свёртки, ящички, мешочки, но попадались и коврики, которые использовали исключительно для пассажиров.

Рассмешил один ковёр. На нём расположилась замученная мать семейства, то и дело одёргивающая пятерых ребятишек мал-мала меньше, свешивающих головы с края ковра. Сначала мне показалось, что мамаша опасается за детей, но когда вальяжный купец, правящий ярко раскрашенным тарантасом, вдруг вскинул голову, и погрозил одному из мальцов кулаком, одновременно пытаюсь потереть темечко, я поняла, мамаша опасается за

прохожих и проезжих, служивших отличными мишенями для бомбардировки. После этого стала посматривать на пролетавшие над головой ковры с опаской — не хотелось бы получить по темечку свалившимся ненароком мешком, а при моей «везучести» это возможно.

Рассмотрела и расположенные вдоль улицы дома, вызвавшие ностальгические воспоминания о знакомых провинциальных городках — такие же каменные, одно-, двух-, изредка трехэтажные. Окна стеклянные, никаких тебе знакомых по урокам истории бычьих пузырей или слюды. Некоторые окна витражные, они переливались на солнышке сочными оттенками.

Фасады домов или раскрашены, или украшены резными деревянными и каменными деталями. Выглядело всё более чем нарядно. Больше всего удивили совершенно деревенские подворья возле каждого дома. Это было непривычно — со стороны улицы входа в дома нет. Я поняла, как попадают в дома, когда распахнулись выходящие на улицу ворота и стал виден двор. В глубине двора мелькнули постройки, кажется конюшня и ещё что-то и, самое интересное для меня, сбоку дома обнаружился вход. Крыльцо с резными перильцами, колоннами и навесом. Этакая игрушка, прилагаемая к дому. Ещё успела заметить, как с крылечка дородный детина за что-то начал отчитывать приехавшего на возке мужичка самого деревенского вида. Ворота захлопнулись, развития событий не рассмотрела.

Подобное видела в городишках районного значения. Выходит, за прошедшие времена и здесь сочли эту схему удобной. Действительно, из окон дома видна большая часть улицы, можно и людей посмотреть и себя показать. А основная жизнь дома и семьи закрыта от посторонних. Поди, рассмотри за высоченным забором, что там во дворе делается.

Пока интересовалась жизнью города, к Росане подскочил мелкий шкет, интенсивно сосущий остатки карамельки на палочке. Натуральный чупа-чупс местного производства.

— Эй, тебя не Росана кличут, — с налета начал он, ухватив не обращающую на него никакого внимания девчущку за платье.

Ещё бы, она к такой мелкоте не снизошла.

— Росана, — пренебрежительно откликнулась моя спутница, выдернув из рук пацана подол, и продолжая осматриваться по сторонам.

— Ну, дак того, иди.

— Чего того, куда иди? — наконец обратила на собеседника внимание Росана.

— Так того, тебя кличут.

— Кто?

Тяжко вздохнув, Росана бросила на меня томный взгляд, дескать, с кем приходится иметь дело, сплошные недоумки. Я спрятала усмешку, отвернувшись от пары, продолжившей выяснять отношения.

— Так того, бабка, она мне, вишь, петуха сахарного дала, — гордо продемонстрировал остатки карамельки пацан.

— Какая бабка?! — Росана не выдержала и повысила голос.

— Так того, нянька царевнина.

Поняв, что послала этого вестника именно та, кого она высматривает, Росана приободрилась.

— А где она сама?

— Так того, она сказала, чтобы ты шла к ней, а она, того, на ворота доступ для вас отправит.

— Где. Мне. Её искать, — Росана проговорила это едва не по слогам.

— А, так того, дома у неё, — обрадовался пацан. — Я того, шел мимо. Она меня позвала, и велела тебя найти, и вот — петуха дала. Сахарного!

Мечтательности в голосе пацана хватило бы на десяток сладкоежек, но мы с Росаной сделали вид, что не поняли к чему ведет мелкий вымогатель, и ему пришлось довольствоваться уже полученной платой.

— Пошли.

Росана двинулась в переулок, ведущий от центральной улицы. Я поспешила следом.

Идя по городу, наконец, сосредоточилась на прохожих, тем более дома мало отличались от уже увиденных, разве только степенью искусности украшений, да свежестью покраски. А так городок, как городок. Ближе к окраинам и дома пошли помельче, да и вторые этажи у некоторых были не из камня, а бревенчатые, видать, не всем по карману строить мало того, что двухэтажные хоромы, так ещё и целиком каменные. Правда, чисто кругом, не в пример привычной мне глубинке.

А вот прохожие...

Как я говорила выше, ждала чего-то эдакого, сказочного. А прохожие не удивили ни яркостью нарядов, ни богатством. Люди одеты добротно, просто. Единственное, что отметила, так это разнообразие фасонов. Были девицы в сарафанах и тонкого полотна белых рубашках. Но сарафанчики все по фигурке, сидели как влитые. Были женщины в платьях, в юбках, причём длина нарядов варьировалась от едва ли не шлейфов, до откровенно открытых лодыжек. Правда ни одной юбки хотя бы до колена, врать не буду, не заметила. Были наряды вида начала двадцатого века, не короче. Зато довольно много молодых женщин шествовали в брюках. Вот уж чего не ожидала. Хотя, чему удивляться — мой собственный наряд не произвёл впечатления ни на Росану, ни на большака. Правда с брюками стандартным комплектом шли плотные куртки почти до колен и высокие сапожки, в которые эти самые брюки и были заправлены. Однако облегаемость штанов здесь никого не смущала, так что, появившись я здесь в лосинах, это вряд ли кого удивит.

Мужчины тоже порадовали разнообразием — наряды в стиле «Ваня деревенский» соседствовали с пиджаками поверх косовороток, но большинство в сапогах. Присмотрела пару раз неудобные башмаки с пряжками на толстой подошве, но это, видать, обувь на любителя. Лаптей не заметила, про босые ноги и говорить не буду.

Как показалось, народ в городе жил не так уж плохо — одежда у большинства хоть и не поражала нарядностью, но для буднего дня выглядела удобной, добротной и практичной.

Я глазела по сторонам, пока не споткнулась.

Несколько раз повернув, добрались до тихого района. Дома здесь, маленькие и неброские, прятались за любовно посаженными цветущими кустами. В один из таких домиков и зашли.

— Заходите, заходите, гости дорогие, — приветствовала нас столь колоритная особа, что я невольно попятилась обратно.

Передо мной стояла «бабища». Мало талии «в два обхвата», так ещё добавляла и одежда — нелепый пиджак с оборками на плечах и под грудью, и широченная юбка в сборку. На шее несколько рядов бус такой яркости, едва не выбивало глаза. На голове яркий платок. Так иногда ещё изображали купчих. Хозяйка производила впечатление живописное во всех смыслах. Не только её одежда, но и сама она полыхала — румяные, как огонь, щёки на смуглом лице, кошачьей зелени глаза под смоляными бровями, совершенно не вязавшимися

с выглядывавшими из-под платка рыжими волосами. Что-то знакомое проскользнуло в её лице, но я отвлеклась на антураж и не обратила внимания на это сходство.

— Нянька царевны Еремеевна, — едва слышно шепнула Росана и, едва старушка прошла в дверь, показывая дорогу, испарилась, как вода со сковородки.

Я только хмыкнула и прошла в тёмное помещение. Да уж, жёлтые здоровенные клыки, выглядывавшие когда хозяйка начинала улыбаться, совершенно неуместные на пухлом лице, могли перепугать кого угодно.

Из прихожей (кажется, её называют сени?) меня пригласили пройти в комнату. Свет ударил по глазам. Странно, электричества не заметно, окошечки крохотные, а в доме светло.

Обстановка оказалась знакома ещё со времен каникул у бабушки. Обшитые досками стены, на окошечках яркая герань, большая печь, в ней можно запечь барана целиком, за печью отгороженный ситцевой занавеской угол, кажется там рукомойник. Возле печи выставлены разномастные ухваты и кочерга. В красном углу, иконы, украшенные веточками вербы и вышитыми полотенцами. Неподалёку, правда, фигурки совершенно языческого вида. В кого же хозяйка верит-то? У окна большой стол, вокруг которого расположились выскобленные лавки. Вообще, всё дерево выскоблено и сияет оттенками от золотистого до коричневого. Стол из морёного дуба, с места не сдвинешь. Вдоль одной из стен нечто вроде верстака, на котором и над которым разложены и развешены пучки трав, цветов, горшочки, скляночки и совершенно незнакомые предметы.

В доме восхитительно пахло смесью сухих трав, дерева и свежих пирогов.

В животе оглушительно заурчало.

Хозяйка, возившаяся у печи пока я осматривалась, оглянулась со смешком:

— Садись к столу, с дороги оголодала, да и не мешало бы тебя подкормить чуток. Давно по лесу-то скиталась?

— Да не скиталась! Я к царевне по делу приехала.

Меня не обрадовало желание очередной доброхотки подкормить, но постаралась этого не показать.

— Угу...

Царевнина нянька кивнула. И только тут я осознала, что передо мной действительно старая женщина. Её пышность, яркий наряд, блестящие глаза, сбили с толку.

— Ладно, это хорошо, что сразу нашлась. Не то пришлось бы искать по лесу, как этого неслуха! Опасно нынче в лесу. Я уж и Василисушке говорила, чтобы в лес не особо бегала...

Хозяйка метала на стол из печки одно блюдо за другим. Их аппетитный вид манил, и я не сразу обратила внимание на слова. Но всё-таки дошло.

— О каком неслухе вы говорите?

— Да о приятеле твоём — Мирлисе. Говорила Телистариону, не будет из мальчишки толку. Сразу всё хочет, учиться лень, вот и получилась ерунда. — Старушка осеклась, заметив мою отпавшую челюсть. — Ты чего это?

— Вы знаете Мирлиса?

— Знаю.

— Так вы знаете, как я сюда попала?

— Ещё бы не знать, — возмутилась бабка. — А вот вернуться так запросто не удастся. Чудит колдовство, чудит... Да не горюй ты, — заметила старушка моё расстройство. — Василисушка поможет. Поможет, хотя у самой беда и помощи ждать неоткуда. Дочь младшая, никому особо не нужная. Её сестры в царском тереме такую власть взяли, что моей

деточке и деваться некуда. Чую, все беды их вредных ручек дело, а сделать ничего не могу, и никто против них ничего у нас тут сделать не может. А над тобой у них власти нет, помогла бы ты голубке моей, а там, глядишь, и дорогу тебе домой наладим, — бросила на меня жалобный взгляд хозяйка.

— Да помогла бы, только толку от меня здесь — что с козла молока, — раздражённо бросила я, устраиваясь поближе к горшку с кашей.

Хозяйка не пожалела ни молока, ни трав, запах из горшка полз такой, что я готова была слопать всё, что в нём находилось. Еремеевна, довольно улыбнувшись, придвинула мне расписную ложку и миску. Наворачивая потрясающую кашу, такую ела только у Яги на откорме, я продолжила, едва не глотая язык:

— Смотрю тут у вас колдуны какие-то, оборотни, заклинания. Я в этом ничего не понимаю!

Пришлось остановиться подавившись.

— Да ты ешь, ешь, не спеши. У меня тут вот ещё оладушки.

Еремеевна, улыбаясь, придвинула блюдо с горой пышных, даже моя бабуля не умела такие делать, оладий и миску золотого меда.

— Эх оголодала-то.

— Не оголодала, — прочавкала я, — уж больно вкусно...

— Ну и, славно, ешь, договорим после.

Довольная хозяйка присела на лавку, умильно глядя, как исчезает во мне еда, ложка за ложкой.

Запив восхитительные оладушки кисловато-сладким ядрёным квасом, отвалилась от стола. В жизни столько не ела, а особой тяжести не чувствуется, вот что значит здоровая натуральная пища! Да здравствует лозунг «Назад к предкам!».

— Спасибо, бабуля, очень вкусно.

Старушка разулыбалась, но улыбка исчезла, как только я продолжила:

— А теперь вернемся к нашим баранам...

— Каким таким баранам?! — застыла с посудой в руках хозяйка, убиравшая со стола.

— Ну, то есть, к нашему разговору о колдунах, оборотнях, вашей принцессе и том, что натворил Мирлис.

— Ах это! Ну, так слушай. Василиса — меньшая дочь нашего царя. Царевна она, не принцесса, — дождавшись кивка (я сделала вид, что разницу уяснила, хотя с моей точки зрения принцесса, царевна, разницы никакой), старушка продолжила:— Василиса не из любимиц, тиха, да неприметна, царёвы любимицы две старшие, о них и забота вся, а Василису собираются выдать за тугошнего боярского сына Сивкова. Сивков-от старший — в силе, да род не больно хорош, вот и выпросил у государя дочь. Надо бы сказать, что сынок не умён да дурён, да мало будет...

— Его не Иваном зовут?

— Точно, а ты откуда ведаешь?

— Догадалась. Обычно всех дураков в сказках Иванами зовут. Только в конце они поумнее всех оказываются.

— Этот не окажется. Его в детстве маменька непутёвая на голову роняла, вот и стал теперь пенёк пеньком. Только и есть, что богатство батюшкино, а так за него ни одна девка пойти не хочет. Свадьба через три недели, а Василисе это не по сердцу, у неё суженый есть, — бабка недовольно крякнула.

— А что, тот суженый бедный или безродный? — встряла я опять.

— Да куда там! И богат, и пригож, да только поди ж ты — не человек он. Царь-батюшка как о таком поругании своей царской крови услышал, так и повелел с Василисушки глаз не спускать, из терема едва на прогулки выпускает, да и то, под присмотром. А суженый её, как на грех, пропал, не вызвать его никак.

— А делать что? Я-то что могу?

— Она тебе всё сама обскажет. Знала бы ты, как она обрадовалась, прознав, что ты вот-вот здесь появишься. Вот уж, почитай, как два дня тебя дожидается, да ты больно уж задержалась? — Еремеевна сурово посмотрела на меня, явно ожидая оправдания задержки.

— Да я, понимаете ли, верхом не очень-то ездить умею, — проямлила, опустив глаза.

В их-то мире, где конская тяга самый быстрый способ передвижения, не ездить верхом!

Сочувственно кивнув, Еремеевна поднялась со здорового сундука, на котором до того сидела.

— Ну и ладно. Главное — ты здесь. Василиса тебя завтра ждать будет, а пока, если хочешь, можно на неё и сестриц её посмотреть.

Естественно, я согласилась!

Старушка открыла крышку сундука и достала что-то плоское, завёрнутое в тряпицу. В тряпице оказалась небольшая тарелочка тончайшего фарфора, вызолоченная в середине, и расписная яркими птицами по краю. На неё старушка положила маленькое яблочко, похожее на ранет. Взяла тарелочку двумя руками и начала осторожно покачивать ею. Яблочко принялось перекатываться по дну, описывая правильные круги.

— Ты катись, катись, яблочко, катись наливное, покажи красной девице, что она пожелает...

С этими словами Еремеевна передала тарелочку мне. Я ухватила ту мертвой хваткой, боясь выронить, яблочко продолжало кататься как заведённое.

— Говори, что увидеть хочешь, — прошептала на ухо Еремеевна.

В голову ничего не шло, брякнула первое, что пришло на ум:

— Покажи царский терем, — и добавила: — Пожалуйста.

Не знаю, чего ожидала, но не точного повторения сценки из мультика. Совсем как в «Аленьком цветочке»! Яблочко скользнуло в центр тарелочки и начало крутиться по спирали. Вслед за яблочком проявилась картинка и заняла всё дно тарелочки. Ну, натуральный телевизор годов шестидесятых, сюда бы ещё линзу, чтобы изображение было покрупнее...

Маленькие фигурки двигались по «экрану», звуку недоставало громкости, но показывало!

Передо мной оказалась небольшая комната с увешанными яркими ковриками стенами. На широкой лавке у стрельчатого окна, раскрытого по случаю жаркой погоды, сидела девица.

— Василиса Прекрасная, — шепнула старушка.

Ой, мамочка родная! Да уж, мне до этой красавицы однозначно далеко (к счастью)! Таких как я надо бы собрать штуки четыре, а то и все пять. Нет, она очень привлекательна на личико. Нежная белоснежная кожа, яркие синие глазищи, розовые щёки, тёмные собольи брови и длиннющие ресницы. Толстая коса, перекинута через плечо и покоится на неохватной груди.

Благодаря молодости, девица выглядела очень неплохо, но мне стало страшно, что будет

с ней лет через пять! Она превратится в нечто вроде свиноматки, если не прекратит жрать так, как сейчас.

На столе перед царевной расставлено не меньше десятка разных блюд, фрукты только на одном. Зато огромных «пирожков» не меряно. Такой один съешь — на неделю наелся, а царевна, причмокивая, чавкая и облизывая после каждого жирные пальцы, поглощала их один за другим.

Крутившиеся рядом женщины то подставляли Василисе Прекрасной тарелки, то утирали коралловый ротик, и приговаривали, приговаривали сладкими как патока голосами. Слушать тошно! И красавица она, и светик ясный, и... Короче от этого зрелища мое личико перекосило, словно лимон съела целиком без сахара.

Уже была готова отказаться от зрелища, и попросить показать что попроще, когда в комнату влетела девчонка.

— Государь просит пожаловать. Женихи прибыли!

Что тут началось! Царевна оттолкнула стол, с которого покатились по сторонам разная снедь, женщины забегали, завопили, послышались команды... Не прошло и пяти минут, хоть время засекай, как в армии, царевна умыта, переодета, заново причесана, и уже направляется к двери.

Невольню засмеялась.

— Ты чего это?

— Отработано у них всё. Видать не первый раз так собираются, — сквозь смех выговорила я.

— Не впервой, права ты. Женихов многонько тут перебивало, да только никак не могут царевну замуж отдать.

— Ну, если хоть один жених увидит, сколько она жрёт, замуж она точно не выйдет. Такую легче убить, чем прокормить!

Еремеевна хихикнула и провела ладонью над яблочком.

Я заметила смену картинки на экране и прильнула к тарелочке.

Теперь нам показывали большой зал, кажется, подобные назывались палатами. На небольшом возвышении резной, местами расписной, местами позолоченный, трон. Рядом с возвышением три стула с высокими спинками — вероятно для царевен.

Показались три царевны.

— Вот она, моя горлинка, — ткнула пухлым пальцем хозяйка.

Василиса Премудрая на фоне сестёр смотрелась сереньким воробышком. Те яркие, дородные, наряжены как на парад, она — в скромном платьице, худенькая, неяркая.

Присмотрелась ко второй сестре. Эта мне понравилась больше. Поплотнее младшей, но далеко не дотягивала до старшей. И выглядела бы и вовсе красавицей, если бы не унылый вид. Казалось, вот-вот разрыдается.

— Это Несмеяна? — повернулась к Еремеевне.

— Она самая. Ох, скажу я тебе, чего только и кто только не делал! Ни разу за жизнь не засмеялась. Царь-батюшка приказал её к себе и не допускать. Как только где появляется — одни несчастья. В карету сядет — колесо отвалится, за стол сядет — обязательно сотрапезники подавятся, или вином захлебнутся. Прошлым годом захотела верхом ездить научиться, как заморские королевны. Батюшка и рад радёхонек, приказал коней перед ней провести, чтобы выбрала, так три коня охромели. Да из самых дорогих... Одни беды вокруг. Уж и в монастырь её возили, к схимнице одной. Так та сказала, что ежели царевна не

засмеётся, так и будет вокруг себя горе-злосчастье разносить.

Раздался рев труб. Из расписанной диковинными цветами двери выступило четверо молодых людей европейской наружности. Рассматривая женихов, заметила, что один держится более уверенно, чем трое других. Да и одет несравнимо богаче. Яркие камни и золотое шитье на тёмном костюме где только можно. Остальные попроще, а один так и вообще — словно молью побитый.

За плечом вздохнула Еремеевна.

— Да, жених уж не тот пошел. А вот от кого же тот, тёмненький?

— А почему вы думаете, что он от кого-то, а не от себя?

— Так он один в руке грамотку держит. Значит, за господина говорить будет. Тут своими словами нельзя. Остальные сами по себе, да и небогаты, нет, небогаты. Не завидные на этот раз женихи...

Тем временем женихи напряглись, пристально рассматривая потупивших глазки девиц.

Опять заревели трубы, и в палату вступил царь.

Впечатляющий мужчина! Именно так представляла себе сказочного царя-батюшку. Лет сорока, сорока пяти, представительный, весьма интеллигентного вида, если бы не косая сажень в плечах. Даже под расшитым длинным тяжёлым одеянием видно, что не намечается ни малейшего брюшка, никакого ожирения. Да-а, хорош, ничего не скажу...

Присмотрелась внимательно к происходившему в палатах. Так и есть. Внимание Несмеяны привлек один из женихов. Заметив взгляд царевны, он приосанился, и положил руку на пояс. Как уж это вышло, только пояс со всем, что на нём висело — кошель какой-то, нож, шпага, с грохотом обвалился с жениха. Тот обалдело ухватил свою собственность, а царь грозным оком повел на дочь, мгновенно потупившую глазки.

Началось представление женихов. Еремеевна комментировала происходящее. Мне все эти названия царств ничего не говорили. Оказалось, что все трое — младшие дети мелких царьков. Царь Василий слушал со всё более кислым видом. Наконец вперед выступил «блистательный» человек.

— Государь, послан я к тебе царём великим, магом могучим, Кощеем Бессмертным, чтобы высватать у тебя младшую твою дочь...

— Что-о, — перебивая посланца, взревел царь, соскакивая с трона. — Кощеев посланец! Этот чернокнижник мою дочь решил получить... Упс...

На царя накинулись трое бояр, стоявших поблизости. Уж как они его заткнули, не поняла, а только заткнули, и, ухватив за плечи, заставили опуститься на сиденье покачнувшегося трона. Через пару минут царь достаточно пришёл в себя и отстранил бояр. Те быстренько заняли свои места.

Царь Василий устремил хмурый взгляд на не менее хмурого посланца.

— Ну, вот что, мил человек. Ты посланец, послан великим магом, и позорить мне тебя не с руки. А только передай своему господину, что не быть тому, чтобы я свою дочь без её воли отдал. А о младшей и говорить нечего. Василиса младшая просватана. Ежели согласится моя средняя дочь...

Договорить бедняга не успел. Несмеяна вскочила с места, бросилась к трону, и, бухнувшись на колени на ступеньках, вцепилась отцу в рукав, заревев одновременно не хуже пожарной сирены:

— И почто, батюшка отдаёте меня на смерть неминуемую, на долю злую, чем не мила вам жизнь моя молодая?! Лучше в монастырь пойду...

Докричать ей не дали. Те же бояре оторвали привычно царевну от батюшки, и оттащили к двери, где её приняли женские руки и уволокли подальше.

Женихи, наблюдая эту сцену, заметно спали с лица. Стало ясно, что ни один из них, ни за какие коврижки, на среднюю доченьку не согласится.

Посланец, тем не менее, не отступал.

— Государь, мой господин хочет только дочь твою младшую...

И опять ему не дали закончить.

— Я сказал уже, не бывать тому. Младшая моя дочь просватана, и так тому и быть!

Для пушей убедительности царь изо всех сил грохнул зажатой в кулаке резной палкой, кажется, она называется скипетр.

Посол ещё сильнее нахмурился, но сдержался, и только протянул ближайшему боярину свиток, зажатый в руке. Поклонился государю, и молча удалился из палаты.

Наступила тишина, только издалека доносились трубные вопли Несмеяны, да через открытое окошко прозвучал топот копыт удалявшихся коней.

Все перевели дух.

У меня накопилось слишком много вопросов, да и руки от волнения стали дрожать, картинка покрылась рябью. Поставила тарелочку на стол, и повернулась к хозяйке. Та принялась заворачивать тарелочку и яблочко в тряпицу.

— Поздно уже. Идём, покажу, где ночевать будешь. Завтра поговорим. Я в царский терем утром схожу, с Василисой поговорю, сама видишь, дело какое. От Кощея запросто не отделаешься. Зря государь эдак-то с посланцем его, не к добру это...

Я открыла рот, но, осмотревшись, поняла — действительно стемнело. Интересно, и когда хозяйка успела зажечь лампу?

* * *

Ночь оказалась сущим кошмаром. Я долго ворочалась на кровати, стараясь поудобнее расположить свои несчастные бока, которые ну никак не хотели смириться с предложенной поверхностью.

Кровать оказалась устроена просто — между двумя спинками уложены доски, на которых располагался соломенный тюфяк, покрытый душной периной. Тюфяк подозрительно быстро слежался в блин, перина же, напротив — из-под меня пух разбежался, перина расползлась по бокам, готовая погрести меня в своих недрах. Короче — снизу жестко, по бокам пышно и душно.

Ворочалась я, стараясь не скрипеть досками, чтобы не тревожить Еремеевну. Наконец отключилась. Сквозь сон чувствовала, как тело норовит поудобнее пристроиться, но мозг отказывался на это реагировать. Зато он отлично среагировал, разбудив меня посреди ночи, когда кто-то осторожно прикоснулся к щеке. Инстинктивно проведя по ней рукой, проснулась от собственного безумного визга.

Бабка скатилась с тёплой лежанки и в пару ударов зажгла свечной огарок, который я заметила на столе ещё вечером.

Мама родная! Проклятые пруссаки, как называла их моя бабушка, так и шарахнулись по сторонам от света! Могу поклясться — отчётливо расслышала стук их лапок по дощатому полу.

— Что стряслось? — едва переведя дух, недоумённо осмотрелась Еремеевна.

А что я могла сказать, когда от ужаса язык отнялся? После первого пронзительного вопля не могла выдать ни звука, и только тыкала пальцем в сторону разбежавшейся нечисти.

Бабка раздражённо рыкнула, и хотела, кажется, сплюнуть, но пожалела чистый пол...

— И из-за каких-то тараканов, такой тарарам?!

— Я н-н-не мог-г-гу, — наконец прорезался голос.

— Ну, и что я должна сделать? — грозно нахмурила брови бабка. — Куда я их дену? Да и чем тебе божьи твари помешали? Они не комары, не кусаются.

Меня передёрнуло настолько явно, что бабку проняло. Хозяйка осмотрелась, прикидывая, что же делать. Выхода, как видно, не нашлось. Я вспомнила, что моя бабушка рассказывала только о двух способах борьбы с тараканьим воинством — мороз и кипяток. Оба на данный момент недостижимы...

— Бабуля, вы ложитесь, только свечку оставьте хотя бы.

— Только не вопи так больше. Эвон — всех собак в округе перебалаламутила...

Я прислушалась. И точно — из-за закрытых ставнями окон доносился собачий лай. Похоже, перестаралась с воплем. Интересно, как к нему отнеслись соседи?

Остаток ночи провела сидя на кровати, забравшись на неё с ногами, и подсвечивая время от времени на норовившее приблизиться «войско». С рассветом ряды наступавших поредели, свеча догорела, и я не заметила, как обессилено опустила голову на пышную подушку.

Проснулась ближе к полудню от голода.

С трудом раскрыв глаза села, расправляя затёкшее тело, потянулась. И как только Еремеевна умудрилась собрать на стол так, что я даже не слышала? Посмотрела в распахнутое окно... И обалдела — на толстой ветке яблони, свесившейся едва ли не в комнату, пристроился... Оранжевый кот.

— Ми... Мирлис?!

— Я. Ты давай, спящая красавица, поднимайся. Тебя ждут. И сильна же ты спать!..

— Кто ждёт? Где? И потом, тебя, насколько я помню, Павел уволок к учителю. Как ты здесь оказался, и почему всё в том же виде?

— Ну, ты вопросов набрала! Всё узнаешь. Иди сейчас на базар, там к тебе Павел подойдёт, поговорить надо. Я здесь с утра болтаюсь, жду, когда ты глазки продерёшь...

— Парниша, не хамай! Мне время надо себя в порядок привести, да и есть хочу. Кстати, ты мою хозяйку не видел?

— Она в царский терем ушла. За ней девчонка прибежала, что-то сказала, я не слышал, окно было закрыто, бабка собралась и чуть не бегом убежала. Ладно, не отвлекайся. Давай быстрее, Павел с ума сойдет, тебя дожидаясь.

— Попробую, если разберусь, что к чему, — с сомнением осмотрелась по сторонам. — Ты иди, предупреди его, что мне время нужно.

— Рукомойник за занавеской, — кивнул кот в сторону запечного угла, и соскользнул с ветки.

Нашла всё, кроме мыла. Вода в рукомойнике была, кажется, волшебная — кожа стала розовая и бархатная на ощупь. Быстро натянув оставленное хозяйкой на лавке чистое зеленовато-голубое платье свободного покроя — именно такой был излюбленным по моим вчерашним впечатлениям у здешних модниц — расчесала волосы лежавшим на подоконнике гребнем, заплела недлинную косу.

Завтракала быстро. Можно сказать, покидала в себя еду, не задумываясь о вкусе и виде, и вылетела на улицу. Притормозив на крыльце, осмотрелась. Надо бы дом запереть, а как это сделать?

— Под порогом ключ, — Мирлис успел вернуться. — Замок, наверное, в сенях.

С трудом навесила тяжеленное сооружение на дверь, и положила ключ на место. Цирк! От кого, интересно, заперта дверь, если ключ, практически, на виду?

— Не бойся, в дом просто так, без разрешения хозяйки никто не войдёт, — пояснил крутившийся под ногами Мирлис. — Пошли быстрее.

Неслась по улице, привлекая взгляды прохожих, словно на пожар. То и дело мелькавший впереди оранжевый хвост служил отличным ориентиром. Улица за улицей пролетали мимо, и я уже задавалась вопросом, как же буду искать дорогу обратно, когда впереди, послышался шум. Ага, вот и моя цель. Действительно, повернув за угол, мы оказались на улице, заполненной мелкими лавками, которая и вывела к базару.

Ничего привычного мне. Торговали прямо с телег или с расстеленных на земле рогож, кое-кто носил мелкий товар на досках, державшихся ремнём, перекинутым через плечо. Вокруг площади расположились небольшие магазинчики, под завязку забитые разным товаром, изливавшимся на улицу красочным потоком. Продавцы, как чёртики из табакерки,

возникали прямо перед носом, стоило чуть притормозить возле особо красочного развала. Они не позволяли себе хватать прохожих за полу, но расхваливали свой товар так, что становилось страшно — и как только бедняги расстанутся хоть с чем-то столь дорогим сердцу... И орали... Орали так, что у меня уши закладывало. Со всех сторон неслись вопли. Расхваливали всё! Один пытался доказать что его пуговицы — самые пуговичистые в мире, другой нахваливал ткани, привезённые из Англии, третий вопил что-то про кашемир, самый кашемиристый, что ни на есть, причём только у него, невзирая на то, что через три шага ещё один торговец шаями пытался доказать покупательнице тоже самое... У обоих шали настолько яркие, что особой разницы я не заметила — в глазах рябило одинаково. Вот справа, словно резаный, завопил продавец восточных сладостей. Его издалека перебил торговец пирожками. Куда там тонкому восточному человеку переорать лужёную глотку нашего торговца. Несчастный дядечка в полосатом халате смущенно примолк, но быстро оправился, едва заметил, что голос пирожника начал удаляться...

Господи, читала, что самым шумным является восточный базар, куда там! Продавцы нахваливали товар так, словно от этого зависела их жизнь. У маленьких лавчонок удалые молодцы в ярких рубахах разворачивали перед прохожими ткани и уборы. Ругались бабы, не поделив или место торговли, или покупателей. Короче шум стоял такой, что можно говорить во весь голос, не опасаясь, что тебя подслушают! Захотят — не смогут.

С трудом следила за мелькавшим между людских ног ярким пятном, пока на что-то не налетела. Подняла глаза — в тёмно-синей рубахе и серых штанах, заправленных в мягкие сапожки, Павел был неузнаваем. Он сверкнул улыбкой, и, ухватив меня за локоть, развернул.

— Иди по базару, рассматривай товар, и делай вид, что меня не знаешь...

— К чему такая конспирация? — хотела обернуться я.

Павел твердой рукой удержал и подтолкнул вперед.

— Иди. Это не в твоём мире. Не хочу тебе неприятности доставить. Здесь порядочная девица скромной быть должна, глаз не поднимать. Так что иди. Где ты и что, я более-менее знаю. Вот только не уверен, надо ли тебе с Василисой встречаться...

— погоди, погоди. Стоит наверно и меня спросить, а? Меня тут попросили помочь младшей царевне, так что придётся подождать...

— С ума сошла! — Павел заорал, не сдержавшись, и тут же осекся, заметив любопытные взгляды баб, устремлённые на нашу сладкую парочку. — Слушай внимательно. У меня времени в обрез.

— Давай найдем местечко потише, и поговорим нормально. Прежде всего — как Мирлис здесь оказался? Он что, с тобой?

— Он от меня удрать пытался, я за ним, вот и занесло сюда обоих...

За подол меня остороженько дёрнули. Посмотрела вниз. Мирлис молча кивнул влево. Проследив за его взглядом, рассмотрела в толпе Росану, кого-то искавшую.

— Павел, погоди, это не меня ищут?

Подойдя к девочке со спины, осторожно тронула её за руку.

— Не меня разыскиваешь?

— Ой, — развернулась Росана. — Тебя. Еремеевна домой вернулась, и сказала, ты на базаре. Велела найти и домой привести, у неё разговор срочный.

Я кивнула.

— Иду, только погоди минуту, у меня дельце есть.

Росана воззрилась удивленно, мне стало даже неловко, но девчушка кивнула, не сводя

любопытного взгляда, пока я пробиралась к Павлу. А, пусть её! Еремеевна, если захочет, всё и так узнает по своему яблочному телевизору.

Пояснив, что должна вернуться, предложила Павлу идти следом, обождать неподалеку от дома Еремеевны. Наверняка, старушка не откажется от помощи оборотня.

Та встретила спокойно, никак не отреагировав на самоволку.

— А чего ж молодца своего в дом не зовешь? — всё, что сказала.

Выглянув в окно, я махнула подпиравшему забор оборотню, казалось всецело поглощенному игрой с котом. Павел мгновенно оказался у калитки. Интересно, как ему это удаётся? Через минуту в сенях послышались шаги, и Павел с поклоном вошёл, пожелав благоденствия дому и хозяевам.

Довольная приветливым обращением хозяйка, пригласила его присесть за стол, на который в тот же миг, полетели горшочки, мисочки, тарелочки, кувшинчики и прочая посуда, частично пустая, но в основном заполненная благоухавшей едой.

Почувяв ароматы, в окне показалась рыжая голова.

Хозяйка хмыкнула:

— Да заходи уж, гостем будешь.

Дважды приглашать не пришлось. Зная, сколько может проглотить «котик», я придвинула к себе несколько мисок, так чтобы он не дотянулся. Заметив манёвр, Павел и Еремеевна переглянулись. Пусть их, они не знают эту морду, а я на собственном горьком опыте убедилась, если оставить проглотить всего на час наедине с горой еды — гарантировано найдёте разве только кусочек-другой. Так и не смогла понять, как ему удастся съесть больше собственного размера, но удастся — факт.

Пообедали быстро, только Мирлис никак не мог оторваться от миски, куда Павел наложил ему целую гору грибов, тушёных в сметане, да ещё придвинул поближе миску с сырниками, намереваясь закончить ими трапезу.

Поблагодарив за обед, Павел переглянулся со мной, повернулся к хозяйке, собравшись что-то сказать, но не успел.

— Ты меня послушай, молодец, — остановила его жестом Еремеевна. — Я дурного не скажу. Подруга твоя к Василисе пришла. Сегодня царевна ждёт её. К вечеру, будет колдовать. Возможно, вернёт домой, кто ж про то ведает. Да только говорила мне Василисушка, что что-то с колдовством происходит неладное, словно выдохлось оно. Так что не ведает, сможет ли помочь. Вот если помочь не сможет, тогда и будем решать, что дальше делать. А тебе надо бы к своим возвращаться, да и приятелю твоему тоже. Здесь помочь можно. До леса оборотней недалеко, а дальше свои помогут.

— Михал тоже не смог меня переправить, — встряла я в разговор. — У оборотней тоже что-то не так.

— Там всё ж таки помощи побольше, чем от нас. Здесь и магов-то приличных — одна Василиса. Остальные больше по хозяйству, да приворотом занимаются. Настоящая волшба им не под силу...

— А вам? — пристально глядя в глаза хозяйке, проговорил Павел.

— Признал, — недовольно поморщилась Еремеевна. Павел кивнул. — Так вот что я тебе скажу — я не сестра, это она у нас на колдовские штучки мастерица. Мне такого не дано. Так что и не рассчитывай на меня. Василиса только и есть во всём Васильевске.

— Что ж, будь по вашему, — задумчиво проговорил Павел.

Мне показалось, он не поверил хозяйке, или нет? Спросить надо. И тем более — на кого

это они намекают?

— Будем ждать, что получится с Настей. Если она домой вернется, попробую своими силами обойтись, если нет — будем думать.

— Вот и ладненько, — согласилась Еремеевна. — А теперь, Анастасия, иди в ту горенку, да переоденься. К Василисе пойдём. Она, поди, уж заждалась.

* * *

Оставив дом на запоре, мы неспешно пошли к царскому терему. Еремеевна, как царевнина нянька, знала все входы и выходы, и потому дёрнула меня за рукав, когда я направилась к главному входу.

— Не лезь, куда не просят. Нам с другого хода.

Обойдя терем, подошли к невысокой дверце, возле которой стояло два здоровых стража, окинувших нас внимательным взглядом, но не проронивших ни слова. Кажется, Еремеевну тут знали и не возражали против гостей, ею приведённых.

По тёмной лесенке взобрались под самую крышу, и старушка открыла дверь, пропустив меня вперёд. Комната, в которой оказались, не отличалась особой роскошью.

В центре высилась огромная кровать вокруг которой опустил свои пыльные крылья бордовый. Маленькие окошечки, в которые вставлены яркие цветные стекла, бросали по полу разноцветные солнечные блики. Вдоль стен расписные сундуки. Большое зеркало в тяжелой медной или бронзовой раме — не разбираюсь.

У окна примостилась на лавке царевна, читавшая большую книгу, едва удерживая её на коленях. При виде нас с Еремеевной, спокойно отложила книгу и неторопливо поднялась.

Я ощутила сильный тычок в спину, заставивший согнуться, и удивлённо оглянулась на бабу. Та на миг состроила грозное лицо, но тут же с улыбкой посмотрела на свою воспитанницу.

— Еремеевна, ты шла бы по своим делам. С гостьей сама поговорю, — тихо произнесла Василиса, нежным голосом.

Вблизи она была лучше, чем вчера по «яблоковизору». И её считают здесь дурнушкой! Конечно, на фоне сестер она не бросается в глаза, но даже мне, женщине, сразу видна та бездна обаяния, которым наделена младшая царевна. И её хотят отдать за дурака! Я готова была придушить «женишка» голыми руками, и уж во всяком случае, помочь, чем смогу, лишь бы избавить Василису от дурацкого брака, даже если придётся отложить возвращение домой.

Василиса, глядя мне в глаза, светло улыбнулась.

Поняв, что больше не нужна, Еремеевна тихо удалилась.

— Присядем? Нам есть, о чем поговорить. А церемонии оставим. Знаю, в твоём мире они не очень-то в ходу.

Василиса показала на покрытую ковром лавку у окна.

Разговор не затянулся. Василиса не стала обременять меня своими проблемами. Когда же я намекнула, что от Еремеевны знаю о предстоящем браке, она лишь проговорила с улыбкой:

— Нянька меня до сих пор дитятей считает. С женихом сама справлюсь. На худой конец и уйти могу, куда вздумается. Так что не обращай внимания на её воркотню.

Царевна обещала отправить меня домой уже вечером. Василиса пояснила, что для

вызова перехода ей придётся приложить много сил, последнее время он стал не слишком «послушен», и далеко не всегда подчинялся царевне.

Меня так и тянуло за язык, но почему-то промолчала о своём «пояске». Сама не знаю, почему — царевна мне понравилась. Задала вопрос о Павле с Мирлисом. Не хотелось чтобы они окольными путями пробирались к себе, если есть возможность отправить их быстро. Василиса обещала подумать. Но встретиться с обоими пока отказалась, сославшись на недостаток времени. Царь Василий хотел, чтобы она что-то там сделала, я не поняла что.

Кликнув Росану, царевна отправила меня домой к Еремеевне, которой ещё на некоторое время пришлось задержаться.

* * *

Павел и Мирлис поджидали около дома. Как всегда, оборотень возник, словно из-под земли.

— Ну, что?

— Всё нормально. Василиса обещала вечером отправить меня домой. Но сказала, что канал перехода теперь требует больше энергии, чем когда-либо. Ей надо подготовиться.

Павел взял у меня из рук здоровенный ключ, который я никак не могла повернуть в замке, и с лёгкостью открыл дверь. Я благодарно кивнула и продолжила:

— Проходите в дом. Подождём Еремеевну, мне кажется, она с Василисой тоже о вас поговорит.

Войдя, первым делом заглянула в печь — горшки курились таким ароматом! Едва не захлебнулась слюной. Но не есть же без хозяйки, придётся подождать, несмотря на проснувшийся аппетит.

Мирлис, почуяв запахи, тоже сунулся к печи, пришлось шугануть рыжего обжору.

Отгнав Мирлиса, повернулась к Павлу.

— А теперь расскажите-ка мне, как тут оказались, и почему этот «рыжик» до сих пор в шкурке ходит.

— Всё просто, — Павел удобно откинулся на стену, поглядывая в расположенное напротив окно. — Когда были в переходе этот мелкий мерзавец попытался вырваться. Зачем, понять не могу. Ведь не оторвали бы ему голову, честное слово!

— Я нечаянно, — пробормотал Мирлис, отодвигаясь подальше от руки Павла.

— За нечаянно бьют отчаянно, — укоризненно ответила я. — Заметила его демарш, но думала, ошиблась.

— Нет, к сожалению. В общем, во время перехода такие вещи не рекомендуются, вот нас и занесло. Хорошо, хозяин здешней гостиницы меня знает. Он нас и приютил. Я хотел к Телистариону отправиться, но оказалось это сопряжено с проблемами. Надо искать кого-то из наших. Почему-то здешний переход мне не подчинился, сколько ни вызывал.

— Знаешь, у Михала переход вообще исчез, и он ничего не может сделать. А меня вынесло прямо к Яге.

— Тебя-то каким ветром к нам занесло.

— Сама не знаю, — замялась я.

— Любопытство её одолело, — подал голос Мирлис, решив, что опасность подзатыльника миновала.

— Чья бы корова мычала... — оборвала рыжего.

Павел хмыкнул:

— Оба хороши. Хорошо, будем разбираться, что происходит. А происходит неладное.

— Слушай, мне говорили, после заклинания Мирлиса колдовство не так работать стало.

— Чушь, — махнул рукой парень, — колдовство не может работать так или не так, а уж каналы перехода это и вовсе вещь нашим чародеям неподвластная. Их сеть была отлажена ещё Великими Магами, и никому не подчиняется...

— Но Михал...

— Именно это меня и беспокоит. — Павел задумался. — Понимаешь, Михал — один из самых сильных магов нашего времени. Если уж и он концов не нашёл, не знаю, что произошло. Да и заклинание, которое прочитал Мирлис... Телистарион много раз пытался разобраться, что произошло, и как. Но так ничего и не понял. У нас сложилось впечатление, что кто-то всё это подстраивает, но вот кто? Магов такой силы в нашем времени нет!

— Ладно, — решила я, — отвернитесь!

Едва оба, недоуменно переглянувшись, отвернулись, залезла под платье и вытащила на свет божий Талисман Радуги.

— Вот, нашла в лесу русалок, — и протянула цепь.

Оба застыли обернувшись.

— Это невозможно! — Павел едва не закричал. — Талисман Радуги утерян много веков назад, когда ни никого из нас ещё и в проекте не было!

— Михал сказал то же самое. Но факт есть факт. На меня напали русалки и их крепко пожгло, едва ко мне прикоснулись. Пришлось оставить в покое. Перевёртыши тоже ничего не смогли сделать. Так что талисман настоящий.

Мирлис сидел, застыв, с круглыми глазами похожими на плоски. Похоже, они так и останутся, если не принять срочных мер. Павел не обращал внимания на подопечного, поглощённый разглядыванием цепи, переливавшейся цветами радуги. Я обратила внимание, что когда Павел приближался к талисману, тот не реагировал на него, как на русалок. Может потому, что оборотень не питал ко мне враждебных намерений?

— Хотел бы я услышать о твоих похождениях за эти дни, — обрел дар речи Павел, откинувшись назад, и даже не сделав попытки прикоснуться к цепи.

Мирлис от его голоса тоже вроде как очнулся, но потянулся вперед, попытавшись прикоснуться к талисману, за что и получил тут же по лапе, причём не от меня — от Павла.

— Не лезь, ты не представляешь даже какая это силища!

— Михал сказал, — кивнула я. — Но я ею пользоваться не могу. Давайте, расскажу вкратце о путешествии, а потом решим, что делать... Может, ты возьмешь?

Задумчиво всмотрелась в сокровище.

— Хочешь отдать мне? — Павел внимательно всмотрелся в меня. — Михал сказал, что талисман примет только того, кому ты отдашь его сама?

— Сказал.

— Так как?

Прислушалась к себе. Павел мне нравится, а может даже больше, но отдать цепь?.. Что-то внутри сопротивлялось этому. Жалобно посмотрела на парня — кажется, он понял.

— Не спеши. Такими дарами не разбрасываются, и, попав не в те руки, такие дары приносят много бед. Оставь у себя. С ним безопаснее.

Облегченно перевела дух, и, приказав обоим отвернуться, вернула цепь на место. Потом

устроились вокруг стола, и я кратенько, без особых подробностей, рассказала о пути в стольный град Васильевск. В конце рассказа, попросила Павла помочь Инару осуществить его мечту.

— Понимаешь, время сейчас странное, скажем так — переломное. Если такие артефакты стали появляться на свет — значит, что-то грядёт. Присмотрюсь к пареньку, но, можешь не беспокоиться, если Михал его наставник — парень получит возможность стать тем, кем хочет.

Едва закончила рассказ, в дверь постучали. Выглянула в окно, из которого было видно крылечко, и стоявшая на нем девчушка.

— Росана, заходи. Что стряслось?

— Да ничего. Царевна прислала платье, сказала не гоже тебе ходить как простолюдинке.

Удивленно посмотрела на приятелей. Те ответили недоуменными взглядами. Но, напрягать девочку расспросами или отказами не стала, и, взяв узел с одеждой, отправила Росану восвояси.

— Ну, и что это значит? — первым подал голос Мирлис.

— Хотела бы знать. Зачем мне наряд боярышни? Неужели я ей так понравилась?

Держала в руках расшитое травами шёлковое платье. На столе лежали какие-то ленты, украшения... Странное ощущение вызвал наряд. Вроде всё, как и должно быть. Покрой знакомый, видела такой в музее, и вышивка. А всё-таки что-то не так. Казалось, на вышитых по подолу цветах, переливались капельки росы, и ветерком шевелило травы. Это невозможно объяснить словами, но вышивка жила. Окончательно убедилась в этом, заметив, как на цветок опустился крохотный пронзительно голубой мотылек.

— У меня ощущение, словно платье живое!

— Всё возможно... Эльфийская работа. Они и ткани, и нитки для вышивки, говорят, из трав да цветов делают, с примесью лунного да солнечного света. Такое платье с полгорода стоит, об украшениях и не говорю, — задумчиво протянул Павел. — Ох, не нравится мне всё это. Василиса сильная волшебница, да и Еремеевна не слаба...

— Кстати, — прервала, отвлекшись от созерцания наряда. — Мне показалось или нет — ты знаешь о Еремеевне что-то?

— А что там знать? Она сестра Яги.

— Опаньки, — я села. — Сестра Яги стала нянькой царской дочери?!

— А что такого? Еремеевна при дворе главная ведунья. Царевен от рождения знает. Она всех приняла, всех вырастила. Кого ж приглашать в няньки, если не ведьму? Она ребенка убережёт от любой напасти.

Павел недоуменно смотрел на меня, не понимающую таких простых вещей.

— Действительно, как просто. Её сестрица меня едва не слопала, а я в этом доме проживаю, и в ус не дую!

— Да не бойся ты. Еремеевна не Яга. На Ягу в лесу управы нет. Здесь царь простору не даст. Ты что думаешь, зря иконы-то ваши висят? А вон в том углу идола наших богов. Небось, сама она бы их не повесила. Так что под присмотром ведунья, лишнего не сотворит.

В самом деле, чего это я панику развожу? Сегодня Василиса меня домой отправит, может, она прощальный подарок сделать решила.

Ступени скрипнули под немалым весом хозяйки.

— А, гости дорогие, вы тут! — заулыбалась Еремеевна. — Вот и ладненько. Ты,

девонька, убери пока наряды, после примеришь, а пока давайте-ка все к столу.

После трапезы Павел и Мирлис ушли, всячески поблагодарив хозяйку. Мы с Еремеевной занялись тряпками. Закончив меня наряжать, бабка довольно оглядела с головы до ног.

— Эх, косы коротковаты.

— Где ж их взять? Эти-то недавно отрастила. Знала бы, что в переделку попаду!

— И зачем стричь? Волос хороший, крепкий, густой.

— У нас трудно с длинными волосами. Утром на работу, с работы вечером по магазинам. Когда тут косами заниматься?

Еремеевна странно посмотрела на меня, но промолчала. Точно, не поняла и половины того, что я сказала. Захотелось посмотреть на себя со стороны, эх, сюда бы зеркало, как у Василисы! Ну да ладно, что поделаешь, пойду к ней, тогда и посмотрюсь.

— Одного не понимаю, — задумчиво проговорила, пытаюсь рассмотреть узор на подоле. — Зачем мне такой наряд?

— Сегодня царский пир. Василиса с сестрами там будут — новые женихи прибыли. Государь решил дочерей спервоначалу на пиру показать, может, кто и позарится.

— Это что же — и старшую?!

Бабка хихикнула:

— К ней няньки приставлены, да и Василисе государь велел, что-нибудь сделать, чтобы та хоть на день откушать по-людски смогла.

— Ох, боюсь, всего Василисиного искусства не хватит остановить эту бездонную бочку, а что до няnek — как это смотреться-то будет? Они что у неё изо рта куски будут вырывать?

Еремеевна только рукой махнула.

— Что уж там, государь всё понимает, а куда деваться? Надобно пристраивать. Ты вот что, Василиса велела на пир приходить, а потом она тебя и домой отправит. Всё одно в терем идти придётся.

Хочу ли я побывать на царском пиру? Хотела, да ещё как! Это ж надо — такое мероприятие! На «балу» я была, правда женишок тогда оторвался в бесплатном буфете так, что едва домой добрёл, боялась, придётся его на себе нести. А тут такая возможность!

Хозяйка, собрав меня, прихватила какой-то узелок, я прихватила свою котомку, и мы отправились в царский терем. Знала бы, что меня ждёт!..

Василиса встретила, как родную. Осмотрела со всех сторон и похвалила, как выгляжу. Потом неуверенно проговорила:

— Настя, нужна твоя помощь. Ты присмотришь к гостям. Если заметишь что необычное, мне скажи. Я буду при батюшке, да при женихе, отвлекаться не смогу. Эх, если бы ты могла мне помочь...

— Царевна! Да там всё будет необычно, как я пойму, что вам надо? А помочь всем сердцем хочу, чем только?

— Пока просто присмотришь. Потом мне расскажешь, что увидишь. Приму твою помощь, любую, какую оказать можешь! Да, и вот ещё что — не знаю, как в твоём мире, а у нас меда да вина крепкие, старайся не пить. Захмелеешь — вместо дома можешь бог весть куда попасть.

Поблагодарила за предупреждение и порадовалась, что не люблю спиртное.

Меня провели в комнатку, где собрали молодых женщин, как я поняла — тех, кто должен присутствовать на пиру. Странно, я-то думала, на такие мероприятия девушек не пускали, но, среди явно замужних матрон, заметила не одну незамужнюю боярышню.

Видимо мероприятие могло послужить матримониальным планам родителей, или смотрины проводились не только для царевен.

Мне, как гостье царевны (хоть и младшей), окружающие оказывали почет и уважение, выразившиеся в желании подрумянить бледные щёчки (от чего категорически отказалась — краска не вызвала ни малейшего доверия), поправить оголовье, или зарукавье. Ох, и надоели же они мне! Кто бы только знал как.

В зал впорхнули стайкой ярких птичек. Должна признать — зрелище, представшее моим глазам, восхитило.

Зал оказался не так велик, как рисовало воображение. Во всяком случае, ничего общего с фильмами, и иллюстрациями к сказкам, где стол накрыт человек на триста. Столы выстроились покоем вдоль стен. И сидели за ними вовсе не друг против друга, а как-то не рационально — в один ряд, вдоль стеночки. По центру сновали слуги, разносящие на огромных блюдах еду.

Дамы расселись по своим местам. Хотела бы знать, как нас распределяли. Пришлось подчиниться ловкому слуге в красной рубахе, дернувшему за рукав, и показавшему глазами на моё место.

Царь-батюшка Василий Двенадцатый поприветствовал гостей и произнес первый тост.

Все опустошили кубки, или чаши, бог его знает, как они правильно называются, но мне показались мисками на ножке. Надо, однако, быть справедливой — дамам выдали посуду помельче, хотя мне было всё равно — я только пригубила неожиданно приятный напиток, совершенно, как показалось, безалкогольный.

А потом гости набросились на еду. Мама родная, как они ели! У меня сложилось впечатление, что специально неделю голодали, чтобы произвести впечатление на хозяев. Огромные ножи мелькали как пёрышки, отрезая от мясных туш крупные ломти и кидая их на тарелки.

На мое счастье вилки выдали. Прогресс двигался и здесь. Когда Еремеевна предложила посетить это мероприятие, единственным, что меня тревожило — как быть с незнанием местного этикета. Сервировка была привычная, даже слишком изысканная, судя по манерам окружающих. Мужчины обходились без особых тонкостей, а вот женщины ели церемонно и мне приходилось периодически посматривать на соседок, чтобы определить каким прибором что едят, и главное, как это делают.

Наелась быстро, и теперь могла бы внимательно осмотреться, если бы не соседи. По обеим сторонам от меня сидели настоящие богатыри. Хотелось назвать их «толстый» и «тонкий». Один — детина кровь с молоком, причём крови явно больше. Я первое время потрясенно смотрела, как он из своей миски выливает в рот с пол-литра вина, даже не глотая, одним махом, а потом заедает поросычьею ногой, ловко орудуя ножом. Отрезал от души и я замирала, ожидая, что вот-вот кусок застрянет в глотке. Ха! Всё пролетало со свистом.

Постепенно поняла, почему столовые приборы отличаются от привычных мне — они рассчитаны на большие куски, и меня перестали удивлять манеры сидящих за столом. В конце концов, каждый живет так, как нравится. А поесть на Руси любили всегда.

Обратила внимание на соседа справа. Этот оказался чем-то смахивавшим на скелет, хотя и не выглядел немощным. Просто есть такие мужики, мяса нет одни жилы. Силой такие, обычно, не обделены, и я почему-то была уверена, если эти двое сойдутся в бою, толстяку несдобровать. «Тонкий» ел спокойно, хотя в количестве поглощаемого не отставал.

Как, интересно, при подобном рационе можно сохранить фигуру? Наверно из тех, про кого говорят — не в коня корм.

Взяла со стоявшего на столе блюда большой печатный пряник, и, положив его на тарелку, отламывала маленькими кусочками, отбиваясь от расспросов соседей. Оба распускали передо мной хвосты как павлины, не забывая между тем расспрашивать — откуда я, кто отец и прочее. Пришлось прикидываться скромницей, от робости и смущения, потерявшей дар речи. Помучившись, обоим надоело тратить время на мое мычание, пожатие плечами и перебирание подола. Мужики занялись беседой о делах минувших дней, благо их рост позволял с лёгкостью переговариваться через мою голову.

Облегчённо выдохнув, осмотрелась.

Пир был в разгаре. Рядом с царём Василием, в центре стола, сидели все три дочери. Наконец смогла посмотреть на жениха Василисы. Да уж, должна сказать — глаза навывкате, отвисшие губы, крупные зубы, жадно грызущие куриную ногу... Основательно заправляясь, женишок успевал бросать грозные взгляды на гостей, посмевающих смотреть на царевну. Иван выпячивал свою тощую грудку, и грозно хмурил брови.

Василиса Прекрасная, к моему удивлению, ела как птичка, едва прикасаясь к положенному на тарелку. Присмотрелась. Царевна положила себе аппетитный кусок жареного гуся, со стороны младшей Василисы чуть заметно блеснуло. Василиса Прекрасная сморщилась, бросила на сестру гневный взгляд, но подать голос не посмела и едва прикоснулась к еде. Хотела бы я знать, что там наколдовала сестричка? Не забыть бы потом спросить, если время будет...

Несмеяна сидела, не поднимая глаз, видимо выполняла приказ отца. Кислая мина лежала на личике неизгладимо, так что все царевны выглядели невесело. Но народу нравилось. До меня долетели высказывания вот де, какие скромницы, не кажут радости от предстоящего замужества. Причём говорилось это вполне серьёзно.

Рассмотрев царевен, перевела взгляд на противоположную сторону стола. Место у меня оказалось очень удобное, а гости дошли уже до такого состояния, что не слишком присматривались к соседям. Внимание привлёк тихий человек сидевший ближе к концу стола. Вероятно не из главных и самых знатных гостей. Кого-то он мне напомнил... Я поначалу никак не могла вспомнить, а потом тихо ахнула — посланец Кощея! Это как же он сюда попал, хотела бы знать!

Присмотревшись внимательнее, заметила ещё несколько смурных лиц. Все они посматривали искоса на кощеева посланца. Кажется, что-то готовится. По всем сказкам знала, что Кощей от своего не отступается, значит надо предупредить Василису...

Едва не заорала — в мою ногу под столом впилося что-то острое. Посмотрев на соседей, поглощенных трапезой, осторожно приподняла скатерть и заглянула под стол.

— Извини, — прошипел Мирлис, — мне пришлось.

— Что ты тут делаешь?

— Ты сядь ровно, на колени к тебе залезу и потихоньку поговорим.

Выпрямилась и успела поймать краем глаза устремлённый на меня взгляд кощеева посланца. Этому-то что надо? Или просто удивлён, что это гостья под столом ищет? А может, я ложку уронила?! Посланец тут же отвёл глаза.

— В трапезной посланцы Кощея, — из-под стола прошипел Мирлис.

— Знаю, — не шевеля губами ответила я. — Хотелось бы знать — что им надо? Они ведь отказ уже получили. Ждут ещё один отлуп?

Мирлис подумал, осторожно соскользнул с моих коленей, исчез. Несколько минут спустя, заметила мелькнувший оранжевый хвост неподалеку от незваных гостей. Так, если хоть один из них проговорится, будем всё знать — наш человек, точнее оборотень, уже в стане врага. А интересно, почему на него не реагируют собаки. И на Павла тоже. Мне не к месту вспомнилось, как Павел поджидал меня на улице, играя с Мирлисом, и ни одна собака не подала голос. Инар же говорил...

Меня отвлек очередной вопрос соседа, возобновившего попытки поухаживать за дамой...

Тем временем в центре зала резвились скоморохи. Ох, должна сказать, и острые же шуточки они выдавали. Дамы, как одна, краснели и прятали лица в платочки. Да и я, дитя города, которое трудно удивить, то и дело чувствовала, как щёки начинают наливаться вишнями.

После скоморохов, когда публика утомилась от хохота, вышли степенные гусяры. Вот уж тут шуточек никаких. Они завели высокими голосами что-то столь утомительное для меня! Едва не уснула. Однако остальная «тусовка» была в восторге. Царь даже подарил одному из певцов перстень с руки, чем вызвал завидующие взгляды остального ансамбля. Только удивилась. Впрочем, мне и не понять было половины того, что они там выговаривали.

Потом царь отдал какое-то приказание, вдоль свободной стены выстроились парни в белых рубахах с дудками в руках. Я закусил угол платка, чтобы не расхохотаться в голос, так напомнило это фильм про Ивана Васильевича. Дудки издали непривычные моему уху звуки, к ним присоединились скоморохи со струнными, отдалённо напоминающими лютню. В центр зала вышла Василиса Прекрасная. Ну, должна сказать, может она и дура, и обжора, но хотя я вещь в несколько раз меньше — не смогу так двигаться никогда! Пышное тело словно потеряло вес, и царевна облачком поплыла над полом. Она скользила то туда, то сюда, сплетая узоры танца. Зрители замерли, замороженные плавными взмахами рук. У неё будто и ног-то не было. Подол не шелохнулся. Искоса бросила взгляд на царя — его физиономия выражала полное довольство. Да уж, было от чего!

И ещё одно лицо привлекло внимание. Лицо Василисы Премудрой. Спокойное, как озеро в безветренный день, и всё же... Что-то в её глазах кольнуло...

Закончив танец, царевна прошествовала к своему месту, принимая заслуженные похвалы, и завистливые взгляды.

Потом в центр зала вышла Несмеяна. Ну, что можно сказать? Станцевала. Возможно, и неплохо, но на это никто не обратил внимания из-за такого унылого лица, что хотелось плакать.

Последней вышла Василиса Премудрая. Мне показалось, а может, и не показалось, что царь остался недоволен её выходом. Возможно, как имевшая жениха она не должна была этого делать? Взмахнув рукой, она дала команду музыкантам, и музыка грянула плясовую. Василиса скользнула в центр зала и вскинула руки словно крылья. Взмах, и вот уже нет пола, вместо него — поверхность воды. Нет царевны — вместо неё белая лебедь. Вот с потолка спустились ещё лебеди и заскользили по воде, составляя узоры, всё быстрее, быстрее, и вдруг взмыли вверх и рассыпались фейерверком цветов. Миг — и в центре зала стоит Василиса, и больше ничего...

Приняв заслуженные восторги, царевна прошествовала на своё место. Снова зазвучала музыка, теперь публику развлекали вышедшие в одинаковых сарафанах девушки. Плясали и

быстрые танцы, и медленные, плавные, скользя над полом, казалось, не касаясь его ногами.

Потом выходили одна за другой присутствовавшие дамы. Кто-то выходил парами, и отплясывали замысловатые танцы с притопами и прихлопами. Видела я нечто отдаленно похожее на деревенских посиделках. Разве только, сравнить эти танцы с деревенскими, можно так же, как конкурс бальных танцев с дискотеккой. Все движения танцорок отточены, изящны, не оставалось сомнений — дамы отдавали немало времени танцевальным наукам. Были среди женщин и такие, кто прерывал череду танцев и, не поднимаясь с места, заводил весёлые и грустные напевы. Оркестр тут же подхватывал, а зачастую вступали и присутствующие, образуя удивительный по красоте хор.

Я с восторгом внимала этому концерту. Давно не получала такого удовольствия. Надо признать, меня раздражают ансамбли бабулек, пытающихся старческими (не смотря на их звонкость) голосами изображать веселье сельских вечорков. А уж пляски, отяжелевших от возраста плясуний и плясунов, и вовсе не приводят в восторг. Интересно, порой забавно, не более. Профессиональные же «народные» ансамбли настолько театрализованы, что похожи друг на друга как близнецы. Здесь же всё было настолько живо, естественно, что самой хотелось запеть...

Пир тянулся, хоть и весело, но долго. Больше всего боялась, что вот-вот придёт и моя очередь выступать... А с чем? Петь — бог голоса не дал, танцевать? Перед такими мастерами только позориться...

Утомилась и перенервничала настолько, что уже не могла ни есть, ни пить, ни смотреть по сторонам. И именно в этот момент ко мне склонился слуга:

— Царевна Василиса зовет.

Извинившись перед соседями, которые, впрочем, были уже «тепленькими» и плохо понимали, что я им сказала, прошла за слугой. Ну, пора и честь знать. Устала я от здешних развлечений, домой хочу.

Только выйдя за порог, вспомнила о Мирлисе, оставшемся где-то в зале. Так и не узнала, что он сумел разведать. Впрочем, уже всё равно. Павел разберётся.

* * *

Василиса ждала в своей комнате.

— Время, пойдём. В горнице не стоит вызывать портал.

Мы проскользнули по лестнице, никем не замеченные. Стражники в нашу сторону даже не посмотрели. Выйдя со двора, ночными улицами прошли в большой сад, с яблонями, увешанными ещё незрелыми яблоками. В центре сада светилося оконце.

— Этот сад и домик батюшка отдал мне, чтобы могла учиться колдовать, — пояснила Василиса. — Маленькая чуть терем не подожгла. Тогда он и подарил всё это.

Я осторожно пробиралась по траве, пытаюсь уберечь платье и туфельки, и едва не упала, когда на плечо свалилось что-то тяжёлое, и вцепилось когтями.

— Тише, — прошипел на ухо Мирлис. — Павел велел с тобой идти. Он через меня будет всё знать, что тут происходит. Что-то его насторожило.

— Зачем через тебя? Попросил бы у Еремеевны блюдечко с яблочком, и увидели бы всё.

— А что, у неё есть?

— Есть, мы с ней смотрели. Я только не знаю, как его запускать...

Василиса уже поджидала у двери, нервно постукивая каблучком.

— Ну что же ты так медленно?

— Не вижу в темноте. Чуть не упала.

Начала оправдываться, но заметила, что оправдания царевне ни к чему. Она уже прошла в домик, поманив меня.

Мирлис проскользнул под ногами и где-то затаился. А меня ждал сюрприз — в комнате кроме Василисы сидела Еремеевна. Порадовало её присутствие, хотя после шоу с фокусами на пиру, я больше не сомневалась в способностях её ученицы.

— Ну что, ты что-нибудь заметила на пиру? — встретила меня вопросом бабка.

— Ещё бы не заметить. Там был посланец Кощея, помните, мы его видели? Да не один. Мне показалось, с ним ещё несколько человек под видом гостей.

— Ох, Василисушка! Что же теперь делать-то, — схватилась бабка за голову. — Ежели они и в терем пробрались да на царский пир, кто ж тебя, голубка моя, выручит?!

— Силы бы мне поболее, — мечтательно протянула царевна. — Ох, летели бы они у меня далеконько, и дорогу в Васильевск позабыли бы. Да нет у меня этаким силы.

У меня такая сила была, но вот что-то жадность одолела. Мелькнула мыслишка — а не окажется ли талисман чем-то вроде пресловутого кольца? И что я делать тогда буду? Но язык, словно к небу прилип, так и не смогла порадовать Василису. Убеждала сама себя, уговаривала, но так и не смогла уговорить. Слезы досады выступили на глазах, и тут я заметила, как Еремеевна подала Василисе знак. Глаза у той вспыхнули. Она махнула рукой, и бабка выскользнула из домика.

Василиса посмотрела на меня, помялась, но всё же решилась.

— Анастасия, послушай. Ты уж прости старушку, но Еремеевна мне сказала, будто видела у тебя какой-то пояс, говорит, в нём сила?

Язык отлип.

— Есть такой. Он меня защищает.

— Настенька, — Василиса напряглась как струна. — Я сейчас отправлю тебя домой, а в твоём мире этот талисман, наверняка, не будет действовать. До перехода, поверь мне, сумею защитить. Да и бояться нечего. Сюда никто кроме меня пройти не может... Отдай талисман. Я смогу с его помощью многое сделать. У меня любимый есть, но я без талисмана найти его не могу. Сил не хватает. Узнала только, что Кощей его в плену держит... Ты же обещала помочь! Слово дала, а я приняла его!

Я стояла, замерев и прислушиваясь к себе. Потом словно очнулась. Если бы не слова Ветра, давно отдала бы побрякушку, а тут сомнения. Василиса для меня всё делает, а я... Скотина неблагодарная!

Стараясь не раздумывать, запустила руки под платье, и расстегнула замок. Талисман, как тёплый котенок свернулся на ладони, тяжёленький такой котенок...

Василиса впилась взглядом руку и глаза её засияли. Она взмахнула рукой, вызывая портал перехода. Знакомое серебристое облачко повисло рядом, я протянула руку к Василисе...

И тут раздалось шипение. Совершенно определенное кошачье шипение. Раздув хвост, в центр комнаты выскочил оранжевый кот.

За дверью послышались шаги, в комнату вошел... Посланец Кощея.

— Так-так. Вот и он — Талисман Радуги. Боюсь, придётся забрать его, такие вещи не для нежных женских шеек.

— Не поняла, — прижала талисман к себе, судорожно нащупывая застежку, и обвивая талию, прямо поверх платья.

— А что же непонятного? Пора тебе отдать эту вещицу.

Замок щелкнул, словно голова зубы сомкнула.

— Попробуйте взять!

Мирлис стрелой взлетел мне на плечо.

— В портал!

— Не пробуй даже! — воскликнул посланец. — Тебе царевну не жалко?!

Он подскочил к Василисе и попробовал схватить её. Не тут-то было. Хрупкая на вид девушка опрокинула его на пол, и наподдала в лучших традициях восточных боевых искусств!

— Дай талисман! — крикнула, протянув руку...

Поздно. Портал, словно сам собой, сомкнулся вокруг меня...

* * *

Традиции нарушать нехорошо. И я их не нарушила — по чему-то прокатилась, во что-то врезалась. Правда в отличие от прошлых переходов, прокатилась по очень твёрдому, а врезалась в относительно мягкое. Но, в конце концов, должно же быть разнообразие?

Вокруг царила непроглядная темнота.

Рядом кто-то сдавленно чихнул:

— Они тут что, уборку никогда не делают?

— Мирлис, ты?

— Кто ж ещё? Хотел бы знать, куда нас занесло.

Ощупала пол вокруг себя. Вымощен камнем. Врезалась я в ковёр, висящий на стене. На ощупь шелковистый, с длинным ворсом и потому мягкий. Но, должна признать, до жути пыльный. Я расчихалась, и зажала рот руками. Не стоит привлекать внимание неизвестных хозяев.

— Мирлис, ты хоть что-то видишь?

— Дверь вижу, кажется.

— Где кажется?

— Справа от тебя, иди вдоль стены.

Хорошо говорить — иди. Для этого надо сначала распутать подол, спеленавший как мумию. Едва распуталась, сползли на нос ленты и нацепленный на голову обруч, что-то вроде диадемы. Не зря не хотела надевать! Сдернула его и откинула безжалостно в сторону.

Дверь крепкая, но как ни странно, не заперта. Приоткрыла её и одним глазом выглянула в коридор. Зря старалась — та же непроглядная тьма. Вот когда вспомнила свою котомку, забытую в комнате Василисы. В зал взять её не смогла, неброская вещица так и осталась лежать на лавке под оконцем царевны. Жалко. Там и мои вещи, и подарки Ванечки...

— Мирлис, может, пойдём куда-нибудь? Надо людей искать.

— А кто тебе сказал, что здесь люди живут? Запах как раз не человеческий.

— Ты что, — отпрянула от двери, наступив любопытному на лапу, чем вызвала раздраженное шипение. — Шутки у тебя, прости, дурацкие.

— Какие уж тут шутки, — прошипел сквозь ругательства Мирлис. — Это у тебя нюх

человеческий. Вот и не чувствуешь ничего, кроме пыли. А запах здесь, хоть и очень старый, но не людской, однозначно.

— А чей тогда? Кто здесь живет?

— Говорю же старый запах. Немного эльфами попахивает, немного троллями, так, совсем чуть-чуть, побольше — оборотнями, вроде как феями ещё. Но пыль всё перебивает. Давай так сделаем, я на разведку. Потом решим, как поступить.

Что оставалось? Только согласиться. Единственное что тревожило, и о чём сказала новоявленному шпиону, это его цвет. Маскировки с ним никакой.

— Тут камин, а в нем сажа. Вымажи меня.

— Мирлис, я не кошка! Где это «тут»?

Быстро найдя меня в темноте, Мирлис ухватил за подол и потянул от двери. Камин нашла, налетев на него лбом. Тихонько чертыхнувшись, постаралась не обращать внимания на виноватое сопение Мирлиса и на ощупь отыскала дымоход. Жирная сажа нашлась быстро, и только тут подумала о том, как буду отмываться... Впрочем — поздно.

Втерев сажу в кошачий мех, постаралась не думать о том, как бедняга будет выглядеть на свету — оботрется. Наверняка, если ковры есть в пустой комнате, найдутся и в жилой части.

Мирлис исчез беззвучно.

Опять на ощупь, отыскала знакомый ковёр и сдёрнула на пол. Держался он слабо и особого шума при падении не произвел, только что-то тихонько звякнуло, зато я расчихалась не на шутку. Но лежать будет мягче, чем на таком же пыльном полу. Кто его знает, сколько ждать рыжего?

Зевнула. Устала я что-то...

Мирлиса не дождалась.

Сколько спала — понятия не имею. Но долго. Спать больше не хотелось, в отличие от желания погрызть хоть что-нибудь. В желудке началась форменная революция, скорее всего именно из-за неё и проснулась. К тому же захотелось посетить интимные удобства, не предусмотренные в данном помещении.

Разумеется, первым порывом было подождать и не высовываться, но физиология брала своё, а время в полной темноте и тишине тянулось невыносимо медленно. Посидела, эдак лет сто, и не выдержала. По стеночке нашла дверь и осторожно выбралась в коридор.

Не отпуская стену, то и дело натываясь рукой на двери, за которыми царила та же темнота, направление выбрала по наитию — предпочла левую сторону. Дурацкое решение, но если народ постоянно ходит налево, значит что-то в этом есть? Вот и проверим.

В конце концов, не выдержав, на пару минут заскочила в одну из комнат, и вышла оттуда, облегчённо переведя дух. Ну вот — одной заботой меньше.

Двигаясь по бесконечному коридору, старалась не думать, куда пропал мой спутник. Мирлис побывал в стольких переделках, и легко, судя по его рассказам, из них выворачивался. Размышлять над его судьбой в данный момент было не только бесполезно, но и не разумно. Пришлось придумать другую увлекательную тему для размышлений.

И, как всегда, перестаралась.

Стоило запретить себе раздумывать о Мирлисе, споткнулась на какой-то неровности. Разумеется, тут же стали мерещиться разные ужасы, виденные в фильмах. Припомнила, сколько жутких преград устанавливали специально для Индианы Джонса. А что если и здешний хозяин такой же шутник! От этой мысли по спине поползли нехорошие ледяные мурашки. Остановилась, напряженно всматриваясь в темноту. Так, а что если в полу ямы? Или в стенах спрятаны колюще-режущие предметы? А ведь могут ещё и по голове чем-нибудь двинуть, или например...

Стало дурно, едва представила в тёмном коридоре свой остывший труп, нанизанный на какую-то железяку, а за поворотом трупик Мирлиса, придавленный свалившимся булыжником. Картина была столь ужасающая и кровавая — несмотря на темноту, мне было великолепно видно натекшие лужи крови — что не выдержала и потрясла головой. Возможно, представь я нечто не столь жуткое, тряслась бы ещё долго, но в голове перегорел какой-то предохранитель и страх, хоть не ушел совсем, но съёжился. Что переживать, если конец и так ясен?

Путешествие закончилось, когда появилось пятно света. Бледненького такого, словно пробивался из щели.

Осторожно, стараясь ступать как можно тише, прокралась к источнику освещения.

Действительно — плохо прикрытая дверь, из которой пробивался сумеречный свет. За дверью слышались шаги и разговор. Говорили не по-русски, но и со знакомыми языками сравнить этот не смогла. Гортанный, он сильно смахивал на курлыкание вперемежку с карканьем, причём отдельные звуки напоминали отвратительный чайный крик. Приникнув к щели, увидела коридор, скудно освещенный масляными лампами, по которому шагали две фигуры.

Отодвинувшись от щели, протерла глаза — гномы что ли? Невысокие, плотно сбитые,

одетые в шаровары с мягкими сапожками, рубахи с широченными рукавами и жилетки. Всё яркое, пёстрое. Человечки скрылись за дверью.

Ну, не могла же я не узнать побольше?

Не могла.

Выскальзывая из двери, заметила краем глаза, что у самого пола она выпачкана сажей — ага, Мирлис здесь побывал. По коридору пробиралась стараясь изо всех сил притвориться предметом обстановки. А притворяться, должна сказать, было чем. Больше всего этот коридор напоминал коридор питерской коммуналки. У стен стояли и лежали разные предметы обихода, самое место которым было бы на помойке. Всё настолько пыльное, что иногда трудно рассмотреть подробности. Непонятно — кому понадобилось хранить рухлядь. Впрочем, возможно, это всё антиквариат? Тогда я не права. Но и антиквариат иногда надо протирать от пыли.

Дверь, за которой скрылись человечки, оказалась едва притворена, и мне удалось рассмотреть происходящее.

Комната, точнее комнатуха, очень просто обставлена, в отличие от коридора — кровать, рассчитанная на карлика, шкаф, столик и два кресла с ободранной обивкой. Кажется хозяин сторонник минимализма в обстановке. Хотя, походишь по таким коридорам день-другой, и захочется жить в пустой комнате. Не понятно только одно — в той части строения, где я путешествовала, мебель, по моим ощущениям, отсутствовала. Почему бы не перетащить всё барахло в пустую часть и не устроить склад там?

Рассматривая обстановку, не обошла вниманием и хозяев. Карлики восседали за столом и разливали из кувшина рубиновую жидкость в стаканы. На столе вольготно расположилась на спинке, растопырив крылышки, обезноженная жареная птица. И куда им такая здоровая? Рядом блюдо с хлебом, сыром, и ещё какие-то миски.

Запах едва не заставил забыть об осторожности, и, заслышав шаги из-за поворота коридора, еле успела заскочить в какую-то щель, чуть не опрокинув полки с наваленными на них пыльными вещами. Оказалась в не менее пыльной кладовке, пришлось зажать нос, чтобы не расчихаться. Господи, эти хозяева пыль не убирают, наверняка, веками!

Из кладовки было отлично слышно, как, заслышав шаги, человечки засуетились. Скрипнула дверь комнаты, раздались пронзительные крики, бормотания, словно кто-то оправдывался, пара ударов, снова шаги нескольких пар ног и всё стихло.

Высунувшись в коридор, заметила яркий отблеск света, из-за поворота, куда, как будто, удалилась вся команда. Подошла к незапертой двери, убедилась в правдивости предположения. На столе так и осталась еда, но вот кувшина не увидела. И кто бы на моём месте удержался? Я подскочила к столу, схватила со спинки кровати полотенце и покидала в него курицу и хлеб. Сыр схватила в руку, не забыв откусить здоровенный кусман, моментально забивший рот. Уже поворачиваясь к выходу, задела что-то под скатертью, опускаясь до самого пола. Заглянув под стол, обнаружила кувшин. Ага, малыши не промах, спрятали от посетителя винишко! Прихватив и кувшин, вернулась в нежилую часть, неплотно притворив дверь, чтобы пробивался свет.

Вкус у малышей оказался отличный! Вино ласкало язык как шёлк. Никогда ещё такого не пробовала, даже на царском пиру. Птица, покрытая аппетитной румяной корочкой, доставила не меньше удовольствия. Хлеб и остатки сыра оставила про запас. Аккуратно сложив куриные кости в уголке, а остатки припасов в узелок из носового платка, выданного Еремеевной, решила продолжить столь удачно начатые исследования. И вот тут мне не

повезло.

Вышла в освещенный коридор, уже довольно далеко отошла от своей двери, и тут позади раздались вопли. Удивительно, какие крики могло издавать столь маленькое существо! Ростом мне по грудь, а голос — сирена! По всему выходило, мой благодетель обнаружил пропажу и поднял хай. Не мог помолчать — ведь винишко-то, уверена, из хозяйских погребов, не зря же его спрятал, а уж сам-то на хозяина хором карлик никак не походил!

На крики со всех сторон послышался топот ног, и я попала — пару минут спустя меня окружили плотным кольцом такие же карлики. Ну не драться же с недомерками? Тем более, из-за угла показалось несколько человечков покрупнее ростом, одетых в броню, да к тому же вооружённых.

Мне недвусмысленно указали направление, пришлось подчиниться.

Зал, куда пришли по бесконечным коридорам, поражал воображение. Я застыла, едва успев подхватить свою неприлично отвисшую челюсть. Такую роскошь не могла вообразить и в бреду!

Зал создавал двойственное впечатление, словно юную дивную красавицу размалевали всеми доступными красками, замотали в парчу и увешали гирляндами украшений настолько, что её красота потерялась на общем фоне. Огромный, высокий, залитый светом то ли вечернего, то ли утреннего солнца и свечей, расставленных в начищенных канделябрах. Дивные пропорции самого зала в испуге спрятались от глаз, укрытые новой отделкой, чуждой первоначально этому сооружению. Так иногда человек, вынужденный находиться в неприличной ситуации, опускает глаза, стараясь притвориться, что его тут вообще нет. Стены зала, пол, потолок — всё отделано резьбой, позолотой и камнями. Всё переливалось и ослепляло настолько, что я не заметила главное украшение — длиннородого карлика, расположившегося в сверкающем кресле. Одежда карлика переливалась золотым шитьём с камнями и сливалась с окружающей обстановкой.

Меня ткнули копьём пониже спины, чем заставили обратить внимание на хозяина. В том, что это хозяин, сомневаться не пришлось.

Карлик, с некоторой брезгливостью на лице, осмотрел меня с головы до ног и обратно, поднес к большому носу кружевной надушенный платочек, и что-то сказал.

— Что-что? — не поняла я. — По-русски, пожалуйста, на худой конец, можно по-английски. Других языков не понимаю.

Карлик поморщился, словно отведал лимон.

— Кито ти?

— Чего?

— Кито ти есть, и как ти сюда попадать?

— А-а, — наконец, дошло. — Я Настя, можно Анастасия. А как попала сюда? Сама не знаю. Попала и всё.

Карлик поморщился. Подумал немного и отдал приказ конвоирам. Те потыкали меня своими копьями, указывая направление движения. Хотелось вырвать одно из копий и тоже их потыкать, но пока скандалить не стала. Надо бы разобраться в обстановке.

Опять бесконечные коридоры, в большинстве своём заставленные бараклом. Нет, это не нормально — имея под боком столько свободного пространства, превращать в склад собственное жильё! Вышли к большим резным дверям, не украшенным золотом и камнями... Для этого места просто непростительная простота! Оказалось — дверь в сад.

Сад очаровал! Таких цветов я никогда не видела. Наверное, из Африки, или каких-то южноамериканских стран. Ароматы одуряли, и голова, немного развеявшаяся после выпитого вина, опять закружилась.

Мы долго блуждали по извилистым дорожкам, мощёным разноцветными каменными плитками, среди кустов и цветников, пока тропинка не уткнулась в невысокое строение. Поднялись по трем ступенькам белого мрамора и подошли к высокой, отделанной металлом, двери. Сопровождающие тихонечко, словно боялись обитавшего за дверью, постучали кончиком копья по большой медной бляхе. Присмотревшись, заметила, что проделывали эту процедуру не раз и не два. Несколько мест на бляхе, видимо наиболее удобных для стука, выглядели как после обстрела — всё в щербинах и выбоинах.

Частенько сюда ходят, призадумалась я. Может быть, здесь какое чудовище обитает, и меня ему на корм привели? Испугаться не успела, вспомнила про талисман. Быть не может, чтобы меня так прозаически сожрала какая-то дрянь, мы ещё посмотрим кто кого!

Тем временем за дверью раздались шаги и загремели мощные засовы. Да-а, забаррикадировались там основательно! Дверь приоткрылась, и меня протолкнули в образовавшуюся щель. Втолкнув, малыши, наподдав мне под зад створкой, дверь тут же захлопнули, словно боялись, что чудовище выскочит и сожрёт всех поблизости.

Ничего подобного. Меня встретила маленькая женщина, одетая с гаремной роскошью, совершенно не шедшей к её увядшим прелестям. Она, завидев меня, подхватила под руку, повлекла за собой.

Шли, на этот раз, недолго. Женщина с едва заметным поклоном открыла высокую дверь. Мне хотелось осмотреться, но, несмотря на все поклоны, проводница с гостьей церемониться не стала — толкнула меня и захлопнула тяжёлую дверь.

Оказавшись в выделенных хоромаш — иначе назвать это помпезное помещение невозможно — тут же подлетела к окну. Чёрт, чёрт и ещё раз чёрт! За окном оказалась панорама заснеженной равнины, вокруг которой вдали поднимались крутые горные пики. Не иначе, как где-то на полюсе, не важно каком... Я решила проверить, а вдруг малыш решил надуть, и резко дернула створку окна. Тут же захлопнула — потянуло такой стужей, что пробрало до костей, а для убедительности из окна осыпал колючий снег. М-да, пейзаж соответствует действительности. Хотела бы знать, как это получается? Своими глазами видела, что дом расположен в центре сада, залитого жарким солнышком!

Хлопнула дверь. Обернувшись, увидела выстроившихся в ряд трёх хорошеньких девушек. Они молча проскользнули в комнату, так же молча склонились в поклоне, подошли ко мне, и, взяв под руки, повели в соседнее помещение. Боже мой, там оказался роскошный бассейн с горячей водой! Как всё это время мне не хватало нормальной ванны!

Одна служанка, подойдя к воде, вылила несколько капель из крохотного флакона. Помещение тут же наполнил тонкий сладкий аромат. М-да, оригинально. Придираться к силе аромата не стала и, послушно раздевшись, собралась войти в воду. Одна из служанок вежливо остановила, жестом показав, что необходимо и «поясок» снять.

— Уж это нет! — твердо отвела руки девушки. — Забудь, красавица! Или в нём или никак!

Девицы переглянулись, предприняли ещё одну попытку заставить расстаться с украшением, но я оказалась непреклонна.

Провела в бассейне не меньше часа, наплававшись вволю, и позволив вымыть меня пахучей смесью, ничуть не напоминавшей мыло, но снявшей усталость в теле как по

мановению волшебной палочки.

Принятая ванна улучшила настроение, и я милостиво разрешила надеть на себя предложенный наряд — на пару часов можно смириться с золотым шитьём, и унизированными самоцветами подолом и рукавами.

Подаренное Василисой платье, распорядилась оставить. В конце концов, не буду же я вечно здесь торчать?!

Обед превзошел ожидания. Хотя и пришлось немного себя притормозить и налечь на персики и виноград. Если буду есть всё, что в этом приключении дают, дома придётся двери расширять, не говоря об одежде. Кстати, во время обеда убедилась, что тот мелкий воришка действительно спёр кувшин вина у хозяина — мне подали точно такое!

Отобедав, дала знак служанкам удалиться, и они всё такими же безмолвными тенями покинули покои. Я же занялась осмотром выделенного помещения. Быть того не может, чтобы не имелось ещё одного выхода, кроме окна и двери, через которую вошла!

Тщательно осмотрела стены под гобеленами и коврами, простучала их в поисках потайного хода, увы... Поэтому ничего не осталось, как улечься на роскошном ложе, и, нежась в тёплом, насыщенном ароматами воздухе, рассматривать заснеженный пейзаж за окном. Созерцание контрастного с обстановкой но однообразного пейзажа навевало скуку, и я почувствовала, как веки наливаются тяжестью. Устроившись поудобнее, собралась подремать после плотного обеда, но не вышло.

За дверью послышался мерный стук шагов, и в комнате зазвучал марш. Ого, и что бы это значило?

Скинув одеяло, осмотрелась. Так, всё это опять напоминает Пушкина. Как там у него: «Что ж наша пленница теперь! Дрожит как лист, дохнуть не смеет...»? Это не про меня. Опыт Людмилы показал, как надобно встречать любвеобильных карликов! Мысленно перелистав некогда прочитанные в глянцевого журналах статьи о том, как надо и как не надо встречать мужчин, если желаешь провести с ними приятную ночь, я постаралась принять самую соблазнительную, в моём представлении, позу, подтянув повыше платье. Так, чуть-чуть, чтобы только коленки показать, и прикинулась спящей. Хотя, если этот козел поверит, что я сплю при том шуме, который подняли, значит, он полный идиот.

Дверь распахнулась. Естественно, подсматривала сквозь ресницы — не хватало мне неприятных сюрпризов!

А вот это уже не по правилам! Кажется, должны войти рослые красавцы арапы и внести осторожненько, не дыша, бороду карлика? А тут что?! Полное пренебрежение оригиналом!

Карлик ввалился первым, едва не таща на буксире не арапов, а, всего лишь троих, едва поспевающих за ним, слуг. Те семенили, срываясь на бег, стараясь не дергать господина за бороду.

Я, насилу, удержалась от смеха. Трудно изображать спящую, когда на арене клоун. Карлик окинул меня взглядом, и что-то крикнул слугам. Те уложили бороду на пол, и с поклонами, задом, ретировались. За дверью тут же раздался радостный гомон и топот. Не иначе, как ломанулись обедать. Ещё бы, хозяину, видите ли, «клубнички» захотелось, а бедные слуги-то тут при чём?!

Старичок-бодрячок остановился посреди комнаты и начал что-то быстро говорить, одновременно размахивая ручками. Потом приостановился, словно только сейчас заметив, в каком я положении. Прищурился, как подслеповатый крот, и направился к кровати.

Уж тут «спать» я не стала! Села, широко зевнула, потягиваясь и протирая, как бы

спросонья, глаза. «Удивилась» увидев «нежданного» посетителя, и кинулась к нему, свесившись с кровати и ухватив за бороду:

— Пупсёнок! Я уснула, так и не дождавшись! Разве можно томить девушку!

От неожиданности карлик рванул назад, и, оступившись, свалился, повиснув на зажатой у меня в кулаке бороде.

— Отпусти, — прохрипел он откуда-то снизу.

Я свесила голову.

— А в чем дело? — постаралась придать голосу самое искреннее удивление. — Ты что, ждал другого приема? Ну, нет, пупсик, я обожаю таких богатеньких буратин, как ты. Да я всю жизнь искала кого-нибудь, кто бы понял — такая девушка как я не может прозябать в нищете! А тут — роскошь, слуги, и всё для меня! Вот, хотела тебя порадовать!

Пока говорила, осторожно подтягивала карлика за бороду, но так, что бы он не успел встать, а, закончив, отпустила белые волосы, отчего тот шлёпнулся на зад, крикнув как утка.

— Ой, маленький мой! Да что же ты, так неудачно?!

Подхватила с кровати, поднимая хозяина, и заботливо отряхивая его штаны, не забывая основательно прикладывать ладонь к его филейной части.

Карлик злобно зашипел и вырвался из моих рук. Отскочил и зашептал какое-то заклинание. Наверное. Потому что пол под ним внезапно задымился, и хозяин резво вскочил на кровать. Такие финты обычно приписывают женщинам, увидевшим мышь.

Кто бы на моем месте удержался? Я тут же завизжала, как резаный поросенок, и бросилась под «защиту» хозяина, животом упав на кровать рядом с ним и обхватив его за ноги. Естественно старичок не удержался. Я не хотела, оно само получилось! Карлик упал с другой стороны кровати на пол, бедной головой вниз.

С пола раздалось кряхтение. Я свесила голову с кровати.

— Я гирозный калдун, — как-то неуверенно проговорил старичок.

— Правда? — иронически хмыкнула я. — Не заметила.

— Я могу стирать целый город!

— Ой, как грозно! А летать умеешь? — опять ко времени вспомнила Пушкина.

— Умею, — удивленно посмотрел карлик. — А зачемь тебе?

Медленно слезла с кровати и, изображая из себя злобную фурию, согнула спину и скрюченными пальцами потянулась к бороде старика.

— А затем, что сейчас, — растягивая слова и завывая на каждом слове, я ни на шаг не отставала от карлика, ползком отодвигавшегося от меня, — ухвачу за бороду, и ты понесёшь меня подальше отсюда!

На последних словах рванула вперед, карлик фантастическим лягушачьим прыжком на четвереньках рванул за дверь, возле которой он уже оказался, и я с треском захлопнула створку за махнувшим напоследок кончиком бороды.

Бедняга, не понял шутки. Неужели он всерьёз думал, что я соглашусь на прогулку по морозу в одном тонюсеньком платье?!

Довольная проведённым в обществе хозяина временем, легла и, с чувством хорошо выполненного долга, заснула.

«Жаль только, — мелькнуло напоследок в сознании, — что был без колпака. Пригодился бы».

Выспаться мне не мешали. Но я осталась этим не довольна. Как всегда, когда слишком много сплю, дико разболелась голова. А если учесть, что и принести мне ужин никто не

позаботился, а о прошедшем обеде живот уже накрепко забыл, то настроение оказалось отвратительным.

Высунув нос из-под тёплого покрывала, сразу почувствовала, что отопление отключили — в комнате царил арктический холод. Судорожно завернулась в покрывало и осмотрелась. Зря так плохо подумала о хозяевах. Мною же неплотно закрытое, окно оказалось открытым, и ледяной ветер, завывая, заносил в комнату снег, который быстро таял на роскошном паркете, разливаясь впечатляющих размеров лужей.

— Хорошо, что внизу нет соседей, — проговорила в пространство.

Да уж, находишься я как минимум на втором этаже, снизу давно кто-нибудь примчался бы с воплями о том, что его затопило.

Придерживая покрывало, нащупала ногами насквозь промокшие туфли, и прошлепала к окну. Чтобы его закрыть, с покрывалом пришлось расстаться, и, стуча зубами, с трудом захлопнула упрямо распахивавшуюся створку. Хотела бы знать, где эти служанки? Они что, за всё время ни разу не заглянули? Кажется здешнего «Черномора» я крепко разозлила. Наверняка, отобрал в качестве наказания прислугу, решив взять измором. Ха-ха, и ещё раз ха! Не на ту нарвался.

Шлёпая по воде, добралась до двери в ванную комнату. Ага! Здесь всё по-прежнему. Парящая в прохладном воздухе тёплая вода, с нежным ароматом. Откуда-то быстро нагнетался тёплый воздух, обдувая замерзшие ноги. Быстро скинув наряд, который не потрудилась снять перед сном (неприменно сделала бы это, если бы предвидела, как будут болеть бока — шитьё, унизанное камнями, оставило на коже глубокие следы), спустилась в тёплую воду, пожалев, что она не горячее. Тело охватило блаженное тепло. Вода, словно по заказу, нагрелась, через несколько минут я плавала в горячей воде забыв о холоде и сырости.

Выбралась из воды похожая на отварного рака, завернулась в лежавшее на скамеечке полотенце и пошла искать, во что бы одеться. Видела, кажется, за одним из гобеленов гардеробную.

Мама моя! Чего тут только не было. Точнее тут было всё, что только может представить самая извращенная женская фантазия. Были одеяния из такого количества тряпок, что мне хватило бы на десять платьев, а были такие, что мне и на купальник едва достало бы. Всё унизано драгоценными камнями, переливается от золота, и разноцветной вышивки. Предыдущая хозяйка гардероба отличалась тем же вкусом, что и местный хозяин. В глазах рябило от переливов и сверкания.

Меня подобные наряды не устраивали. Я не собиралась сидеть безвылазно в покоях, и, пользуясь приближающейся темнотой, намеревалась прошвырнуться по апартаментам хозяина, чтобы, во-первых, отыскать пропавшего Мирлиса, а во-вторых, выяснить, где же мы с ним оказались.

Перерыв гардероб, так и не нашла ничего подходящего. В задумчивости остановилась, глядя на кучу, сваленных без всякой жалости посреди гардеробной, тряпок и решила подойти к делу с другой стороны. Моя задача одеться просто и удобно, неброско и практично. Значит, придётся отыскать среди всего имеющегося вещи, которые подручными средствами смогу превратить в то, что нужно. Приняв решение, принялась снова ворошить впечатляющую грудку вещей.

Откладывая в сторону то, что могло бы хоть как-то пригодиться, не обращала внимания на происходящее вокруг, а стоило. Раздался визг такой силы, что меня подкинуло. Стрелой рванувшись к двери гардеробной, выглянула...

Ну, и чего было паниковать? В моих покоях находилась роскошно упакованная в гаремные наряды тётка и самозабвенно визжала, стоя посреди растекшейся по полу воды.

— Что случилось? — спросила, как можно вежливее, хотя на язык просились совсем другие слова и совершенно другая интонация.

Повторить то, что сообщила мне эта немолодая и, на вид, вполне интеллигентная женщина, не повернется язык у портового грузчика, причём сделала она это на чистейшем русском. Она тщательно прошлась по моим достоинствам и характеру, пробежалась по моим родственникам, предкам и грядущим потомкам. Я даже призадумалась, стоит ли иметь последних, если они будут именно такими? Вероятно, нет, зачем беднякам подобная судьба, не буду же я так жестока?

Немного придя в себя, уже открыла рот, чтобы высказать нечто не менее приятное своей гостье (правда не уверена, что смогла бы достичь подобных высот), но тётка, неожиданно успокоившись и несколько раз глубоко вздохнув, приступила к цели своего визита.

— Великий Зиран ждёт тебя, — произнесла она торжественно.

— Это кто же такой? — полюбопытствовала я. — Это не тот ли карла с бородой, который от меня столь невежливо удирал?

Женщина прожгла взглядом, я даже осмотрела невольно всё ещё намотанное на мне полотенце, и с облегчением перевела дух — горелого не заметила.

— Если ты ещё раз нападешь на Зирана, он превратит тебя в жабу, и ты проведешь остаток своих дней в болоте, где тебе и место, — спесиво поджав губы и вздернув подбородок, заявила дама. — Я ему именно это и посоветую.

— Ой-ой, как страшно, и чего же это он лез тогда ко мне, если мое место на кочке?

— Он? К тебе?! — завопила гостья. — Да ты недостойна и одного его волоса! Не думай, что ты его прельстила своими тощими мослами...

Перебивать старших невежливо, но я не удержалась буркнув:

— На свои посмотрите!

Нет, и что им мои мослы дались всем? Не нравится — не смотрите. А то сначала лезут, а потом начинают критику наводить. Кстати сама дамочка тоже не отличалась дородностью, а с учётом возраста... Она это, как оказалось, понимала и я едва успела отскочить в сторону от пролетевшей мимо вазы, с грохотом врезавшейся в стену рядом с моей головой. Да, тётя не промах, не успею я отклониться, ваза угодила бы точно! И надо же, в такие годы и двигаться с такой скоростью!

Вслед за первой вазой, просвистела вторая, за ней третья. Бомбардировка грозила перерасти в шквальный огонь. Пока что я уходила из-под обстрела, но долго так продолжаться не могло. У меня было только два варианта — бегать от взбесившейся тётки, пока она в меня не попадёт, со всеми вытекающими последствиями, или... Первая подушка угодила точно в размахивавшуюся подсвечником фурию сбив ей прицел. Подсвечник полетел прямехонько в окно. Звон стекла и меня охватило холодом. Пришлось бежать в гардеробную — не мёрзнуть же гольшом на морозе! Тётка рванулась, было, следом, но не тут-то было. Я выхватила из груды тряпок присмотренный ранее роскошный плюшевый (а может бархатный, чёрт его знает, не до того) халат, щедро подбитый мехом, и резво натянула на себя. На кой им понадобилось по такой жаре подбивать халат мехом, не знаю, но он заменил шубку. Теперь преимущество оказалось на моей стороне. Конечно, мне поддувало и снежок, закруживший по комнате, не создавал комфорта, но тётка, одетая в тонюсенькие

шёлковые шаровары и газовую кофточку, тем более не могла похвастаться, что ей удобно и тепло.

Перестрелка возобновилась. Я, как воспитанная девушка, не стала кидать в пожилую даму тяжёлыми предметами. Вполне хватало подушек, горой наваленных на кровати и вокруг неё. С гиканьем и посвистами бегала вокруг ложа, и обстреливала гостью мягкими снарядами. Должна сказать, что моя тактика оказалась надёжнее — если я могла укрыться за кроватью, или принять летевшие в меня предметы на мягкие подушки, то тётка принимала мои удары на себя. Если бы я не была так мягкосердечна, то бедняжка давно бы уже имела несколько синяков...

Мимо просвистел последний в её окружении канделябр (и как ей удастся метнуть через половину комнаты такую тяжесть?) и, оглянувшись по сторонам, моя посетительница поняла, что ей осталось только ломать паркет, все подъёмные предметы она уже перекидала.

Тётка обессилено опустилась на раскиданные вокруг подушки и перевела дыхание.

Я осмотрелась. Да уж, если её привела в такой экстаз простая лужа на полу, то творившееся в комнате теперь, могло довести до инсульта, как минимум. Присмотрелась к противнице. Ничего себе — она взирала на царивший в комнате хаос с таким видом, словно зияющее брешью окно, снег лежащий на битых и ломаных предметах интерьера, соперничающий с подушечным пухом в кружении по комнате, самое приятное её душе зрелище.

— Пошли ко мне, замёрзнем.

Воззрилась на тётку так, словно заговорил лежащий рядом канделябр. Нет, никакой ошибки, приглашение относилось именно ко мне.

Тётка с трудом поднялась с подушек и обхватила себя за плечи руками.

— Пошли, пошли, нечего сидеть здесь и мёрзнуть.

Пожала плечами и пошла следом.

Следующие часа два мы провели в бассейне, который у Гюлисталь (так звали тётку) оказался ещё больше моего. Потом служанки, робко поглядывавшие на нас, принесли роскошный ужин, и я смогла расспросить хозяйку о том, где нахожусь.

Тёткой она оказалась совершенно нормальной. Я ей понравилась именно тем, что не стала прятаться, а ответила тем же. До сих пор никто не решался дать ей отпор, даже сам хозяин замка, где мы находились, не говоря о его слугах. Мне разом стал понятен ужас охранников, и когда я рассказала об их реакции, мы весело посмеялись.

Гюлисталь оказалась сестрой хозяина здешних мест — Зирана. Она жила у брата, овдовев лет пятнадцать назад. Покойный супруг не оставил жене ничего, кроме трёх сыновей, которые пошли по стопам дядюшки и подались в колдуны, чем вызвали страшное неудовольствие матери и теперь старались ей на глаза попадаться как можно реже.

— Понимаешь, — доказывала мне Гюлисталь, потягивая ароматное вино, — колдун, можно сказать, не мужчина и не женщина. Они все настолько заняты своими заклинаниями, обрядами и прочей чушью, что жить совершенно некогда! Зиран так и не женился, хотя вполне мог, несмотря на то, что мы из рода гномов. Да за него из любого народа дочь бы отдали! Так разве у него время есть? Вот и мои деточки такие же, одни заклинания на уме!

— А вы колдовать не умеете?

— А что тут уметь?

Гюлисталь повела бровью, кувшин подплыл к моему опустевшему бокалу. Струя вина наполнила бокал, кувшин послушно скользнул на место.

— Вот и всё.

— Ничего себе, — я потрясенно вытаращила глаза на собеседницу.

— Мне прочили хорошее будущее, — пожала она плечами. — Но что толку? Стала бы я сушеной ирлой, жила бы сейчас в какой-нибудь норе, отлавливая всякую нечисть, да заготовливая отвратительные ингредиенты для зелий вроде мышинных экскрементов, истолчённых со змеиными зубами.

Меня передёрнуло.

— Вот-вот! А так я пожила в своё удовольствие. И пусть братец проживет раз в десять больше моего, но он не видел и тысячной части того, что взяла от жизни я.

Разумеется, я согласилась. Хотя тут же заметила, что и братец её живет вроде как недурно. Гюлисталь рассмеялась:

— Ты о его приёмном зале? Это же кошмар! Тысячи раз говорила, чтобы он убрал всё это безобразие. Замок построен в давние времена ещё эльфами, а он не может, когда блеску мало.

— Ага, в парадных залах блеск, а в коридорах бардак. Неужели нельзя там порядок навести? Повернуться же негде!

— Всё можно, — поддержала меня Гюлисталь, впиваясь зубами в персик, — только никому до этого хлама дела нет. Мы, гномы, знаешь, жадноваты, есть такое. Меня он к уборке не подпустит. Как же могу выкинуть что-нибудь ценное.

Невольно припомнила её собственный вопль при виде лужи на паркете и постаралась не улыбнуться.

— А сам? Он ведь колдун, так наколдовал бы что-нибудь.

— И как ты себе это представляешь? — изумлённо воззрилась на меня Гюлисталь.

— То есть? — не поняла я.

— Что «то есть»? Как ты себе представляешь уборку магическим способом?

Призадумалась, не понимая вопроса. С моей точки зрения всё предельно просто — приказать всем вещам поработать за тебя. Метла подметает, тряпка вытирает пыль, посуда помоеется сама и так далее. Всё это и высказала, чем вызвала столь бурное веселье, что чуть не обиделась. Оказалось, сморозила таку-у-ую глупость! Заметив мои нахмуренные брови и невольно надувшиеся губы, Гюлисталь постаралась остановить приступ смеха.

— Ну, давай, придумай, как приказать венику подмести пол.

Я призадумалась. На первый взгляд всё просто — приказать и всё. Но, попытавшись сформулировать приказ, столкнулась с массой трудностей.

— Прежде всего — мебель и ковры. Надо наверно объяснить венику, разницу между мусором и ковром или стулом.

Гюлисталь довольно кивнула.

— А потом — выбрасывать надо не весь мусор. Поди, объясни венику, что валяющийся на полу шарфик выкидывать не надо, а вот исписанную бумажку можно и вымести, а потом — и бумажку тоже не всякую...

Припомнила, что творится у меня в комнате, когда увлечена работой. Тут никакому венику не под силу разобраться, где мусор, а где я просто положила на пол свои бумаги, потому, что на столе места не хватило.

С невольным уважением посмотрела на собеседницу.

— Вот, теперь поняла?

Я согласно кивнула.

— Бытовая магия самая сложная из всех. Сил требует не много, но на каждый вид работы надо составлять своё заклинание. Их тысячи, и разобраться в этой массе может только узкий специалист. Маги, занимающиеся бытовой магией, обычно не очень сильны, но живут неплохо. Такой маг не наколдует себе, как Зиран, золота, придётся зарабатывать, но и Зиран не возьмётся за бытовую магию.

Припомнила, как Еремеевна сама готовила. Выходит и она не всё может наколдовать. И тут меня заинтересовал один вопрос.

— А можно, так просто, из ниоткуда, наколдовать себе, например, обед?

— Можно, конечно, — пожалала плечиками Гюлисталь. — Только «из ниоткуда» не получится. Если у тебя прибыло — откуда-то убыло. То есть кто-то где-то приготовил этот обед, а ты его попросту...

Она со смешком, красноречиво присвистнув, взмахнула рукой.

Я расхохоталась, представив, как у севшего за стол богача, вытягивается физиономия, когда его роскошные блюда лёгкими пташками вылетают в окно.

— А как же скатерть-самобранка?

— Это другое дело. Волшебные предметы совсем другой вид магии. Ими тоже специалисты занимаются. Магия, вложенная в такой предмет, действует определенное время, или определенное число раз, и тоже не просто так. Ей точно указано, что и как надо делать. Скатерть самобранка не превратится в ковёр-самолет.

Кажется, я поняла, что ничего не поняла, кроме разве что того, что с магией дело обстоит не так просто, как мне казалось. Я-то, наивная, считала, что обладающий магической силой избавлен от бытовых неурядиц! Оказалось, всё не так. И на что она тогда, вся эта магия, если, создав хоромы белокаменные, потом замучаешься в них пыль убирать?

Заметив мое уныние, Гюлисталь как кошка потянулась на мягком ковре, и принялась расспрашивать о моих собственных делах.

Остался, правда, один вопрос, который меня тревожил — мы так и не обнаружили Мирлиса. Гюлисталь заверила, что без разрешения Зирана воспользоваться, находящимся под его присмотром, порталом невозможно, поэтому мой приятель в замке. Однако, мне удалось заразить её своим сомнением в этом утверждении, мы-то с Мирлисом сюда попали.

Тревожило обстоятельство, которого Мирлис мог и не знать. В разговоре всплыл вопрос о том, почему часть замка пустует, и Гюлисталь пояснила — некогда замок был оставлен своими создателями эльфами. Что здесь произошло, никто не помнит, но замок остался стоять посреди ледяной пустыни (наверняка, где-то в районе Лапландии, или одного из полюсов, я слаба в географии). Когда в замке пытались поселиться представители других народов — естественно оставить бесхозным такое помещение грех — ничего не вышло. В замке остались духи прежних обитателей, весьма враждебно настроенные к посягавшим на их собственность. Как Зирану удалось договориться, Гюлисталь понятия не имела, но сумел. Духи вытребовали себе большую часть помещений, оставив в распоряжении гномов сад (кстати, Гюлисталь не смогла пояснить, каким образом, находясь в саду, окна выходят со всех сторон на ледяную пустошь) и некую часть помещений. Судя по словам Гюлисталь, и та часть, что досталась Зирану, огромна. Наверное поэтому, посланные на поиски Мирлиса служанки, не нашли моего рыжего друга. Представляю себе, каких размеров достигает весь замок. Впрочем, по заверениям Гюлисталь племя эльфов вообще со странностями — либо живут в лесу, либо селятся в таких грандиозных сооружениях, вмещающих порой население пары человеческих, да и гномьих, городов.

Проболтали мы почти до рассвета. Только под утро, сморённые сном, расположились в покоях Гюлисталь. Я решила не возвращаться к себе. Вдвоем веселее, да и не очень-то поверила заверениям хозяйки, в то, что её братец совершенно не собирался посягать на мою честь. Кто его знает? Бережёного бог бережёт.

Гюлисталь не привыкла подниматься ни свет ни заря. Я тоже проспала бы до полудня (моя давняя и такая несбыточная мечта), если бы нос не защекотала волосатая лапа. Впрочем, лапа тут же постаралась зажать мне рот. Размер оказался маловат, и в результате я расчихалась так, что Мирлиса снесло с края ложа, где он примостился, пытаюсь меня разбудить.

— Знал, что ты поспать любительница, но настолько...

Покачивая укоризненно головой, Мирлис попытался заново забраться на высокую кровать.

— Тебя где носило, прелестное дитя? — невежливо перебила приятеля, подхватив его за шкурку и с трудом затаскивая на перину заметно потяжелевшую тушку.

Впрочем, спросила напрасно. Живот, округлённый и натянутый словно барабан, лучше всяких слов рассказал, что вчерашний день этот проглот провёл, скорее всего, на кухне. Знали или нет повара о его присутствии спрашивать бессмысленно — никто не даст так налопаться постороннему коту, тем более, что кошками замок Зирана не изобилует, а, проще говоря, их тут, по словам Гюлисталь, нет вовсе. Зиран не любитель живности, разве только в снадобьях, в надлежаще высушенном, растолченном виде.

Мирлис, обречённо пыхтя, пристроил себя на пуховой подушке. Сочувствовать не стала, хотя и очень хотелось, но надо же и меру знать, не нажираться так, что на кровать самому залезть трудно...

— Ты не подумал, каково мне, там — в темноте и пылище? А там ещё и привидения живут.

— Ты откуда знаешь? — вскинул голову (остальное приподниматься отказалось) Мирлис. — Видела?!

— Дурак, — обиделась я. — Если бы увидела привидение, мы с тобой уже не говорили бы. Я бы на месте скончалась. Мало насмотреться тут у вас довелось, так ещё и привидения! — меня передернуло.

— Кстати, я ведь не знаю ничего о твоих похождениях здесь, — прижмурил глаза Мирлис.

— Ага, самое время делиться впечатлениями. Больше ничего не придумал? Давай, говори, где был.

Толкнула рыжика в бок, не давая окончательно разнежиться и заснуть. Исключительно из вредности. Он меня разбудил? Разбудил! А теперь пристроился покемарить минут шестьсот?!

Мирлис сонно всхрапнул, и недовольно открыл один глаз. Поняв, что укоризненный взгляд меня не смутил, тяжело вздохнул и открыл второй.

— Ладно. Начну с того, что заблудился. Точнее нет, меня какой-то ненормальный стражник заметил, и давай гонять по коридору. Видела, сколько там барахла разного? Вот. В общем, пока он распутывался, я удрал подальше. С перепугу не заметил сразу куда бежал, а потом окончательно заблудился... Да, заблудился, — возмущенно фыркнул Мирлис в ответ на мой скептический взгляд.

— Интересно, я вот слышала, что животные находят дорогу всегда и везде.

— Я тебе не животное!

От возмущения Мирлис оторвал от подушки не только голову, но и хвост, остальное по-прежнему не подчинялось. Потом обмяк и продолжил:

— В общем, стал искать дверь, ведущую в ту часть замка, где ты осталась, но не нашёл. Бродил долго, и как-то случайно... Правда случайно! Вышел к кухне. Там никого не оказалось, кроме пары мальчишек. Они меня как увидели, так больше и не выпустили...

Перебила самым ехидным голосом, какой только был в моем арсенале:

— Представляю, бедненький, как ты сопротивлялся! Негодные пацаны скрутили котика и начали силой толкать в глотку деликатесы!

— Ну, причём тут деликатесы, — неискренне возмутился Мирлис.

— Конечно ни при чем. Только от тебя так несет копченостями, что мне есть захотелось!

Посмотрела на сникшего приятеля.

Ладно, что уж там. Знаю обжору. Не может он мимо стола пройти, не может. Но он ещё не худший вариант.

Была у меня подруга. Всё боролась за фигуру, а за одним столом сидеть страшно было. Я с ней старалась на людях не показываться. Она всегда заявляла, что именно сегодня у неё нет аппетита, но столько всего вкусного, она только по кусочку и по глоточку попробует. Кусочек и глоточек оборачивались поглощением провизии, которой хватило бы на пару крепких парней, и стонами после окончания трапезы о том, какая я бессердечная — не остановила, не отобрала тарелку, и как ей теперь по моей вине плохо. Периодически она появлялась с очередной чудодейственной диетой, призванной спасти ожиревшее человечество. Причём рассуждала о диете, одновременно поглощая с одной чашкой чая, принесённый с собой торт. Мирлис хоть не стонет, что на нем не сходится ни одно платье.

— Не дуйся, слушай лучше, что удалось узнать у здешней обитательницы...

Мирлис быстро отошёл от обиды и внимательно выслушал всё, что я рассказала.

— О Зиране слышал. Он давний приятель моего учителя. Вместе какие-то дела постоянно проворачивают. Не думаю, что для тебя он опасен, — Мирлис хихикнул. — Насколько я знаю, он уже слишком стар, чтобы по девочкам бегать.

— А что же он тогда от меня хотел? Чего припёрся-то?

— Ну, не знаю, может поговорить, а может, выпросить одну такую безделушечку, — Мирлис скосил глаза на мою талию.

— Ещё чего! — возмущение подкинуло меня на кровати.

— Правильно, — муркнул рыжий. — Не стоит такими вещами разбрасываться. Нам бы через него с учителем связаться. Уж очень мне не нравится, как тебя по всему миру носит туда-сюда. Не понимаю, что происходит.

— Сама знать хочу. Всё, что мне надо — домой попасть. Нагулялась по самое некуда. Почему меня сюда занесло?

— Я узнала, — от двери раздался голос Гюлисталь. — Зиран за тобой присматривал по просьбе некоего коваля Михала, и решил, что не стоит тебе попасть туда, куда хотел отправить кощеев прихвостень, без подготовки.

Мы с Мирлисом дружно поздоровались с хозяйкой, я их представила, причём Гюлисталь совершенно невежливо расхохоталась, когда узнала, кто перед ней, и как он оказался в рыжей шкурке. Мирлис не рискнул обижаться, кажется, знал о Гюлисталь нечто такое, что напрочь отбивало у мужского населения желание перечить ей.

Закончив с церемониями, я перешла к взволнованному вопросу:

— Гюлисталь, что значит следил?

— А узнать, куда тебе предстоит попасть, не хочешь?

— А это что, уже решено? Меня вроде никто не спрашивал...

— И не спросят, — хозяйка усмехнулась. — Эти колдуны всегда делают то, что считают нужным. Разница не велика — одни отговариваются долгом перед всем населением этого и твоего мира, как Зиран и твой учитель, — она взмахнула длинными ресницами в сторону Мирлиса. — Другие откровенно говорят — магия им нужна, чтобы хорошо и долго жить, вкусно есть и иметь как можно больше власти. Что больше нравится — выбирай сама. А Зиран за тобой действительно следил. С ним его приятель, Телистарион, связался, рассказал, что нашлась женщина, которую долго искали.

— Опа!

— Вот и «опа».

Гюлисталь прошла через комнату и пристроилась на краю кровати, потрепав засмущавшегося и окончательно проснувшегося Мирлиса по загривку.

— Кто искал, зачем, Зиран сказать отказался, но сообщил, что ему надо с тобой поговорить. Вроде как хочет тебя домой вернуть. Да поскорее. Заявляет, если ты не вернешься сейчас, тебя ждёт дальний и трудный путь.

— Никуда идти не хочу, — возмутилась я. — Что за манера решать без моего согласия.

— Сама виновата, — отрезала неожиданно сердито Гюлисталь. — Зиран сказал, они с Телистарионом и группой других магов изо всех сил старались никого из вашего мира к нам в ближайшее время не пускать, но ты таки на их головы свалилась. Теперь что-то случится... Не смотри так. Что — не знаю, но это что-то им не нравится. Ищут тебя личности, о которых только в полдень на ярком солнышке говорить можно, да и то осторожно. Ты ведь не просто так к Яге попала. Она должна была тебя переправить куда-то, да пожадничала...

Гюлисталь остановилась, словно раздумывая, сказать или нет, потом продолжила, видимо, чтобы я прочувствовала серьёзность ситуации:

— Лешего, что тебя от неё увел, убили.

Рядом со мной охнул Мирлис.

— Вот-вот, они, духи, погибают ведь один раз и окончательно, у них души, как у поздних рас, нет.

— А домовёнок и кот Яги?

— Пропали невесть куда.

Сердце сдавило ледяной рукой. Леший, он конечно не подарком был, но ведь помог, беспокоился. А Ванечка и Василий... Если с ними что сделали, то лучше на моем пути не попадаться.

Вдруг поняла, что уже согласна отправиться туда, куда эти некто хотели меня заполучить. Ох, и устраю я там...

— Не рассчитывай, что легко будет, — осадила Гюлисталь, словно прочитав мои мысли. — Ну что ты так смотришь? Мысли я не читаю. Этого никто делать не может. Но твои и читать не надо — всё на лице написано.

Я хмыкнула. Знала бы она, как наловчились люди моего мира скрывать свои истинные мысли и чувства ради приличий! Это я здесь расслабилась. Казалось всё так просто — вот тебе Яга — враг, вот Михал и Павел, Мирлис, Ванечка, Василиса, и даже кот Василий — друзья. Впрочем, тут же одернула себя. А как начет русалок, перевёртышей, да и Зирана, о котором знала не так уж много. Разве только то, что приятельствует с учителем Мирлиса

Телистарионом? Ладно, разберёмся, надо только, в самом деле, за лицом следить, не расслабляться. Однако один вопрос захотелось выяснить сразу.

— Гюлисталь, а что, чужие мысли точно читать нельзя?

Ответил Мирлис:

— Я тебе говорил уже! Нет! Можно почувствовать состояние другого существа — сердится, радуется, хорошо ему, плохо и прочее.

Гюлисталь утвердительно кивнула.

— Твой приятель прав, чтение мыслей — мечта магов. Всё было бы значительно проще, если бы можно было чужие планы прочитать. А пока приходится с соперниками наугад бороться.

— Ага, — кивнула я, — значит, никто не может узнать, что мне в голову пришло?

— Никто, — подтвердил Мирлис. — Но вот настроение твоё, чувства, маг узнает сразу.

— А ты?

— И я тоже, — горделиво повел он усами. — Этому я уже научился.

— Ладно, попробуй, только глаза закрой и не подсматривай!

Посмотрела на маленького зазнайку. Вспомнились занятия по аутотренингу. Занималась довольно долго, нравилось мне. Занятие не простое, но оч-чень удобное в обычной жизни. Пользовалась раньше своими навыками часто, особенно после неприятностей. А то, что иногда лень стараться и я хожу в тоске и расстройстве... Так это же скучно — «светить всегда, светить везде». Надо иногда и в грусть-тоску податься, для разнообразия.

Напрягая собственные, обленившиеся за последнее время, мозги, начала создавать настроение. Гюлисталь с интересом наблюдала за опытом. Она не сводила глаз с меня, и чуть заметно иронически изогнула губки, явно не замечая изменений. Да, она этого ещё не проходила! Между тем, Мирлис насупился, потом рыжая шерсть на хребте поднялась щёткой... Не выдержав, рыжей молнией оказался висящим на занавеске под самым потолком. Гюлисталь опешив, проводила глазами выполнившего кульбит кота, и ошеломлённо вытаращилась на меня. Мирлис посмотрел вниз и завыл дурным голосом, поняв на какой высоте оказался. Да, это ему не в моей хрущевке по занавескам летать! Тут потолки высокие.

— Мирлис, слезай, — я расслабилась и прекратила эксперимент.

Разумеется, удалось это не сразу, поэтому рыжий приятель предпринял ещё одну попытку забраться повыше. Дала себе волю, и зверским тоном прорычала:

— Не слезешь — сдёрну с занавеской.

Мирлис, тихо подвывая, начал задом спускаться вниз. Поняв, что ему действительно страшно, Гюлисталь хлопнула в ладоши, и в комнату впорхнули две служанки. Заметив на тёмно-синей шторе яркое пятно, обе засюсюкали и под грозным взглядом госпожи, соорудив пирамиду из скамеек, расставленных вдоль стен, полезли за «пушистенским». Мирлис, после того как его со всеми предосторожностями отодрали от шторы и, прижав к пухлому бюсту, отнесли к госпоже, потерял всякую способность сопротивляться, и безвольно расположился на коленочках Гюлисталь.

— Что ты с ним сделала?

Голос хозяйки был наполнен любопытством.

— Да ничего. Просто представила, что я — не я, а злобная фурия, и в какое настроение меня приводят манеры этого мелкого хулигана.

Внимательно прислушалась к себе. Надо же всего пару минут тому назад, чувствовала себя в состоянии разорвать рыжего обормота. А сейчас опять прекрасное настроение.

Едва это поняла, по талии волной скользнуло тепло, словно чья-то рука скользнула, ласково погладив и говоря: «Правильно, так и должно быть. Как захочешь, так и будет». Я перестроилась, представив себя в роли Мальвины, и посмотрела на Мирлиса. Тот обреченно взвыл, а мне нестерпимо захотелось заставить его вымыться, желательно с применением мыла и щётки. Ещё на ум пришел чулан, в котором я вчера пряталась, и который мог пригодиться в воспитательных целях. Где-то на заднем плане, прекрасно понимала, что навеянный образ — не я. Я совсем другая... Похоже, я всё-таки нашла возможность пользоваться талисманом! Он, несомненно, помогал в преображении. Былые тренировки стали основой, на которую ложилась внешняя сила, преображая меня в иного человека, не давая в то же время потерять саму себя.

Открытие порадовало, и я не лыком шита! А потом по спине пробежал озноб... Ничего себе! Не дай бог, эта безделушка окажется чем-то вроде печально знаменитого колечка. Что я тогда делать буду?!

По талии волной прокатилось успокаивающее тепло, и талисман замер, как будто и не пробуждался. Он снова стал бездушным куском металла с вкраплением камней, как бы стараясь дать мне понять, что без моей на то воли, ничего не предпримет. Что ж, уже не плохо, хотя, как говорят, данайские дары не слишком хорошо оборачиваются для принявших их...

Гюлисталь укоризненно смотрела на меня, поглаживая успокоившегося и бесстыдно разомлевшего кошака. Мне стало смешно, вдруг поняла, что расспросила Мирлиса о многом, но как-то не пришло в голову спросить, сколько же ему лет. Явно не младенец, если так млеет от прикосновений престарелой гурии.

В дверь тихонечко и очень осторожно постучали.

Гюлисталь грозно нахмурилась, приподняла бровь. Одна из служанок бросилась к двери и открыла. В комнату бочком просочилась третья служанка, робко склонившись перед грозной госпожой. Хотела бы я знать, чем так смогла перепугать окружающих милая в общении хозяйка. Вчера меня удивило поведение стражников, оказывается, и собственные служанки боятся её не меньше.

— Госпожа, там слуга. Просит принять его господина.

— Что Зирану от меня надо? — надменно цедя слова, проговорила Гюлисталь.

— Не от вас, госпожа. От вашей гостьи.

— Так что же ты ко мне обращаешься?! — глаза Гюлисталь гневно сверкнули.

Не представляла себе, что это возможно, но показалось, что из глаз женщины полыхнуло огнём. Посмотрев на окружающих, поняла — показалось не только мне. Служанки втянули головы в плечи, словно ждали удара или урагана, а Мирлис бочком-бочком сполз со столь приглянувшихся коленей.

— Так... Так она же здесь... — пролепетала служанка.

Пришлось спасать положение — в комнате явственно повеяло озоном, словно перед грозой.

— И чего же от меня хочет господин?

— Он хочет говорить с госпожой, — робко чирикнула служанка, кланяясь мне.

Гюлисталь звонко шлёпнула себя по лбу.

— Мы совсем заговорились. Зиран ведь послал меня, чтобы решить, когда ты сможешь с

ним поговорить. Он что-то всю ночь мудрил. Ещё вчера должен был о чем-то тебя расспросить...

В этом месте своей речи Гюлисталь сделала красноречивую паузу. Я скромненько потупила глазки, потом из-под ресниц посмотрела на хозяйку, и заметила чёртиков, весело прыгавших в тёмных глазах. Посмотрев друг на друга, мы расхохотались, припомнив вчерашние события.

— Ладно, — махнула рукой Гюлисталь, — поговорите сегодня. День туда, день сюда, значения не имеет. Они, как сказал Зиран, вообще не хотели тебя в этот мир пускать, так что пусть теперь не жалуется.

— Это как...

Начала было я, но Гюлисталь прервала:

— Он всё сам объяснит, иначе опять заболтаемся, и до разговора с этим старым хрычом дело вообще не дойдёт.

Что оставалось? Только согласиться. Обе мы, кажется, любили потрепаться. Мне ещё хорошо, никогда не испытывала недостатка в слушателях, а каково запертой в четырёх стенах Гюлисталь? Естественно у нас нашлось, что сказать друг другу, и думаю, найдется ещё много чего.

Пока размышляла, Мирлис страдал.

— Что-то мне не хочется идти к этому самому Зирану.

— Это почему же? — не поняла я тревоги.

— Да вот, вспоминаю, как меня вчера гоняли, — он тяжело вздохнул. — Похоже Зиран не большой любитель гостей.

— Ну, милый мой, мы с тобой сюда в гости не набивались. Нечего теперь жаловаться, так что пойдём вместе. Пусть только попробует возникнуть!

Мирлис в ответ тихонечко, но так тяжко вздохнул, что ответ не понадобился.

В беседу включилась хозяйка, отдавшая какие-то приказы служанкам на гортанном языке.

— Не бойся, ничего он тебе не сделает, это я точно знаю.

Служанки тем временем бесшумно принесли охалку вещей.

— Отлично, — довольно воскликнула Гюлисталь. — Надо тебя переодеть!

Я окинула взглядом халат, в котором всё ещё ходила, и согласно кивнула. Однако отнеслась к восторгу хозяйки настороженно, припомнив, что вчера в её запасниках ничего подходящего не нашла. На мое робкое высказывание об этом, Гюлисталь только махнула рукой и засмеялась:

— Та комната для гостей. Естественно, наряды там соответствующие. А насколько я смогла понять высказывания Зирана, он был в расстроенных чувствах и выражался странно, тебя ждёт путешествие. Разумеется, не предложу тебе путешествовать в шелках.

Она быстро ворошила маленькими ручками огромную грудку вещей, вытаскивая из неё подходящие по размеру предметы одежды.

Когда выбранный Гюлисталь наряд предстал передо мной в полном комплекте, признала наличие опыта у этой женщины. Отобранные вещи поражали своей комфортной надёжностью.

Натянула рубашку тонкого полотна и кожаные брюки, заправив их в высокие сапоги на шнуровке, плотно обхватившие ноги. Толстая подошва оказалась очень удобной и мягкой. Меня тут же заинтересовало, как можно добиться подобного сочетания, но Гюлисталь

протянула куртку из мягкой кожи неведомого зверя, украшенную (и очень щедро) серебряными заклёпками и шипами.

— Это специальным образом закалённое серебро. Куртка будет и доспехом, который не возьмет ни нож, ни стрела.

Уважительный взгляд Мирлиса, брошенный на куртку порадовал.

— Кажется и меча можно в ней не бояться?

— Да, это кожа морского дракона. Мой сын добыл его лет тридцать тому назад, а она всё как новая.

Не сдержавшись, спросила:

— А что, драконов и на шкуры пускают, не только на снадобья?

— Что ты, если истинный дракон увидел бы тебя в шкуре своего сородича, он бы попросту тут же изжарил или раздавил. Поверь, этого вполне хватит для человека. Истинные драконы разумны, как и остальные народы. Драконы морские не совсем драконы. Они живут в океанах и морях с древних времён, но не обладают разумом. Единственное их достоинство — крепкая шкура да большие острые клыки и когти, из которых получаются отличные мечи, ножи и наконечники для стрел и копий.

— Как же тогда снадобья из крови дракона? — не к месту припомнила рецепт Мирлиса, который он мне диктовал дома.

— Ну, — замялся Мирлис, — понимаешь, иногда драконы дают свою кровь, добровольно. Они знают, что их кровь, слёзы, зубы и когти очень ценны для снадобий и зелий. А иногда их убивают рыцари.

— Что, просто так берут и убивают разумных?

— Среди разумных тоже разные бывают, — вполне справедливо заметила Гюлисталь. — Если на твой город нападают, ты будешь защищаться? Вот! И остальным приходится это делать. Иногда молодые драконы сходят с ума от жажды обладать золотом. Если молодой дракон не займёт своего золота, его век окажется не долог. А драконьи родители редко рискуют расстаться с накопленным металлом — самим тоже жить надо, так и проходят естественный отбор и грабят, кого придётся. Иногда крадут разумных, а возвращают за выкуп.

— Кстати! Я читала, что драконы копят в своих сокровищницах золото, но так и не поняла, зачем им это. Они ведь им не пользуются. Что за радость с риском для жизни доставать жёлтый металл, чтобы потом спать на нём?

— В золоте огромная магическая сила. Она отлична от силы серебра. Серебро многие не могут выносить. Золото выносит практически любая нечисть. А для драконов оно и вовсе жизненно необходимо. Дело в том, что их организм должен всё время насыщаться золотом, иначе их век недолог. Именно поэтому драконы вынуждены копить золото и спать на нём. Если дракон болен, он ест золото и поправляется. Когда увидишь дракона, присмотришься. Если дракон истинный, можно легко определить его возраст. Чем старше, тем сильнее проступает золото в чешуе. Самый старый дракон нашего мира словно отлит из золота.

— И ты его видела? — меня одолело желание увидеть настоящего золотого дракона.

Гюлисталь кивнула.

— Однажды. Я даже пробовала с ним говорить, но ничего не смогла понять. Да и раздражал он меня невыносимо. Так что я постаралась сократить нашу встречу. Понимаешь, разум дракона настолько отличается от нашего, и тем более человеческого, что понять его слишком сложно. К тому же все драконы отличаются таким рыбьим равнодушием, что для

меня говорить с ними — хуже уборки у братца.

В дверь робко постучали.

— Это наверно опять за тобой, — раздражённо воскликнула Гюлисталь. — Не дадут поговорить!

Я обняла хозяйку.

— Не думаю, что мы когда-нибудь ещё увидимся, но запомню тебя навсегда.

Гюлисталь хмыкнула, и отвернулась, подозрительно хлопнув носом. Потом обернулась снова и взяла меня за левую руку.

— Я не маг, и отказалась обучаться магии, но кое-что умею, чего не могут те высоколобые, с которыми тебе придётся иметь дело. Запомни. Не отдавай дар леса, в нём помощь, которую ты получишь, отдав часть себя. Тебе помогут. Число помощников будет по числу камней. — Гюлисталь помолчала минуту, прикрыв глаза. Потом потрясённо посмотрела на меня: — Беду и боль принёсет тебе женщина. Её душа черна, а лик светел. Она в любой момент всадит нож тебе в спину, когда ты не будешь ждать. Будь с ней очень осторожна и не подпускай к себе. Если же это не получится и она обманет тебя — зови на помощь сердцем, первого, кто придёт на память.

Гюлисталь уронила мою руку, обессилев и опустилась на подушки.

— Иди теперь, тебя проводят.

Всмотрелась в разом постаревшее лицо маленькой женщины. Кажется, она сказала не всё, что-то осталось недосказанным.

— Не смотри, больше ничего не скажу. Остальное знание только повредит. Ты должна слушать сердце, оно у тебя пронизательнее разума.

— Но всё закончится хорошо? — Уж очень захотелось услышать о счастливом конце такого весёлого приключения.

— Это зависит только от тебя. От пути, который выберешь. Одна ошибка — и всё закончится очень плохо и не только для тебя. Иди!

Я вышла. Предсказание не понравилось. Ничего себе — всего лишь хочу вернуться домой! Пусть эти маги только откажут, я тут всё разнесу, и никакая магия их не спасет! А уж если вернусь домой, то точно не смогу пойти не той дорогой, и натворить чего-то такого, что принесёт беду не только мне! Только неприятностей мне и не хватало! Я в отпуске, в конце-то концов. Значит пусть либо обеспечат мне нормальный отдых, либо отправляют домой. Что за дела! С первого дня отпуска, занимаюсь, бог знает чем — кормлю приبلудных котов, ищу какие-то переходы, то и дело попадаю в переделки... Да ещё в перспективе получить и глобальные неприятности! Нечего придумывать! Домой и точка!

Не смотря на боевое настроение, Мирлиса кажется убедить не удалось, и всё время, пока мы шли к выходу из апартаментов Гюлисталь, он тихо что-то приговаривал себе под нос. Что — не разобрала, да и не старалась особенно, привыкла к ворчанию и вечному недовольству этого рыжего зануды. Хотела бы знать, каким он был раньше, до того, как влез в кошачью шкуру? Если таким же, то понятно, почему учитель так плохо прятал свои колдовские книги.

Мы шли за служанкой, потом за встретившими у входной двери стражниками. По пути старательно распалая сама себя. А где-то глубоко внутри грыз червяк, такой большой, жирный, и донельзя похожий на тех, что сидят в сочных и красивых яблоках — а вдруг именно мой уход домой и есть ошибка?

На этот раз Зиран подждал не в торжественном зале, а в полутёмной комнатёнке.

Похоже, его кабинет — по стенам полки, на которых неровными рядами выстроились бутылочки, горшочки и коробочки невероятного вида. У горящего камина на треножнике котелок, в котором бурлило, отвратительно воняя, синевато отсвечивающее варево.

Зиран, когда мы вошли, склонился над котелком, что-то в него досыпая. Невольно порадовалась — на смену отвратительной вони, чувствовавшейся далеко на подходе к комнате, пришел свежий озоновый запах. Тем не менее смена не вызвала у Мирлиса восторга. Он прижался к моим ногам, и я ощутила дрожь, пробежавшую по рыжему тельцу.

— Что такое? — едва слышно спросила, наклоняясь к приятелю.

Тот отрицательно замотал головой, и кивнул в сторону колдуна. Зиран отвлекся от своего занятия и пристально смотрел в нашу сторону.

— Зачем ты привела этого мальчишку?

Ох, как мне это не нравится! Стоит войти, и тут же начинают всякие разные возмущаться! Со мной такой тон не проходит.

Подняла и перекинула Мирлиса через плечо, придерживая за задние лапы (чтобы не удрал — сделал-таки попытку). Прodelав это упражнение, уставилась в глаза колдуна, дескать, если тебя что не устраивает, мне до этого дела нет.

Зиран посмотрел в мои глаза, и что-то там так не понравилось, что он едва не зашипел, как разозленный гусак. Разумеется, я не сдалась. Если он рассчитывал испугать, то здорово просчитался. Помнила о талисмানে, и надеялась, что сможет помочь не только от всякой нечисти, но и против колдуна выстоит. Главное чтобы Мирлис был поближе, тогда и на него защита распространится.

Не желая обострять отношения, Зиран отошел к большому столу у противоположной стены и начал что-то там перекладывать. В эту минуту он напомнил моего отца, который, доведенный мамой до предела, желая успокоиться, убегал в свой угол, где была устроена маленькая домашняя мастерская, и начинал там «наводить порядок». Даже посочувствовала Зирану — если после успокоения нервов порядок будет таким же, как у папы, то бедняге придётся долго и упорно искать разные предметы первой необходимости, засунутые в сердцах в совершенно невероятные места. Кажется пора разруливать ситуацию.

— Кхм, — очень содержательно начала я. — Простите, уважаемый Зиран, вы, кажется, хотели меня видеть?

Когда захочу, я очень воспитанная девушка. Вот и сейчас, слегка прибалдевший от робкого голоса Зиран, недоумённо воззрился на меня, что-то уронив на пол. Тяжёлое. Мирлис хихикнул. Так, тихонечко, чтобы не доводить старичка до инфаркта, характер у него, кажется, весьма вспыльчивый. Дернула рыжего за хвост, чтобы успокоить — каким ни было тихим хихиканье, Зиран его сумел расслышать. Мирлис изобразил горжетку, бессильно обвиснув на плече.

Еще немного попрожигав взглядом рыжий зад с безвольно обвисшими лапами, Зиран махнул рукой, указав на кресло, стоявшее неподалеку от камина.

— Садись, разговор будит долгим, — потом добавил: — Если тивой приятель ещё хоть раз висунется, ему пиридётся плохо. О рижей шкурке будит вспоминать, как о лучшей в своей жизни.

Мирлис слегка дёрнулся, но я в ответ тоже дёрнула плечом, дескать, не боись, прорвёмся.

Кресло оказалось неудобным. Деревянная спинка, словно специально создавалась в качестве орудия пытки, резьба впивалась в тело и пришлось сесть, не прикасаясь к

полированной деревяшке. Пару секунд посмотрев на мои мучения, Зиран хмыкнул, и шевельнул пальцами. Кресло ожило, зашевелилось... Я едва не сорвалась с места. Оказалось, боялась зря — спинка стала удобной, да и подлокотники до этого не вызывавшие восторга, подогнались под мои руки.

Со вздохом облегчения откинулась и уложила Мирлиса рядом на появившуюся скамеечку. Не права Гюлисталь. Всё же что-то эти маги могут сделать для комфорта...

— Разговор серьезный, — тем временем начал Зиран. — Я ни просто так постарался тебя переправить сюда. Не могли ми позволить тебя получить тёмной сотороне.

Потрясла головой, ничего не понимая.

— А попроще можно? Что за тёмная сторона? Почему она меня заполучить хочет? И вообще с чего вы взяли, будто кто-то пытается меня заполучить? Василиса меня домой отправила, а вы перехватили. Зачем? И вот ещё — кто это МЫ?

— Ми — маги, которые ни хатят потакать желающим полной власти над миром. Захватив власть в нашем мире, заполучить власть над людьми ничиго ни стоит. И ни хмикай так нидоверчиво. Ваше оружие в этом мире ничиго ни сможет сделать. Да и отсюда добраться до вас проще, чем ти думаишь. Достаточно устроить на месте ваших харанилиц оружия несколько чёрных зон, и люди исчезнут с лица Земли.

— Какое же тогда мировое господство? — удивилась я. — Смысл?

— Смысл? Вернуться в вашу реальность. Ви, люди, много сотворили бед, и далеко не все в нашем мире хотят терпеть то, что ви творите. Ваши города стали чёрной гинилью. Нечисть лезет из этих зон и ми не успеваем с ней справляться. Ваши войны способствуют возникновению у нас зон с повышенной агрессивностью, и проживающие там начинают конфликтовать между собой. Долго всё перечислять.

— Тогда вы все должны хотеть уничтожить нас, — подозрительно прищурила глаза на Зирана.

Действительно, если из-за людей происходит столько бед здесь, в их измерении, то не стоит ли с их точки зрения стереть нас всех с лица земли и не вспоминать больше...

— Нельзя большим злом уничтожать зло меньшее, — глубокомысленно проговорил Зиран. — Гибель чилочества даст такую вспишку зла, с которой ми ни справимся. Нет у нас на это сил.

— А на что есть?

— Ми можем зло предотвратить.

Если откровенно, мне надоело слушать разговоры о вселенском зле. Действительно — с момента, когда я встретила Мирлиса, все только и говорят о некоем зле. И никакой конкретики. Сколько можно?

Выпрямившись, глянула в глаза Зирана:

— Мне надоело хождение кругами. Сколько можно? Давайте конкретно и четко. Всё, чего хочу я — вернуться домой. Помогите в этом и простимся друзьями.

Зиран смотрел на меня округлившимися как у совы глазами. М-да, не привык видно, чтобы с ним, великим магом так говорили. Ничего — потерпит.

С трудом разжав челюсти он всё же выговорил:

— Это может стать наилучшим выходом из палажения. Единственное, чито миня останавливает, так это то, чито при каждом переходе вас, милочка, — от его сарказма стало зябко, — всё время заносит ни туда. Впрочем... Надо позвать помощь... Кито сейчас посвободнее?

Он принялся бормотать на непонятном языке, одновременно перелистывая какую-то книжонку, до невозможного похожую на мою собственную записную книжку.

Найдя нужное место, кинулся к котлу у камина, и, поведив одной рукой над варевом (во второй держал раскрытую книгу), начал читать странную абракадабру, из которой я не поняла ни слова. Должна признать, что и Зиран не знал того, что говорил, наизусть, так как всё время словно школьник, заглядывал одним глазом на раскрытую страницу. Как не заработал ещё косоглазие, если при проведении своих колдовских опытов смотрит в разные стороны!

Тем временем, варево в котелке перестало кипеть, над ним образовался голубоватый шарик, внутри которого пар продолжал клубиться, словно не мог выбраться за пределы замкнутого пространства. Закончив читать, Зиран наклонился к шарик, и подул на него. Здорово! Он надул шарик, тот вырос в несколько раз и стал размером с футбольный мяч.

Засмеяться не дал Мирлис, вцепившийся мне в ногу когтями, и зашипевший едва слышно:

— Ни звука!

Должна сказать, на этот раз предпочла послушаться — слишком серьёзно выглядел рыжий. Впрочем, кому как не ему знать, чем может закончиться мое хихиканье. Колдовство дело тонкое.

Пар в шарике прекратил движение, в нем возникла тень. Кто или что — не рассмотрела, но Зиран был ближе, и начал разговор на мурлыкающем языке, которого я определенно не только не знала, но и никогда в жизни не слышала.

Закончив переговоры, Зиран проткнул пальцем шар, словно мыльный пузырь, и тот оправдал мои ожидания, разлетевшись брызгами с тихим хлопком. Повторив все процедуры несколько раз, Зиран разочарованно повернулся в мою сторону.

— Никто из магов сейчас ни может гарантировать, куда их винисет при пользовании порталами. Да-а, неладное творится. Если ты действительно хочешь вирнуться домой, пиридётся рисковать. Понятия не имею, куда тебя может занести...

Повисший в конце невысказанный знак вопроса заставил призадуматься. А, и правда, куда? Ладно, если домой, то есть в мой мир. Разберусь как-нибудь. Всё же привычные места, без всякой там ненормальной магии, которая то работает, а то вытворяет, что ей только в голову взбредёт. А если не домой, а здесь опять вынесет невесть куда?

Внимательно посмотрев на Зирана, всем существом ощутила его желание оставить меня здесь. Хотелось бы знать — зачем?

— Отправляйте домой! — резко тряхнула челкой.

Посмотрела на Мирлиса, подмигнула ему в ответ на вздох, посмотрела на колдуна, дескать, давай, действуй.

Зиран возражать не стал. Видел — со мной каши не сваришь. Думается, он в курсе событий происшедших после его визита в мои покои. Чтобы Гюлисталь да промолчала? Наверное, побоялся, что в такое же разгромленное состояние я в силах привести и весь замок. И был не так уж не прав.

Отойдя от камина, колдун направился к полкам и принялся там перебирать вещи. Он долго бормотал себе под нос, пока с громким шлепком не стукнул себя ладонью по лбу, и не устремился к верстаку, заваленному бумагами и странного вида предметами, притаившемуся в самом тёмном углу. Одним движением выудил из кучи барахла тоненькую палочку (и как только нащупал?) и в центре комнаты начертил с её помощью светящийся круг. Обходя его,

исписал пол неудобочитаемыми каракулями, итак же, одним движением, засунув палочку на верстак, приказал мне встать в круг.

— Иди, — шепнул Мирлис, — этот круг заставит портал выполнить приказание наиболее четко и точно... Как только возможно...

Вот не стоило говорить последние слова. Не мог, что ли, обойтись первой частью?

— А не хочешь со мной?

Конечно, предложение бредовое, но не хватало оказаться невесть где и опять одной. Нет, не могу пожаловаться, большинство обитателей этого мира принимают меня очень неплохо, чтобы не сказать больше. Но все рассказы о нечисти, тёмных зонах и прочем... Бр-р!

Мирлис отрицательно мотнул головой.

— Мне надо к учителю вернуться, понимаешь?

Всё понимаю, вот только страшновато... Ну, хорошо! Очень страшно, жутко даже!

Зиран ждал моего решения. Не могла же показать свой страх этому мелкому жулику? Перешагнула через светящийся рисунок и встала в центре круга. Колдун начал делать пассы руками и приговаривать в ритме вальса (правда, я сразу узнала). Надписи засветились ярче и окружили меня невысоким заборчиком сияния. Сверху потянуло озоном, подняла глаза — под потолком появилось облачко портала. Зиран гортанно и резко вскрикнул, облачко упало на меня, короткое головокружение и я наконец...

На том же месте.

Рядом стоят в полном недоумении прибалдевший Мирлис и Зиран. Портал вернулся на место и снова повис как так и надо. Зиран бросился к столу и открыл возникший перед ним здоровенный талмуд. Мирлис пристроился рядом. Зиран быстро листал, потом оба воззрились на страницу. Посмотрели друг на друга, прочитали ещё раз... После этого Зиран уперся взглядом в мою недоумевающую физиономию, а Мирлис попробовал прочитать ещё раз. Прочитал. Ещё раз. После чего присоединился к старику. Зиран повторил свои действия, отдал команду, я приготовилась... И опять ничего. Ничегошеньки не произошло.

Мне стало жалко обоих колдунов, усевшихся рядом на подбежавшую лавку.

Немного посидев, Зиран снова устремился к талмуду и начал его листать. Мирлис, пристроившись рядом на столе вдруг что-то мявкнул, Зиран удивленно на него посмотрел, а потом полез в самый конец книги.

Посмотрел с невольным уважением на рыжего.

— Ты прав! Это вазможно!

И оба кинулись ко мне.

— Настя, ты давала какую-нибудь клятву или обещание пока была здесь?

— Клятву нет, а вот обещание да. Я помочь обещала Василисе. У неё проблемы были с женихом. Но она сказала, что сама справится... А что?

Мне очень не понравилась безнадёжность, проступившая на лице и морде колдунов.

— Что такое?!

— Пака ти ни виполнишь обещания, ни сможешь вернуться домой. Или пака Василиса жива, — усталым голосом проворчал Зиран.

— И что же мне теперь делать? — упав духом, спросила я.

Бег треклятого животного выводил меня из себя. Воспоминания о Каштанке окрасились, против моего желания, в нежные радостные тона. Дни, проведенные в обществе кобылы, не признававшей никаких авторитетов, и склочной в силу характера, казались теперь недостижимой мечтой. Зверюга, на которой я имела несчастье трястись теперь, показала что почём. Причём сделала это вопреки всем обещаниям, данным мне вредным колдуном! То и дело вспоминала слова Зирана, что-то типа: «И станет он покорен твоей руке и воле, и понесёт тебя быстрее ветра к указанной тобою цели, и станет тебе опорой...».

Да уж, обещал сладко, а на деле...

Пока я мысленно нецензурно ругала колдуна, цеплявшийся за седло Мирлис, решил действовать. Я еле успела удержать его за шкуру, когда рыжий полез по мне.

— Не рассчитывай, на плече будет трясти не меньше, а вот слетишь быстрее!

В ответ он нечленораздельно муркнул сквозь зубы, причём это что-то мне показалось тоже не цензурным, и прохрипел:

— Надо достать плеть, я видел, она в мешке.

— Плеть?! Рехнулся? Да если эту зверюгу хоть слегка шлёпнешь, он меня размажет по природе, ни один маг потом не отскребёт!

— Он должен тебе подчиняться! Это закон...

— Ага, только ему об этом сказать, похоже, забыли...

Жеребец, на котором мы продолжали трястись, хватаясь за всё, что подвернётся под руку и под когти, язвительно заржал. Да-да, определённо, эта скотина над нами издевалась! Да уж, со скакунами мне не везёт.

Мирлис при очередном толчке вцепился в моё колено, да так, что пропорол насквозь штаны, и я почувствовала, как под ними, грея кожу, начало скапливаться тёплое озерцо.

— Прости, — в три приёма, пробормотал рыжий.

— Ты не виноват!

Едва не прикусив язык, вынужденно замолчала, но эта попытка меня достала! Зиран клялся, что на чёртовой твари домчимся до места не дольше чем за пару дней. Но при такой тряске у меня мозги взобьет как миксером, и ехать гораздо дольше, потому что никакой особой скорости я не наблюдала, видала и более шустрых кляч!

При особо высоком прыжке — а надо сказать, что двигался этот с позволения сказать «козёл» прыжками, чем-то средним между кенгуру и ланью — я ласточкой выпорхнула из седла, и, вцепившийся мёртвой хваткой в куртку Мирлис, последовал за мной. Однако повод я не выпустила — скорее всего, из чистой вредности. Грохнулась на руки и колени, постаравшись не придавить приятеля. Обессилена перевернулась на спину, чувствуя как горит ободранная кожа... В голове мелькнуло, что тварюга сейчас кинется удирать, и мне придётся несладко... Но конь остановился, словно вкопанный в тропинку, опустил голову и всмотрелся в мои глаза.

В отсвечивающих красным зрачках, прочла немой вопрос. И постаралась дать такой же немой ответ. Если бы открыла рот, то расположившиеся на ближайшей ёлке вороны попадали бы на землю как листья осенью — быстро и безмолвно.

Лёжа на засыпанной еловыми иглами тропинке, смотрела на нависающую гору мышц. Конь опустил голову пониже, и принялся внимательно обнюхивать Мирлиса, недоумевая —

что это такое. На меня ноль внимания десять фунтов презрения.

Не раздумывая, использовала повод в качестве опоры и поднялась, отряхивая налипшие иглы. Мирлис, тоже не стал разлёживаться. А я в этот момент вспомнила первое впечатление от битюга, которого увидела прошлой ночью.

Он был великолепен и вызывал восхищение своими физическими данными. Если бы ещё и норов под стать этим данным... Но увы, получить всё сразу, так сказать в одном флаконе, удаётся крайне редко.

— Мирлис, там кажется опушка, — показала в сторону видневшегося впереди просвета. — Пошли пешком?

Мой спутник оценил предложение по достоинству и зашагал впереди. А меня взяло такое зло! Сняла с роскошно украшенного седла мешок с провизией, привязала к седельной луке повод и направилась следом. В конце концов — если эта тварь не желает нас везти, у меня сил её переупрямить не хватит, так что пусть катится куда хочет...

Выйдя на солнечный свет, услышала позади мягкий стук копыт по тропинке. Не оглядываясь, двинулась вслед за Мирлисом, радостно устремившимся к небольшому взгорку, согретому жарким августовским солнышком. Вокруг стояла такая тишина, что зазвенело в ушах. Лесные шорохи остались позади, перед нами расстилалась большая светлая поляна. Я думала, что лес кончился, оказалось, нет. Тропа едва заметно пробивала себе путь сквозь высокие травы и снова ныряла в глухой еловый лес, окружавший со всех сторон. Пригорок оказался высоким, а местность понижалась, так что стало ясно — мы спускаемся в заполненную лесной чащобой огромную долину. По пути следования (Зиран велел двигаться на запад) виднелось ещё несколько таких пропелшин среди глухого леса, и больше ничего. Ни жилья, ни единого дымка от костра. Хотела бы знать, куда нас занесло. А ещё больше захотелось узнать, кто протоптал тропу, которой Зиран настоятельно советовал придерживаться, не сворачивая ни в коем случае.

Если судить по лесным просторам, раскинувшимся на обозримую перспективу, колдун был прав, говоря, что в путешествии понадобится добрый конь, способный нести нас быстро...

* * *

Вчера проговорили с магом долго. Мне всё же удалось выпытать, как я попала в этот мир. Откровенно говоря, лучше бы и не знала.

Оказалось, упомянутый Павлом при нашей первой встрече, сынок правителя оборотней исчез. Родня и подданные подняли панику, и рыщут теперь по всему белу свету, разыскивая недоросля. Я заикнулась, было, что мальчик мог застрять у какой-нибудь девчонки, и теперь, посмеиваясь, наблюдает за переполохом.

Ой, мама родная, что тут началось! Зиран прочитал лекцию о том, что Финист не из тех, кто норовит из-под родительской опеки удрать. Он, хоть и молодой, оборотень серьёзный, озабочен учёбой и ратными подвигами. Короче пел дифирамбы этому сынуле крутого папаши так долго, что у меня скулы свело. Невольно посочувствовала его будущей супруге — не повезёт же кому-то жить с таким образцом прекрасных качеств. Свихнёшься от тоски. Никаких недостатков. Впрочем, нет, один недостаток Зиран откопал — уж больно доверчив наследник. Достаточно сказать, мол, где-то надо навести порядок и установить

справедливость, этот самый Финист тут как тут, летит сломя голову, готов костями лечь за правое дело. А тут как раз Мирлис умудрился вмешаться в ход местной истории, и, как и говорил Павел, у многих оборотней отшибло память. Не всю, забыли только то, что делали в последнее время в человеческом облике. И пока Зиран с коллегами так и не нашли способ упущение исправить. Вот в этот-то судьбоносный момент и исчез Финист.

Закончил свой долгий и нудный рассказ Зиран тем, что я неспроста попала в эту передрыгу. Что какая-то сила удержала портал перехода, когда ушли Павел с Мирлисом. Обычно он закрывается сразу, во избежание именно таких происшествий как со мной. И к Яге меня не просто так занесло, вроде как, она давно прислуживает магу Кошу, или как прозвали его люди — Кощею Бессмертному. Среди всех живущих магов он самый старый. Я хихикнула, упомянув предполагаемое знакомство с Христом, на что Зиран прикрикнул, заявив, что такими вещами не шутят. Кош — великий маг. За свою жизнь сумел узнать столько, что не каждому и сотую часть узнать удастся. Он можно сказать глава синдиката по уничтожению людей, стоит горой за идею уничтожить человечество в целом и освободить землю для тех, кто появился прежде нас. Но вот не везет бедняге — лет триста назад предпринял последнюю попытку захватить власть в этом мире, откуда прямая дорога к проникновению его армий в наш мир. Я невольно содрогнулась, представив, как в центре городов открываются порталы и из них начинает валом валить всякая нечисть, тут никакая полиция не справится.

Поняв мое состояние, Зиран сообщил, что попытка провалилась, армии Коша были уничтожены, а сам он заперся в своём замке, как улитка в раковине.

Возмущение, что же вы не вытряхнули его оттуда и не наказали примерно, Зиран пропустил мимо ушей, заметив лишь, что в своём замке Кош неуязвим, и никто из магов там ему причинить никакой вред не может. А вот лично мне показалось, что остальные маги попросту не договорились, как делить доставшиеся магические цацки, если покончить с Кощеём. Каждый, небось, хотел захватить побольше...

На мое замечание, Зиран в очередной раз скрипнул зубами. Вообще поражаюсь, как ему удастся сохранить зубы. В моём присутствии только и делал, что скрипел и даже скрежетал ими. А может у него... Да нет, а впрочем, кто его знает? Бог с ними, с его болячками. Жаль только старичка. Если он этак скрежещет целый день, рано или поздно перейдёт на манную кашу, надо избавляться от дурной привычки. Так я и сказала. Старик не оценил — опять скривился как от лимона. Но ведь я же только добра хотела!

Короче — моему появлению в этом мире не удивился никто из магов. Они предсказали подобное развитие событий ещё несколько десятилетий назад. Кощей начал проявлять поразительную активность... Услышав, в чём она проявляется, я едва не расхохоталась. Зиран опять обозлился, но подумайте сами — Кощей решил жениться, и это они тут называют подозрительной активностью!

Оказалось опять не всё так просто. Несколько столетий Кош не проявлял никакого интереса к женщинам, тем более человеческим. За последние же года четыре у него было двенадцать жен!!! Перемерли все, как одна. Такую же активность он проявлял несколько сот лет назад, как написано в хрониках. Кое-кто из магов провел, что называется, параллели, сопоставив брачный период Коша с его резко возросшей после свадеб силой. Как заявил Зиран, Кош словно возрождался в прежней, молодой, силе, только с учётом накопленного опыта и приобретённых знаний. После того, как он «женился» в последний раз, интерес к женщинам из людей у омолодившегося ловеласа опять пропал. И вот новый всплеск

активности.

Заметила Зирану, мол, женившись столько раз, бедняга накушался семейной жизни по самое не могу. Теперь отошёл маленько, вот и решил поразвлечься. Зиран начал бегать по комнате, выкрикивая ругательства в адрес глупых баб. А вот это он напрасно. Попомню ему ещё такие слова. Я же не полная идиотка. Тоже начинаю соображать. Если одновременно происходят несколько странных событий, следует искать причины. Сразу оказались впутаны в разные неприятности куча народу — Мирлис, Финист и остальные оборотни, я, наконец, потом ещё нечисть, которая вела охоту за мной, и та, которая осаждала Васильевск. Да, ещё кучкующиеся перевёртыши...

Оказывается, меня так возмутили высказывания Зирана, что начала размышлять вслух. Заметила это только тогда, когда осознала тишину воцарившуюся в комнате.

Подняла глаза — Зиран стоял, вытянувшись, словно шомпол проглотил, и пристально смотрел на меня. Потом, переведя дыхание, смирился с моей тупостью. Во всяком случае, выглядело это выразительно — старичок прикрыл глаза, покачал головой, а когда снова посмотрел на меня, в глазах стояла такая обречённая кротость, что меня слеза пробила.

Успокоившись, Зиран пояснил — магам кажется, меня не просто так впутали в эту историю. Возможно, Кощей хочет обрести былую силу и ищет женщину с особыми данными. Сюда же вписывается и его попытка заполучить Василису Премудрую. Пока не нашёл. Все жены Коша пропадают через несколько дней после свадьбы. В общем, картина безрадостная. А сегодня утром Василиса не ответила Зирану, когда он попытался с ней связаться. Он отправил своих посланцев в Васильевск, но что там произошло, узнает лишь дня через три-четыре. А времени, похоже, нет.

Закончил свою речь сообщением — раз уж мне не удастся вернуться домой, то стоит вернуться к Василисе и выполнить обещание или получить магический отказ царевны от помощи.

Скажу честно — опешила от подобного заявления, даже потеряла дар речи, да и движения тоже, к счастью для колдуна. Не знаю, что бы я сделала, и какие громы небесные призвала на плешивую голову, но досталось бы ему по первое число.

К счастью, повторяю, к очень большому счастью, ему повезло.

Приняв моё окаменелое состояние за согласие, Зиран объяснил, что и как я должна делать.

Оказывается, рыжему не повезло — ему предстояло отправиться со мной. На помощь должен был появиться кто-нибудь из чародеев. Кто — Зиран сказать не смог, все заняты.

Разведка донесла, что есть шансы найти с помощью Василисы Финиста. Если он у Коша, то выручить его из лап мага с Василисиной помощью будет не так уж трудно. Сам Финист неплохой чародей, после освобождения я могу рассчитывать и на его помощь.

К этому моменту я немного отошла, и скептически подумала, прежде всего, о том, много ли помощи можно получить от потерявшего память типа, к тому же если он в плену. Дурак что ли Кощей — держать Финиста на свободе? По словам Михала и Инара я поняла, что нынешний главный маг оборотней, Вольх номер какой-то, не из тех, кому можно давать шанс ухватить себя за хвост — вместе с хвостом всю шкуру снимет.

Откровенно говоря, к данному моменту Зиран сумел-таки убедить, что другого выхода нет. В противном случае возвратиться домой шансов не имеется. Возражала из вредности. Подумать только — толпа мужиков засылает в стан врага ни в чём не повинных, хрупких, безобидных и незащитных, девушек, одна из которых ничего в их колдовских делах не

смыслит! Чует пятая точка, так или иначе, моя судьба оказаться в этом чёртовом замке! Но вдруг пронесло бы? А тут сама сую голову в пасть костлявому уроду, и ещё получаю на это не благословение, а кучу ценных указаний, что и как должна сделать!

Беседа закончилась тем, что Зиран перенёс нас с Мирлисом к озеру, широко раскинувшемуся посреди ельника. Летели своеобразно. Точнее, летел Зиран, а мы с Мирлисом уцепились за его пояс. Счастье, пояс был длинный. К концу путешествия рука у меня занемела, и если бы не опутала её тканью намертво, ни за что бы не удержалась. Мирлису было полегче — его устроила за пазухой, надёжно перепоясав куртку, и кот сидел, прижав уши, и тихонечко поскуливал.

Надо сказать, полет был ровный и быстрый, и всё бы ничего, если бы не болталась под летящим колдуном, как довесок — ничего общего с киношным красивым полетом Руслана.

* * *

У озера Зиран оставил нас с приятелем, а сам, не медля, скрылся в набежавших облаках. Мы пристроились в колючем ельнике. Именно здесь нам с Мирлисом предстояло раздобыть транспорт, на котором должны добраться до Васильевска, пользоваться порталом Зиран не рискнул.

Да нет, всё, в общем-то, не сложно. Притаиться, подождать до полуночи, выскочить из засады и ударить коню, который появится из озера, по лбу плетью, выданной Зираном. Конь должен замереть, я должна надеть на его голову недоуздок из хитро завязанных верёвочек, который тоже дал Зиран, предупредив, что снимать его нельзя ни в коем случае. Конь особый, если снять — сбежит и вернётся в озеро. Служит этот конь тому, кого сам признает, или кто на него данный заговорённый недоуздок наденет.

Предложила пригласить Сивку-Бурку. Хотела посмеяться, ну кто поверит, что в воде живут кони, которые ещё и посуху скакать могут? В ответ Зиран спокойно ответил, что неизвестно, где его, этого Сивку искать. Его вечно носит невесть где, а времени нет, придётся довольствоваться тем, что можно получить прямо сейчас... Осталось прикинуться умной и согласно покивать головой, мол, поняла.

Ночь наступила как-то очень быстро. Мы с рыжим сидели, прижавшись друг к другу, и стучали зубами. Не думаю, что сумели так уж хорошо замаскироваться — берег оказался основательно вытоптан. На несколько метров от воды ни кустика, ни чахлой ёлочки не осталось. Меня пробрала дрожь, когда в вечернем сумраке рассмотрела остатки мощных стволов, словно расщепленных кувалдой. Хорошо, если это не того самого коника работа...

Луна посеребрила воду и та заблестела тяжёлой неподвижной ртутью. В голубоватом сумраке озеро показалось неожиданно большим, берега словно разбежались в разные стороны. Мы с рыжим напряглись, страх возник сам по себе и, как живой, накинута на нас. Я вспомнила о талисмানে, и сунула руку под рубашку. Тёплый металл приятно согрел ладонь. Дышать стало легче.

Подул ветерок, справа от меня оказался высокий тощий мужчина. В неверном лунном свете рассмотрела серебряные волосы.

— Дай плеть, — почти беззвучно прошептал он.

Не знаю, почему так доверяю этому типу? Он подхватил плеть и растаял.

На Мирлиса напала икота. Разбираться, что случилось с приятелем, времени не

осталось, раздался грохот, уже позже поняла — это просто-напросто ржание.

Мама моя! В центре озера прямо из воды выросло существо на четырех ногах.

Назвать это убоище конём, мог только Зиран, которому обычный человек среднего роста кажется, великаном! Лично мне показалось, что посреди, внезапно сжавшегося до размеров тарелки, озера возник пятиэтажный дом на четырёх колоннах. Отсвечивая ртутными боками и стекавшими с гривы потоками воды, он сделал шаг в мою сторону. Глянув на копыта, поняла, надо было удивляться не тому, что толстенные стволы обращены в щепу, а тому, что такая судьба не постигла лес на километр в радиусе от озера.

Едва ртутное чудище ступило на берег, рядом материализовался Ветер. Должна сказать, размером на тот момент он мало уступал коняге, впрочем, и плеть не выглядела хрупкой. С размаху, с оттяжкой, Ветер врезал между ушей ощерившемуся на него коню. Врезал так, что я невольно заподозрила некие давние счеты между этой парой. Раздалось опять то же чудовищное ржание, и конь взвился на дыбы, в мгновение ока застыв в этой позитуре стеклянной статуей.

— Узду, — прогрохотал Ветер.

Ловко поймал, кинутую мной и словно птичка перелетевшую ему в огромную руку, верёвочку, нацепил её одним плавным движением на зверя и буквально вытолкнул его на берег.

Озеро выскочило из берегов, поднялось волной и хлынуло на похитителя. Ветру на эту демонстрацию силы было начхать, досталось как всегда самым безвинным. Мы с Мирлисом едва успели ухватиться — я за ствол молоденькой гибкой ёлки и за его заднюю лапу, он за мою руку. Вода по счастью не вырвала ёлку ни с корнем из земли, ни из моих рук, не то кормить бы нам с этой ночи раков в озере. Однако синяков нам наставило. Помню только дикий кошачий взвизг, тут же заглушенный моим воплем сквозь толщу воды.

Продышавшись от схлынувшей воды, мы посмотрели на берег, где спокойно стоял нормального вида тощий мужик с серебристыми волосами, и битюг — впору возить богатыря. В темноте рассмотреть коня можно было только на фоне воды, так сливался он с ночным пейзажем.

Ветер спокойно потрепал, невесть каким образом, оседланного коня и повернулся к нам:

— Вот и всё, садитесь.

Бочком, подошла к зверю. Мирлис проделал это гораздо спокойнее. Что с него взять — привык чудесам. А я как подумаю, что всё это чудо состоит из воды...

— А он не разольётся?

Ветер рассмеялся, а конь повернул ко мне голову и возмущённо фыркнул.

— Не разольётся, недоуздок только не снимай, уйдёт — не вернёшь, разве только обратно вернёшься сюда.

— Ни за что, — клятвенно произнесла, мысленно поставив против имени Зирана ещё один крестик.

Ох, и поплатится он у меня, дайте только свидетеля! Хотелось бы знать — как я должна была сама сладить с этим чудищем?! Если бы не Ветер, кормила бы рыб. Впрочем, возможно Зирана устраивал такой вариант?

На мой вопрос Ветер весело произнес:

— Зиран не ожидал такого. Чары наложили недавно.

— А ты знал и не сказал?!

— О чём говорить? Если бы не ты сюда пришла, я и не подумал бы вмешиваться. Мало мне своих дел, так ещё и в ваши лезь.

Помолчала пару минут, подбирая ответ. А потом успокоилась. И, правда, вместо того, чтобы сказать спасибо, ору на челове... Стоп он как раз не человек. Тем более. Хотя, приятно порадовало, как он там сказал? Если бы не я? На душе полегчало, кому-то могу понравиться, но задавать вопросы не рискнула. Пококетничаешь тут, он же надо мной всё время смеётся. Ещё скажет такое, что потом на саму себя в зеркало станет смотреть стыдно. Пришлось перевести разговор на более безопасную тему:

— А чем его кормить?

— Он сам себе пропитание найдет, — отмахнулся Ветер.

Заметив мое удивление, рассмеялся, вот вечно я его веселю:

— Не забивай голову. Он много что есть может. Этот конь сам себя прокормит.

Окинув взглядом наши мокрые фигуры, Ветер качнул головой и одним жестом высушил обоих. Я счастливо вздохнула, а рыжий благодарно муркнул. После этого Ветер подставил руку, и подкинул меня в седло. Едва устроилась, подал Мирлиса, подхватив его под пузо.

Всё это время он придерживал коня за повод, и только теперь, перекинув его через лошадиную голову, подал мне:

— Как править конем знаешь, а остальному жизнь научит. Поспеши, тебе нельзя задерживаться... Нет, — остановил он меня, как только открыла рот, — не спрашивай. Я не всеведущ и предсказывать не могу. Присматривать за тобой иногда буду. Одно скажу — тебе Кош менее опасен, чем другим. Вспоминай о талисмানে почаще, он поддержит. Он тебя принял, раз не ушёл за это время.

Ветер развернулся, сделал шаг в сторону и тут, совершенно по-человечески, стукнул себя по лбу!

— Совсем забыл! Я твоё имущество у царевны прихватил. Возьми, пригодится!

Он снял с плеча и кинул мне... Ванечкину котомку, которую я не раз вспоминала и так жалела, что забыла её у Василисы! Подхватила своё имущество с огромной благодарностью!

— Ветер, спасибо тебе, — поблагодарила от всего сердца.

Дорога в замок Кошья ждёт не дожждётся? Ну-ну, ждите! Открыла рот, хотела узнать... Но Ветер так расхохотался, что по поверхности озера прошла рябь:

— Ну, уж нет, это твоё приключение, и я его портить не собираюсь. Не обижайся, — заметил он мои надутые губы. — Это шутка. Пойми — нам не стоит вмешиваться в дела смертных. Наши силы таковы, что мы с трудом поддерживаем равновесие в этом мире.

— Но ты уже вмешался, — бросила, подбирая поводья.

— Ещё нет. Так, помог симпатичной девушке.

Пока соображала, что ответить, Ветер растаял, словно его и не было, только лёгкий порыв воздуха, и опять тишина. Только сейчас осознала, что перешла на «ты» с Ветром. Интересно, почему он это так спокойно воспринял?

— Поехали, — едва слышно шепнул Мирлис, отвлекая.

А я взяла на заметку его странную молчаливость во время всего происходящего. Ладно, разберусь потом. Ну, как там?

— Н-но, пошел!

Отчаянно шлепнула ладонью по теплему крупу, совершенно забыв о возвращённой Ветром плётке, сунутой за разговором в котомку. Конь несколько мгновений постоял прислушиваясь, словно не веря самому себе. Оглянулся, задумчиво оценил седока. Стало

неуютно. На этом коне должен был сидеть кто-то раза в три крупнее, а я для него в весе пера. Потом скакун мотнул головой, словно не веря себе, и неторопливо поскакал. Именно поскакал, подбрасывая зад при каждом прыжке и вытряхивая из меня душу...

* * *

Пристроив на взгорке свои ноющие кости и мускулы, мы с Мирлисом решили подкрепиться. Разложив припасы на траве, вспомнила Михала, уговаривавшего оставить отданную Отраде скатерть себе. Нет я не жалела о подарке, просто вспомнила тот тёплый дом, весёлую компанию, и собственную беззаботность.

Теперь меня терзали сомнения и тревоги, несмотря на безоблачное небо. Тогда всё было просто — доберусь до Василисы и я дома. По силам ли мне продолжать приключение?

Представила себя, сидящую на здоровенном коне, словно кошка на заборе, перед воротами замка. Да уж. Кощей обрадуется так, что со смеху помрёт на месте, не спасут никакие магические силы и опыт, приобретённый за тысячи лет.

Интересно всё же, как ему удалось так долго прожить? Михал говорил, что колдуны живут дольше обычных представителей своего племени раза в два, ну максимум три. Ещё он сказал, что дольше всех живут эльфы. Что получается? Кощей принадлежит к роду эльфов? Ничего себе, открытие?! Всегда представляла эльфов чем-то неземным, отрешенным от проблем обычных существ. Да-а, Толкиен на меня сильно повлиял.

Так за едой и размышлениями, не заметила, как задремала. Солнышко пригревало настрадавшееся тело и вливало в него силы. Но силы эти были на потом, сейчас меня охватила истома, заставившая забыть обо всём...

Очнулась от резкой боли в плече. Мирлис грыз меня, словно собирался отъесть руку целиком.

— Эй, ты что, обалдел? — вяло возмутилась я. — Или не наелся?

Оставив бедную конечность в покое, Мирлис приказал:

— Вставай скорее, нельзя здесь оставаться.

Приподнялась на локте, рассматривая проступившую на рукаве кровь.

— Нет, дружок, ты озверел. Посмотри, что сделал! В кровь искусал, зараза такая...

Отскочив от брошенных в его сторону пучков выдранной травы, Мирлис начал лихорадочно бегать кругами.

— Да вставай же ты, или решила на этой горюшке остаться на веки вечные?!

— Да что такое, — невольно заразилась его страхом. — Чего ты панику поднял? Отдохнём ещё немного и поедем...

— Нельзя, ты что, не чувствуешь запах?

Принюхалась. Ничего.

Поймав недоумённый взгляд, рыжий буквально взвыл:

— Давай скорее, потом объяснять буду. Один раз удалось тебя разбудить, второй раз может так не повезти!

Поддавшись на уговоры, начала заталкивать в мешок остатки еды, только теперь обратив внимание на необычное состояние, охватившее меня. Такое состояние было только пару раз, когда я крепко поддала в компании. Мой организм реагирует на спиртное очень странно — стоит перебрать и меня начинают распирать буйные силы, кажется, готова одной

рукой дом своротить, а тело, тем не менее, словно в смиренной рубашке, двигаться отказывается. Вот и сейчас меня охватило такое же «сильное бессилие». От талии расплывалась сила, намертво скованная и не желающая прорываться в движениях тела. Меня трясло, руки и ноги дрожали. Заметив это, Мирлис укусил за палец, повиснув на нем, как бульдог. От боли дернулась и на миг отпустило.

На счастье конь оказался рядом, даже опустился на колени, проникнувшись серьёзностью момента. Поставив ногу в стремя, с трудом взгромоздилась в седло. Мирлис, неведомым образом, забрался следом.

Мозг отказывался реагировать на окружающее, испытывая странное лихорадочное перевозбуждение. Мирлис что-то крикнул, конь сдвинулся с места. Только теперь его движения стали плавными и текучими как вода. Он не бежал, а перетекал с одного места на другое.

Вцепившись изо всех сил в гриву, постоянно покусываемая Мирлисом, я едва не теряла сознание. Потом что-то произошло. Внутри щёлкнуло какое-то реле, возвращая в нормальное состояние. Мозг и тело снова подчинились. Только талию жгло, словно там ожог.

На ходу приподняла рубашку, осторожно вытащив её из брюк...

Ого-го! Ожог такой, что пузыри вылезали на глазах. Приподняла и расстегнула талисман. Судя по форме, обжог меня именно он. Выходит, это он вселил в меня ту силу, которая никак не могла найти выхода?

Конь остановился, и Мирлис скомандовал спешиться.

Опустившись на землю, не удержалась на ногах и плюхнулась, крепко отбив копчик. Мало мне пострадавшей шкуры, так ещё и кости надо переломать!

Мирлис, пока я страдальчески стонала, когтями пытался развязать мешок, выданный Зираном. К несчастью, это занятие оказалось не для кошачьих лап. Пришлось мне отвлечься от страданий и, под руководством Мирлиса, доставать баночку с крепко притёртой стеклянной крышкой.

— Как знал, что понадобится, специально попросил Гюлисталь приготовить. Надеюсь, учитель не оторвет мне голову за то, что я разгласил его рецепт.

— Стоп, — прервала причитания Мирлиса. — Это приготовлено по твоему рецепту? А хуже не будет?

Мирлис обиженно дёрнул хвостом и протянул:

— Этот рецепт я выучил как надо! Даже помогал учителю готовить бальзам!

Пришлось поверить на слово. Должна сказать, когда открыла банку, умерила любопытство и не стала спрашивать, из чего приготовлен бальзам — от «аромата» расчихался даже конь.

Бережно смазывая ожоги, ощутила, как от вышибающего слезу запаха, прояснилось сознание. Только покачала головой, закрывая крышку. Ожоги притихли, как притаившиеся змеи. Надеюсь, снадобье подействует, носить цепь на шее то ещё удовольствие. А если встретится ещё какая зараза? Ещё и шею обожжет? Где тогда его носить прикажете?

Кстати о заразе!

— Мирлис, — отвлекла приятеля от попытки закатить баночку на место. — Да отстань ты от сумки, порвёшь — потеряем припасы. Придётся тебе мышей ловить!

От такой перспективы Мирлис присмирел и взглянул на меня.

— Слушай, а что это такое было там, на холме?

— Полевицы. Я их сразу не учуял. Понял что к чему, когда заметил, как ты засыпаешь. Они иногда сажают сон-траву на местах, удобных для отдыха путников. Кто от этой травы уснул, на том свете только проснётся. Этот сон, чем дальше, тем крепче. Я, поначалу, тоже задремал, но на кошек сон-трава меньше действует. Вдруг почуял, кто-то за уши дергает, глаза открыл, а эти заразы тут как тут. Заметили, что проснулся и в стороны. А я тебя начал будить. Думал и не проснёшься, спасибо Талисману Радуги, ты уж совсем холодная была.

— Холодная?!

— Угу, — кивнул Мирлис начав выкусывать блох на хвосте. — Замучили вконец!

— Если я была холодная, сколько же мы проспали?

— На солнце посмотри.

Провела глазами по небу, видневшемуся над верхушками ёлок. Небо было странно тёмным, словно сейчас вечер или утро...

Приятелю хватило взгляда.

— Вечер, вечер ещё. Считай, целый день на бугорке провалялись.

— А ты чего ждал? — повернулась к коню с упрёками. — Вот остался бы там, рядом с нами сонными, кто бы тебя на свободу отпустил?

Конь раздражённо дернул ухом, отгоняя припозднившегося слепня.

Боль от ожогов утихла, я повесила талисман на шею, мысленно поблагодарив за помощь. Быстро собрала с помощью глазастого Мирлиса раскиданные вещи и снова взгромоздилась в седло.

— Слушай, Мирлис, у меня к тебе два вопроса.

— Ну?

— Не нукай, не запряг! — показалось, тело коня содрогнулось от смешка, наверное почудилось. — Скажи-ка ты мне, мой рыжий друг, а чего это ты так притих, когда Ветер появился?

— Чего притих? Да ты знаешь, что он из себя представляет?

Удобно расположившийся на моих коленях рыжик поднял голову.

— Он говорил, что дух. Командует ветрами, — пожалала я плечами.

— Ох, ты хоть представляешь, что он может сотворить? Если он и его братья соберутся — на земле только ровное поле останется! Хотел бы знать — чем ты его приманила?

Порыв ветра едва не сдул рыжего на землю. Я, рассмеявшись, подхватила его за шкуру.

— Будь почтительнее, это тебе не со мной разговаривать, и даже не с Павлом. А на твой вопрос ответа сама не знаю. Может, ему скучно стало, или пожалел меня, кто их, духов, разберёт. Жаль, он нам помочь не может больше.

— Куда уж ещё...

Мирлис, нервно оглядываясь, на всякий случай запустил когти в кожу седла вместо якорей. Ага, дошло, что тут не до шуток.

Вдалеке послышался вой. Волки выводили рулады так, словно пели песню. Потом смолкли. На меня снизошел покой. Конь бодро перебирал ногами, больше не пытаюсь меня стряхнуть — наверно пожалел убогую. Что делать, не приспособлена я для жизни в седле. Видать, он это понял, и смирился, решив побыстрее доставить нас до места, и отделаться раз и на всегда.

Ёлки по бокам, потерявшейся для меня в темноте, тропы слились в сплошную стену, и только топот копыт по опавшей хвое, да иногда хриплый крик напуганной спросонья птицы, тревожили тишину. Снова потянуло в сон. Ритмичный перестук и равномерное покачивание

убаюкивали не хуже колыбельной.

Только один раз, приоткрыв глаза, чтобы всё-таки посмотреть, где мы, заметила справа тень, бесшумно слившуюся с ельником. Отметила её краем сознания, и забыла, тем более что пристально глазевший по сторонам Мирлис и наш скакун на тень никак не отреагировали. Наверное привиделось...

Под утро даже чудесный скакун начал спотыкаться. К счастью на этот момент мы добрались до очередной поляны.

Протерев глаза, осмотрелась — ощущение такое, словно вернулись опять на то же место что и вчера — та же горюшка посреди поляны, тот же ельник вокруг тёмно-зелёной стеной.

Осадив коня у пригорка, постаралась осторожно спуститься с седла... Ага, как бы не так! Осторожно! Ноги от долгой езды затекли и подогнулись в самый неподходящий момент. Естественно, шлёпнулась на многострадальный зад, добавив ещё синяков. Мало того — попытка подняться на ноги не удалась. У меня создалось ощущение, словно я вся состою из отбитых седлом зада и ног. Мелькнула мысль, как всегда запоздалая, что не стоило спускаться, надо было так и отдыхать в седле, подняться опять в него не хватит сил.

Отвлёк Мирлис, которого я, неловко упав, слегка придавила.

Коротко мявкнув, он проснулся и отскочил подальше. Поймав мой страдальческий взгляд, осмотрелся и пошел кругами, обнюхивая траву.

— Можно располагаться, — постановил непререкаемым тоном. — Сон-травы нет.

Угрюмо оглядела радостный утренний пейзаж. Поляна, умытая росой, манила шелковистой травой, поблескивающей каплями, сверкавшими на низко стоящем солнце. Комары улеглись спать и не мешали. Действительно, надо отдохнуть. Потянулась к мешку, чтобы достать припасы...

— Погоди, сначала костёр надо развести.

— Это ещё зачем? — угрюмо спросила кота.

— Отвар приготовить, иначе ты далеко не уедешь. И потом — коню тоже поесть-попить надо.

Пришлось подниматься. Удалось это после нескольких попыток. С огромным трудом перевалилась на колени, а потом кое-как поднялась на подгибающиеся ноги. Ощущение было именно такое, как ожидала — земля под ногами качалась, словно всё ещё еду, а между ног так и осталось седло. Я даже скосила глаза, нет, только так кажется, но походка, и так далеко не лебединая, стала подходящей под слово «раскоряка».

Кое-как привязав повод к седлу, отправилась за валежником. Мирлис остался сторожить мешок и коня. Тишина тишиной, а осторожность не помешает. Хотя не представляю — чем он может помешать грабителям? Тут уж скорее конь защитник.

Постепенно ноги начали двигаться, и я притащила на поляну пару упавших ёлочек, так и не доживших до совершеннолетия. Более высокие и решительные соседки прикончили их, не дав вырасти. Костёр развела с трудом. Никогда раньше не думала, что использование старомодных спичек, которыми снабдили меня в поход, такое сложное занятие. С грустью вспомнила зажигалку, оставшуюся в моей сумке.

Разломав о колено сухие стволы (синяком больше, синяком меньше, значения уже не имело), сложила их у маленького костерка.

Мирлис, пока я возилась с огнём, обежал полянку и притащил несколько пучков травы и заставил меня отобрать нужную.

Подвесив котелок над костром на двух рогатинах, как это обычно показывают на картинках, перебрала травки и разложила на куске ткани остатки припасов. Оглянувшись на коня, не пожалела краюшки хлеба, подсолила её и предложила скакуну. Он недоверчиво

обнюхал подношение, ещё более недоверчиво посмотрел на меня, и в два приема проглотил краюху. Обнюхал мою руку, и, поняв, что продолжения «банкета» ждать не приходится, опустил голову к траве.

Перекусив, все ощутили желание вздремнуть. Я растянулась на траве, подставив солнечным лучам лицо. Мирлис притулился рядом, прижавшись ко мне тёплым боком. Конь тихо переступал ногами, отмахивался от налетавшей мошки и не отходил далеко. Я смотрела в синее небо, в которое словно в горку забиралось солнце. Постепенно тишина заполнила всё внутри, не заметила, как отключилась.

* * *

До полудня успели проделать массу работы. Должна сказать, спали мы с Мирлисом не долго. Не знаю как он, а я не смогла нормально поспать ночью, но отвар, который приготовила по указаниям рыжего, вдохнул вторую жизнь. Мелькнула мысль, что неплохо бы записать несколько рецептов для будущего пользования. Конечно, ездить верхом мне вряд ли придётся, но от болей в мышцах отвар тоже помог. Не знаю как там в остальных магических дисциплинах, но в травах рыжий разбирался.

Собрав пожитки, и более оптимистично глядя в грядущее, мы взгромоздились в седло и копыта вновь глухо застучали по едва заметной тропке.

Пока ехали, пристала к Мирлису с вопросами. Должна сказать, что слишком многое в этой истории было мне не понятно. Зиран не смог, а скорее не пожелал, просветить, пришлось пользоваться знаниями приятеля.

— Мирлис, мне вот что интересно — ты про этого коня когда-нибудь слышал?

— Что-то такое было, — немного подумав, проговорил Мирлис, — но точно не скажу. Вроде это конь Черномора.

Заслышав, видимо знакомое, имя, конь всхрапнул и, вскинув голову, тихонько заржал.

— Точно, его, — довольно подтвердил Мирлис.

— А кто он такой — Черномор?

— Всё время забываю, что ты у нас чужая. Черномор — как это у вас называется...

Приятель призадумался, стараясь подобрать доступные моему пониманию слова. Если честно, могла бы и обидеться! Не такая уж я тупица, хотя здесь уже стала привыкать чувствовать себя дурочкой, которой надо объяснять простейшие вещи.

— Ну, в общем, он у морского царя в военачальниках ходит. Старший над войском.

— Это ты сорок витязей войском называешь?

— А откуда ты про них знаешь? Да, действительно, чаще всего они сороками ходят. Особый их отряд ходит с Черномором, ну вроде как его личное воинство. Всего же у морского царя в войске сорок сороков.

— Не густо, — протянула подсчитав.

— Так это только войско, — усмехнулся Мирлис. — Эти воины такие — на одного можно сотню людей выставить и победит!

Заметив мой скептический взгляд, Мирлис нахохлился.

— Я правду говорю. Было дело, лет четыреста тому назад, в хрониках написано. Кош хотел захватить столицу морского царя. Витязи Черномора так кошеево войско потрепали, что до суши единицы добрались. А уж там наяды с ними покончили. Кош собирался моря к

рукам прибрать, чтобы, значит, связи между материками нарушить, но вместо этого сам без войска остался. Пришлось новое войско создавать.

— Хм, а как же воины морского царя на суше биться могут?

— Ну, а как мы сейчас на этом коне едем? — ответил вопросом на вопрос Мирлис.

Не люблю этого, не хочешь отвечать, так и скажи — «не знаю» и дело с концом.

— Да, послушай-ка, а как звать-то его? — кивнула на давно уже наострившего уши коня.

— А кто знает? Разве только Черномор.

Меня слегка подбросило в седле, от пришедшей мысли.

— Слушай-ка, а если Черномор узнает, что мы его коня свистнули, раз он такой крутой, нам худо не будет?

— Да нет, — рыжий засмеялся, не могу привыкнуть к кошачьему смеху. — Как ты думаешь, откуда у Зирана эта плеть? Наверняка Черномор и дал. У него на Коша зуб о-го-гс какой. Кош хотел племянницу Черномора в жёны взять. Да не повезло, она за человека замуж вышла. Тот Коша подстрелил стрелой заговорённой, Кош несколько лет на люди не показывался, болел.

— Человека не Гвидоном звали? — осторожно спросила я.

— А ты откуда знаешь? Ты хроники читала?

— Не читала, так, догадка, — пробормотала я.

Опять привет от А.С.? Ох и не нравится мне это, ох и не нравится...

Конь всхрапнул недовольно. Отвлеклась от раздумий и осмотрелась. Мы давно уже мчались по ельнику. Как скакун разбирал дорогу — понятия не имею, но иногда под его ногами мелькали участки тропинки, видимо разбирал. Мне не понравились его всхрапы, и ещё то, что он то и дело оглядывался по сторонам. Как-то так недовольно, нервно. Под нами промелькнула небольшая речушка. Конь её словно не заметил, перемахнул с ходу, даже не изменив ритма перестука копыт. Словно не речушка, а так, царапина на тропе. Я же невольно ухватила за горячую чёрную шею. Конь нервно дёрнул головой и прибавил ходу.

— Настя, — Мирлис тоже нервно заозирался, — ничего не чувствуешь?

Хотела ответить, что ничего, да тут почувствовала, как талисман начал наливаться тяжестью, словно мало моей шее за этот день досталось.

— Что это?

— Не знаю, — тихо муркнул Мирлис. — Но не нравится оно мне.

Мы оба притихли, стараясь прислушаться к шумам леса. Да вот только прислушиваться оказалось не к чему. Шелест еловых лап и глухой топот копыт. Ни птиц, ни животных, даже шум ветра пропал. Ох, не к добру...

Рядом с тропой мелькнула тень. Я бы ни в жизни её не заметила, если бы не пригнулась в этот момент — над дорогой нависала еловая лапа. Присмотревшись, заметила, что тень не одна. Бесшумные, быстрые, ни на шаг не отставали от скакуна. Впрочем, возможно, отставали, но я этого не заметила. Как будто почуяв, что их заметили, тени внаглую стали подтягиваться к тропе, но нападать пока не решались.

— Золотце, прибавь ходу, — взмолилась на ухо скакуну.

Тот на миг скосился на мою покрытую холодным потом страха физиономию и вытянул шею. Топот копыт слился в сплошной гул. Только чувствовала, как перекачиваются мышцы. Позади раздался раздирающий уши вой разочарования.

Мирлис прокричал, выглянув из-за моего плеча:

— Отстают!

— Давай, давай, родненький! — визжала я, оглядываясь на, теперь уже открыто, мчащихся за нами смахивавших на волков и ещё более страшных неведомых тварей.

Похожие на волков, здоровущие (не представляла, что они могут вырастать до такого размера), меня не удивили. Зато мелькавшие среди них неизвестные науке животные... Боже мой родненький! Это где ж таких понаделали?! Помесь ёжика с гепардом да ещё и рогатая. Я не шучу — шкура, покрытая иглами не меньше ладони длиной, которые стучали при каждом прыжке, клыки, как у крокодила, с которых на землю капала дымящаяся слюна, а движения ну точно как у гепарда — быстрые, лёгкие. Твари с лёгкостью повторяли причудливые изгибы тропинки, ни разу не врезавшись в подступавшие к ней ели. Готовый ужастик, в Голливуде о таких спят и грезят, а тут, пожалуйста, посреди, можно сказать, торной дороги, среди бела дня... Должна сказать, что «волки» этих милых зверюшек не сторонились.

Рыжий едва не остался на растерзание преследователям, неосторожно высунувшись из-за моего плеча — лапы соскользнули, а конь в этот момент как раз огибал ёлочку на повороте тропы... Как это получилось, не поняла, а только конь, извернувшись на скаку, ухватил рыжика не знаю за что, и кинул мне в руки, предпринявшие неудачную попытку подхватить приятеля. После этого Мирлис вцепился в меня мёртвой хваткой! Возражать не стала, что там какие-то царапины? Живы будем — заживут, хуже, если живы не будем, а там уж будет не до царапин!

Сама держалась неведомо как, откуда только силы взялись? Ни руки, ни ноги, ни зад не напоминали о себе. Ну, ничегошеньки не болело, просто на диво здоровое тело! Впрочем, понятно, наверняка, не только мозг перепугался как самый соображающий, остальное тоже пришло к выводу, что в данный момент не до капризов...

Эти странные и неуместные мысли мелькали на окраине сознания, пока мы неслись, стараясь оторваться от неведомых тварей, которых становилось только больше.

Мирлис, периодически комментировавший происходящее позади (я предпочла не оглядываться, наученная его опытом), насчитал не меньше двух десятков преследователей. Ха, и зачем столько? Нам и трех-четырех за глаза будет.

Неожиданно в глаза ударило солнце — мы вылетели на очередную поляну. Подняв от конской шеи голову, окинула взглядом расстилавшееся пространство. Оказывается, поляна почти полностью поросла яблонями. Тропка извивалась, едва просачиваясь краем сада. На деревьях висели ещё не совсем спелые, но уже румяные яблочки.

— Давай к центру! — внезапно заорал Мирлис.

Конь команду понял и свернул с тропы. Он притормозил, на прежней скорости мы бы размазались о ближайшее дерево, и ловко скользнул между стволами. Заметила только, чем глубже в сад, тем старше яблони, тем ярче яблоки, да и цвет они меняли с красно-зелёного на желто-зелёный.

И вот перед нами поднялось чудо-дерево. Огромная яблоня с корявыми ветвями, высоко поднятыми над землёй. Вся покрытая золотой бронёй, столько было яблок ярко-жёлтого цвета.

Что-то перемкнуло в мозгу и я натянула повод, не обращая внимания на всё приближающийся задорный вой преследователей. Раз уж игра в сказку, пусть так и будет!

— Яблонька, золотые яблочки, гонятся за нами враги лютые, помоги, укрой нас.

Не знаю, чего ждала, наверное, именно того, что произошло.

Сучья, как руки, опустились со скрипом и шелестом до самой земли. Раздумывать было

некогда, на один из сучков кинула Мирлиса, а сама соскользнула с коня.

— Если хочешь, я тебя сейчас совсем отпущу, но нам очень нужна твоя помощь...

Не договорила. Чёрный мягкий нос подтолкнул к яблоне, и его хозяин исчез, только вдали затих drobный топот копыт.

Не раздумывая, вцепилась в предложенную ветку, и мы взмыли вверх, дружно переведя дух.

Рядом со мной висело несколько яблок. После всех переживаний хотелось пить.

Протянув руку, робко спросила:

— Можно яблочка?

Одно из жёлтых солнышек сорвалось с ветки, едва успела подхватить. Впившись зубами в сочную мякоть, застонала от восторга — сладкий сок брызнул во все стороны. Сладко-кисловатое, ароматное до одурения, яблоко произвело потрясающее впечатление. Сжевав его вместе со шкуркой и косточками, вытащила изо рта твёрдый черешок и робко посмотрела на следующее — всем хороши яблочки, да мелковаты. Протянув руку сорвала второе, вслед за ним отправилось третье, четвертое... Откуда-то справа послышалось чавканье. Ага, Мирлис разобрался, что к чему. Не сомневаюсь, дорвавшись до таких яблок, уже забыл обо всём...

Впрочем, о восстановлении нашей памяти позаботились.

Едва откусила очередной сочный кусок, как внизу раздался вой. Принесла же их нелегкая! Под яблоней столпилась чудовищная рать. Задрав морды, преследователи уставились на чавкающих наглецов, и, кажется, едва не попадали от возмущения.

Да, мы такие! Что нам какие-то монстрики, когда тут такое объеденье! Погибнем? Пусть! Зато наедемся вкусного от пуза! Тоже не плохо, и чтобы им подавиться съеденными нами яблоками... Подавиться? Сейчас, организуем!

— Прости, яблонька, но эти твари меня достали! — погладила сук, на котором пристроилась.

Вот уж что-что, а метать в цель я умею, могу сказать без преувеличения. В детстве во дворе мальчишки частенько доводили девчонок до слёз, но стоило мне наклониться за подручным материалом, приставалы исчезали с горизонта. Ещё бы! Я была чемпионом нашей улицы по сбиванию неподвижных и подвижных мишеней любыми предметами! Талант у меня такой!

Коротко рывкнув, первый угощенный «волк» обалдело тряс головой. Я же говорила — мелковаты яблочки! Но второй удар произвел фантастическое впечатление, даже на меня! Зверь взвыл, словно ему на голову не яблоко, по меньшей мере, гирию кинули!

— Так вам! — взвыл Мирлис, — Настя, бей их!

Я и стала бить. Пусть ребёнок развлечётся! Яблоки летели, будто по пути, от моей руки до голов нападавших, превращались в настоящие золотые шары. Тем, кому в голову прилетал такой «шарик», мало не было!..

— Настя, сзади! — не своим голосом заорал Мирлис.

Оглянулась, и едва не полетела с ветки. Одна из тварей, воспользовавшись тем, что моё внимание отвлечено, вытянула шею, словно жираф! Очень зубастый жираф! Она приготовилась стащить меня вниз!

— На, зараза!

Очередное яблочко врезалось в раззявленную пасть! Зубы полетели по сторонам, как осколки стекла. Тварь взвыла, и хотела нырнуть вниз, но не тут-то было — застряла между двух толстых веток, ни туда, ни сюда. Дергалась не долго, хотя и пыталась разжать мертвый

захват дерева — тварь отрастила для этого невероятные лапы с когтями, напоминавшими кинжалы. Поздно, милая, поздно! Хруст позвонков, и тварь рухнула под наши ликующие вопли!

Нападавших произошедшее в восторг не привело. «Волки», как по команде, шарахнулись от ствола, зато пара тварей, отрастив зубы, сильно смахивавшие на пилу, начали грызть ствол. Мне показалось, яблоня вздрогнула от боли. Ведь вот мерзавцы! Ладно, за нами гонитесь, а дерево-то причём?!

— Мирлис, тряхани веточку, с твоей стороны их много собралось!

При весе рыжего, удивительно как он эту веточку не сломал! Эффект был потрясающий — одного перевёртыша (успела догадаться что это они), завалило по самую маковку. Правду говоря, получив одновременно несколькими «яблочками» по башке, он сразу прилег, и уже не дёргался. Второй отскочил с воем, хотя ему досталось только рикошетом.

Будто получив команду, дерево дёрнуло ветками, Мирлис сообразил быстрее меня.

— Настя, двигайся к стволу, под сучок какой-нибудь!

Раздумывать в такой момент было некогда, обдирая ладони о шершавую кору, выполнила приказ. И что тут началось! Яблоки полетели с веток как снаряды, честно, они летели даже с посвистом. Некоторые, встречаясь с толстыми сучками, разлетались по сторонам шрапнелью, причиняя ещё больший урон нападавшим. Нам с Мирлисом работы не оставалось. Мы только прижимались к стволу, и повизгивали от восторга, одним глазом глядя на свистящие мимо головы яблоки, другим посматривая на бегущего врага. Разумеется, прицельного огня яблоня вести не могла, но хватило массовости обстрела. Яблоки устлали землю вокруг ствола ковром, на котором там и тут возвышались холмики, обозначавшие павших врагов.

Перевёртыши и волки под массированным обстрелом отступили, но и остальные яблони не остались в стороне, хотя и не могли, как мне кажется, превращать свои яблочки в золотые снаряды. Однако получить по башке сразу несколькими увесистыми недозрелыми фруктами тоже мало не покажется! А со слов Мирлиса, не удержавшегося и попробовавшего (и когда только успел?) одно из яблочек с краю, по твердости оно могло соперничать с деревяшкой.

Поудобнее расположившись, мы начали совещание.

Судя по звукам, преследователи не оставили идею заполучить нас. Пока не приближались, но они могут превращать своё тело во что угодно, как бы чего не придумали. А нам из сада дороги нет, во всяком случае, пока.

— Мирлис, попробуешь позвать на помощь учителя?

— Силы не хватит, — буркнул он обреченно.

— А что если воспользоваться Талисманом Радуги?

— С ума сошла?! Да мне к нему и прикасаться нельзя, такого наворочу, никто потом не исправит.

— Но ты же, в конце-то концов, учился на мага! Так придумай что-нибудь!

Рыжий задумался. Осмотрелся. Если он собирался увидеть нечто неожиданное, то здорово просчитался. Вокруг всё тот же сад, всё то же небо, правда начавшее темнеть, да и то — дело-то к вечеру. Птицы в округе притихли, перепуганные звуками боя. Противник никак не мог придти к общему решению. Счастье, что перевёртыши и волки не люди — наш брат давно посрубал бы все деревья, и дело с концом.

— Знаю! — чуть не свалившись с ветки, воскликнул Мирлис.

Подпрыгнул так, что едва успела подхватить его за шкуру.

— Ты чего орёшь? Потихе не можешь? Или надо обязательно весь белый свет оповестить о своей идее?

— Настя, не ворчи, я придумал!

— Так говори, не тяни душу!

— Надо позвать хозяйку сада!

— Какую ещё хозяйку? — опешила я.

— Птицу-Жар конечно! — с довольной мордой провозгласил Мирлис.

— Кого-кого? погоди, ты хочешь сказать, что Жар-птица существует?

Переспросила, ещё не поняв, о чем это он, и тут вспомнила, как в разных сказках говорят о любви разных пернатых к яблочкам. Были там всякие Вани, которые ловили бедных птичек на любви к сладенькому.

— Назови хоть так, разницы никакой. Она хозяйка сада! И может помочь...

— Ага, а не скажешь ли ты мне, о продвинутой в магии отрок, почему это ей такое милое имечко дали? И не вообразит ли эта пернатая люстра, что именно мы должны быть наказаны за перерасход сладкого?

— Не решит. У неё с перевёртышами давние счёты. Не раз бывало, что по приказу хозяев они обчищали её сад, да и птенцов ловили. Так что нам повезет, если она вскоре тут появится.

— Ага, а если нет? Если у неё отдых на Канарах запланирован?

— На каких Канарах?

— Не важно, лучше скажи, где гарантия, что эта птица сейчас прилетит?

— Нужен тростник и нож, я скажу как сделать... Ох, — притих Мирлис. — Ничего не выйдет. Где мы здесь тростник найдем...

Я тем временем ни слова не говоря, полезла в котомку, которую умудрилась прихватить с собой на дерево. Счастье, что у меня, как у большинства женщин, стойкий мешочный инстинкт. Ну не удобно мы себя чувствуем без сумки в руках, желательно большой и тяжёлой. Это наверно передалось на генном уровне от бабушек и мам.

— Такой пойдет? — протянула на ладони кусок тростникового стебля, над которым когда-то ломал голову Михал.

— Откуда?!

— Потом, не до того, говори, что делать.

Под руководством Мирлиса дело пошло на лад, хотя пришлось и повозиться — никогда в жизни не приходилось заниматься подобным. Наконец в руках появилось нечто похожее на свирель, как её изображают на картинках в книжках сказок. Поднеся тростник к губам, осторожно подула. Ага, как бы не так...

— Ты дырочки-то закрывай, — едва слышно сказал Мирлис.

Попробовала закрывать. Одну, другую, оказалось — действует. Тростниковая дудочка издала странный тонкий свист, потом в другой тональности. Я пробовала и так, и этак, раз, другой, пока не получился неожиданно чистый тихий звук.

Мирлис рядом дёрнулся и прошептал:

— Вот, вот оно, давай!

Попробовала ещё раз, ещё... Звуки полились сами собой, на талисмানে нагрелся какой-то камень, но у меня не было времени отвлекаться, боялась упустить найденное положение рук и губ.

Несколько попыток и вдруг, когда я переводила дыхание, кусочек тростника сам тихо и

нежно запел. Запел жалобно и тревожно, словно призывая на помощь...

Стая вокруг сада взывала. Казалось, преследователи пытаются заглушить звук. А вот и фигушки, тростник звучал и звучал! Я боялась оторвать дудочку от губ, и сделать лишний вздох, если откровенно вообще боялась пошевелиться. По яблоне распространялось свечение. Яблочки зажигались как японские фонарики, даже на светившем ещё солнце освещающая каждый листик.

Вой вокруг нарастал.

— Смотри!

Мирлис знал, куда смотреть!

С неба, светясь на синем небесном фоне, падали золотые молнии. Это они вызывали вой наших противников. Мы, не думая уже ни о чем, прыгнули на землю и кинулись к краю сада. Вокруг раздавался дикий вой, сквозь который временами прорывался свист, вонзавшийся в уши, словно иглы. Мы взобрались на одну из яблонь так, чтобы из безопасного местечка посмотреть на происходящее.

Монстры сражались по-настоящему. Это был не киношный бой. Перья и клочки шкуры летели по сторонам, словно листья по осени. То и дело летели кровавые брызги, мне даже стало дурно, когда увидела, как одна из птиц впилась в горло «волку», и вырвала его одним движением. Кровища хлестнула фонтаном... От накотившей дурноты, на пару минут упустила сражение из вида, отрезвление наступило, когда ко мне обратился Мирлис. Точнее не тогда, когда он заговорил, а когда впился изо всех сил мне в колено, стараясь привлечь внимание:

— Смори, Настя, там ещё волки...

Только этого не доставало! Если пришло подкрепление...

— Да нет, это не им подкрепление! Волки накинута на перевёртышей!

Действительно, на место схватки с разных сторон набегала серая волна. Эти новые волки мало отличались от наших противников размерами, но были гораздо лучше организованы. Казалось, кто-то руководит сражением с их стороны.

Не казалось! Впереди накатывавшей волны неслась громада чернобурого огромного волчары. Он, казалось, вёл своё воинство в бой. Рядом несло несколько волков чуть меньшего размера — как охранники. Они врзались в схватку... Неорганизованная масса наших преследователей, основательно прореженная нападавшим птичьим войском, ринулась в разные стороны. Теперь их волновали не мы, а скорее целостность собственных шкур. Перевёртышей ушло не много, птицы постарались от всей души, а вот «волкам» досталось поменьше.

Едва противник начал отступление, птицы прекратили схватку и направились в центр сада. Волки продолжали преследовать врага под рык вожака, оставшегося осматривать поле боя.

— Пошли, — дернул меня за рукав Мирлис.

— Куда?

— Как куда, надо же посмотреть, что там делается.

Сначала решила, что он зовет меня полюбоваться результатами только что законченной бойни, к счастью нет. Мирлис тянул в сторону главной яблони. Хотя после того, что видела, у меня не было большого желания знакомиться с Жар-птицами, да и идти по ещё тёплым трупам как-то не хотелось.

На яблоне уже собрались все принимавшие участие в схватке птицы. Дерево стало

похоже на новогоднюю ёлку, усыпанную бенгальскими огнями.

Пара птиц слетела к нам, сделала круг над головами, и вернулась к подругам. Должна сказать выглядели они сказочно. Чем-то смахивали на павлина, только туловище мельче, размером так с бройлера, а вот хвосты длиннющие, как шлейфы и перья струятся словно волосы. Они действительно ярко светились, но не целиком, а только хвостовые перья и венчики на головах из таких же, похожих на волосы, пёрышек, при каждом движении легким облачком переливавшихся над изящной головкой, сидящей на длинной шее. А вот клюв, должна сказать, впечатлял — острый как игла, откровенно хищно изогнутый. Он мало годился для поедания яблок, похоже, фрукты не основная пища этих красоток. Да и сила его, судя по схватке, не мала. Под стать клюву, противореча общему нежному облику, были и отблескивающие металлом когти на крепких лапах. Такие вопьются, не выдерешь.

Птицы, не обращая на нас с приятелем внимания, подкрепились ещё остававшимися на яблоне яблочками, помогли друг другу привести в порядок оперение, в этот момент яблоня скорее была похожа на парикмахерский салон, и, поднявшись в небо переливчатым сияющим облаком, устремились в сторону заката.

— Ну, вот и всё, — устало пробормотал Мирлис.

Подняла его на руки. Малый окончательно выдохся, столько всего за день произошло.

— Я думала они нас бояться должны были.

— Нас?! — Мирлис странно посмотрел. — Знаешь, стаи боится всё живое. Даже нечисть. С ними ни один хищник не свяжется, если жить хочет.

— Похоже на то.

Немного помедлила, почесывая рыжего за ухом (чисто инстинктивное движение, когда держишь на руках кошку), потом задала мучивший вопрос:

— А выпавшие перья светятся?

— Ты что, решила перышком обзавестись? — встревожился Мирлис. — Не вздумай. Там на побоище их не мало, но не надумай хоть одно взять. Они тебя по этому перу под землёй отыщут. Отыщут и там же, под землёй, уделают так, что и на том свете не признают.

Бросила взгляд в сторону места схватки. Между стволов мелькнула высокая тень... Неужели Ветер? Да нет, этот гораздо шире в плечах... Пытаясь рассмотреть мужчину решила продолжить спор.

— Хм, а вот в сказках...

Мирлис не дал договорить.

— Слушай, забудь ты свои сказки. Нашла сказочный лес. Тут такие дела, если на сказки ориентироваться — не жить. Ладно, кончай отдых. Пора приниматься за дела.

— Какие это? — удивилась я.

Откровенно говоря, делать ничего не хотелось. Мало мне переживаний? Да и не думала ещё о том, что дальше делать. А если разобраться — подумать следовало. Коня нет, а в Васильевск надо. Надо где-то ночевать. Здесь оставаться не хочется, мало мне увиденного за день, так ещё среди трупов ночевать?! Это уже перебор. Да и заступившиеся за нас волки могут вернуться, а мне не очень хочется с ними встречаться. А если кто из недобитых вернётся, что делать?

Стоило только задуматься, как обрушилась гора вопросов. Вот никак не могу понять этого противного кота. Зачем девушку нервировать лишний раз? Дал бы хоть немного передохнуть, прежде чем наваливать гору проблем...

Из-за мыслей отвлеклась от подходившего мужчины, а когда взглянула в его сторону, он

словно растаял. Как небывало. А может, привиделось?

Первым делом Мирлис осмотрел повреждения, нанесённые яблоне. Мерзавцы, успели прогрызть не только кору, но и древесину ствола.

— Настя, доставай бальзам, — скомандовал рыжий.

С сомнением посмотрела на приятеля.

— Думаешь, подействует? Ты же его для человека варил.

— Хуже не будет, а попробовать можно.

Чего тут раздумывать? Если спец говорит, надо пробовать. Выудила из мешка бальзам. Не тратя времени попусту, принялась обмазывать раны. Кажется, яблоне понравилось. Мирлис тоже заметил, как вокруг разлилось ощущение покоя.

— Вот и всё, — ласково погладила шершавый ствол. — Надеюсь, поможет.

— Настя, — отвлек меня Мирлис, — а пару яблочек на память взять не хочешь? — и он ткнул лапой в лежащие на земле яблоки.

Я нагнулась и хмыкнула:

— Рехнулся? Таскать с собой такую тяжесть?

Яблоки действительно из золота. Подняла одно — гиря! Не знаю, я не Шура Балаганов, а рыжий не Паниковский — пилить не стали, но не думаю, что внутри было что-то другое.

Мирлис фыркнул:

— На твоём месте другие...

— Знаешь, я не другие — это раз. Мне здесь ничего вообще не надо, домой хочу — это два...

— Так дома и найдешь применение, это же золото! Продашь.

Призадумалась. В чем-то рыжий прав. Но не хотелось мне брать яблоки, не хотелось.

По плечу кто-то хлопнул. Я аж подлетела, развернувшись в воздухе. Оказалось — низко склонившаяся ветка с несколькими спелыми яблочками. О, это другой разговор! Полакомиться на привале ароматными яблочками — совсем другой коленкор!

Яблоки, словно сами, прыгали в мешок, рвать их доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. Естественно, между делом не одно оказалось в желудке (не только моём, между прочим!), пока я, наконец, не обуздала жадность, и не решила, что есть одни яблоки не станешь, а значит, пора заканчивать сбор урожая.

Раздался стук копыт. Только теперь заметила, что солнце уже почти село, и небо освещено закатом.

Странно, кто там топчет? Вроде никто из наших преследователей такого топота издавать не мог? Звуки всё ближе... Между стволами мелькнуло светлое пятно, раздался приветственный крик:

— Вон они где, воробышки!

Михал, соскочив с высокого поджарого коня, удивительно похожего на Каштанку, подлетел ко мне, и, подхватив как ребенка, расцеловал в обе щеки.

— Живы, проказники!

Он опустил меня, и дал осмотреться. Рядом с ним на таком же скакуне восседал высокий широкоплечий воин. Таких, наверно, полагаются называть витязями. Серебряная кольчуга чешуёй покрывала его до колен, даже перчатки и те кольчужные. Высокий шлем венчало струящееся перо, похожее на поток воды. Витязь спешил и оказался на удивление высоким. Мне пришлось задирать голову, чтобы видеть его спокойные синие глаза. Рядом с ним, опустив голову на плечо витязя, пристроился, отпущенный мною, конь Черномора.

Витязь осмотрелся.

— Припозднились мы, похоже. Тут и без нас разобрались, — и потрепал по крутой шее коня. — Молодец, что позвал.

Мне стало неловко. Кажется, прибыл хозяин нашего скакуна. Эх, жаль, придётся отдавать, потянулась к недоуздку.

— Это ващ, да? Вы извините, надо было очень быстро, а не получилось, понимаете?

Меня охватило нелепое смущение, и стало стыдно за свой жалкий лепет.

— Не узнаю старую знакомую, — раздался рядом смех. — Обычно она за словом в карман не лезет, и такая мелочь, как сведённый со двора конь вряд ли может смутить.

— Павел! Ты откуда?

— Зиран послал, — Павел спешился.

— Ты, девица, узду-то не трожь. — положил мне на плечо тяжелую руку Черномор. — Раз уж удалось получить моего Прибоя, пока пользуйся. Только никому больше не давай, — от строгого взгляда внутри всё оборвалось. — Ладно, не бойся, не обижу. Прибой послужит тебе, только хотелось бы знать, как ты чары-то одолела? Я и сам к нему последние недели подойти едва мог, словно подменили коня.

— Ну, понимаете, мне помогли...

Пожала плечами, решив не развивать тему, и украдкой показывая Мирлису кулак, чтобы и этот болтун помалкивал.

— Помогли, — протянул Михал. — Хороша помощь была, может и ещё помогут?

— Нет, не выйдет, — твердо посмотрела в его глаза.

Мужчины переглянулись и дружно хмыкнули. Ну и хмыкайте себе, друзей не выдаю. Ветер мне помог, больше, сам сказал, нельзя, а тут насядут со всех сторон... И рыжий пусть только попробует... Грозно посмотрела на приятеля.

— А я чего, я ничего, — опустил глазки.

— Что ж, на нет и суда нет, — подвел итог Черномор. — Пора домой. Тяжко на земле. Михал, ты со мной? Здесь и без нас разберутся.

— Павел, ты с Настей. Я Инара в Васильевск отправил. Странные дела там творятся. Пусть посмотрит. Отправляйтесь и вы в Васильевск. Там Василиса встретит. Раз Насте надо выполнить свои обязательства, придётся с царевной переговорить. А там отправите её домой, сам с ней ступай, там пригляд тоже нужен.

Что-то в словах Михала не понравилось рыжему.

— А я?

— А ты со мной, — приговорил Михал, развязывая сумку у седла и протягивая руку к Мирлису. — Нечего тебе таскаться, мешаешь только...

Тут уж возмутилась я:

— И ничего он мне не мешает! Наоборот. Да если бы не он!.. И вообще!

— Пора, — повторил Черномор, прислушиваясь к шуму приближавшихся шагов.

Заметив, что мужчины отвлеклись, я сделала знак Мирлису, и тот понятиливо растаял, словно его тут и не было. К моменту, когда Михал продолжил своё движение и собрался подхватить рыжего к себе на коня, даже место, где тот стоял, успело покрыться пылью. На недовольный взгляд ответила самым невинным своим, словно говоря: «О чем речь, мальчишки?»

Следующие дни слились в один.

Я верхом на Прибое, в окружении волков, точно под конвоем. Понимала — это охрана. Но бесило. От этого настроение портилось. Я то и дело пыталась выкинуть какое-нибудь коленце. То подгоняла Прибоя, то наоборот останавливала его. Но вывести из себя волков не получалось.

Пару раз молодые волчки попробовали сунуться к моему скакуну. Но власть большой волчицы, которая во время пути, чаще всего, командовала сопровождением, была непререкаема. Прибою даже не пришлось пускать в ход копыта. Волчица рыкала, молодежь тут же прекращала попытки воспитывать нервного скакуна.

Павел на мои выходки не обращал внимания. Обиделся, что я помогла Мирлису отправиться с нами.

Обижался, правда, не долго, до ночи. На стоянке Мирлис развил бурную деятельность, стараясь помочь. Выглядело смешно — у него же лапки. Павел держался изо всех сил, но пришлось сдать. Вид рыжей кошачьей попы с задраным хвостом, вылезавшей из кустов, и волочащейся за этой рыжей тушкой большой сухой ветки, которую кошка ухватил зубами, вызвал хохот.

Я украдкой показала, скосившему на меня глаз рыжему, большой палец. У него получилось внести мир в наши ряды. Утром встали, вернув хорошее расположение духа. Путешествовал Мирлис со мной, у Павла было слишком много дел, а я ехала как балласт. Толку от городской девочки среди леса никакого.

Единственной моей обязанностью стало ухаживать за Прибоем. Он категорически отказался подпускать Павла к себе. С непривычки изображать конюха было нелегко. С Инаром мне понравилось путешествовать гораздо больше. Все трудности парнишка брал на себя.

Вот к волчице, которая взяла меня под опеку, и Павел, и Прибой, отнеслись очень положительно. Прибой даже подходил на ночь к нам с ней поближе, словно охраняя. Эти двое вселяли в меня спокойствие, несмотря на постоянные ночные шумы и шорохи. Всё же, не приспособлена я для существования на природе, особенно после того, как увидела, какие «прелестные» зверюшки бегают по здешним лесам.

На ночлег устраивались так, как установила волчица.

В первый же вечер подошла, ухватила зубами одеяло, на котором я сидела, и перетасила его подальше от разожженного Павлом маленького костерка. Павел только пожал плечами.

— Похоже, она знает, что делает.

Посмотрела на волчицу, которая определённо ждала, когда я подойду.

Пришлось подчиниться.

Поднявшись с земли, на которой оказалась по вине «воспитательницы», подошла. Волчица лапой ткнула в одеяло, словно скомандовав расправить его. Расправила, Мирлис подтащил мою котомку, с которой теперь старалась не расставаться. Пришлось лечь в отдалении от костра. Замёрзну ведь!

Оказалось, не замёрзну. Едва расположилась на одеяле, волчица пристроилась рядом, прикрыв меня со стороны леса. С другой стороны подобрался под бочок Мирлис. Мне стало

так тепло и уютно, что возражать против грелок даже не подумала. Утром проснулась, выспавшись, как на роскошной кровати.

На вторую ночь устроились точно так же, волчице даже не пришлось предлагать. Я оценила спокойствие и уверенность моей большой подушки и спала обхватив сильное тело, чувствуя со спины тёплое тельце Мирлиса.

Той же ночью проснулась от тихого разговора. Тёплый волчий бок, если бы не шерсть, постоянно лезущая в лицо, мог стать роскошной подушкой. Потёрла нос, едва не чихнув, повернулась на другой бок, приоткрыв глаза, рассмотрела Павла. Пристроившись у почти прогоревшего костра, о чём-то тихо переговаривается с большим волком, лежавшим напротив оборотня. Только хотела присмотреться кто там такой, как моя «подушка» недовольно заворчала.

— Сплю, сплю уже, — сонно буркнула я.

Не очень-то и хотелось.

Волчица, окинув взглядом прижмуренных янтарных глаз, вздохнула и снова устроила голову на лапах. Я прижалась теснее, стараясь зарыться как можно глубже в тёплый волчий мех, вот уже вторую ночь согревающий меня. Сквозь наплывающий сон, почувствовала, как ткнулся в щёку холодный мокрый нос, а потом скользнул по ней горячий шершавый язык.

Побудки взял на себя Мирлис. Что-то не давало рыжему спать едва поднималось солнышко. Подняв всех, завтракал и сворачивался в клубочек, позволяя дальше коллективу справляться без него. Свою лень Мирлис теперь постоянно оправдывал услышанными от меня «лапками»... И попробуй возразить!

Говоря откровенно, устала. Всё чаще вспоминались привычные удобства нормальной жизни. Магазины, где в любой момент можно купить еду и нужные вещи, а не ждать, пока волки принесут кусок мяса. Горячая ванна, доступная в любую минуту, а не ледяные ручьи, в которых руки стыли в одно мгновение (купаться даже не рисковала). Потерянная вещь? Катастрофа! Редкие деревни, встречавшиеся на пути, объезжали за версту, а о магии оборотень велел забыть, на всё время, пока не доберемся до места.

Оборотень и Мирлис, конечно, старались, скрашивали путь и развлекали как могли. Но разговоры о вещах, в которых я ничего не смыслю, надоели, а рассказы о моем мире только нагоняли тоску недостижимостью последнего. У меня появилось чувство, что мой собственный удобный и привычный мир всё дальше уходит по мере продвижения к непонятной цели путешествия.

* * *

В это утро тоже двигались быстро, стараясь не останавливаться и не оставлять за собой лишних следов.

Ха, следов! В первый же день, когда я умудрилась забыть на привале гребень, Павла едва удар не хватил. Он, не долго думая, отрядил за обычной расчёской целый волчий отряд. И они послушались! Отправились, бросив в мою сторону косой взгляд, принесли несчастную безделушку. А я получила выговор. Обидный до слёз, потому что говорил со мной оборотень так, словно я дитя малое и неразумное. Всё убеждал, что никаких личных вещей оставлять нельзя, владеющий силой может по ним навести порчу, и так далее и тому подобное... Зудел, битый час! У меня уши заныли, кулаки зачесались. Неужели нельзя покороче и

попроще?

Но я сдержалась, проявив несвойственное смирение. Почему? Спросите что полегче.

Главным развлечением в эти дни стали визиты разных необычных существ во время стоянок. Со мной они старались не общаться. Некоторые делали вид, что вообще не замечают меня, предпочитая тихо разговаривать с Павлом.

Особенно впечатляли визиты огромного бурого волка, уже трижды навестившего нас. Мне всё казалось, что это именно тот, который привел нам на помощь волчье войско.

Мне всегда жутко и сладко в его присутствии, к тому же и матёрые волки, едва он появлялся, смиренно устраивались в сторонке кружком, пока эта зверюга о чём-то тихо беседовала с Павлом.

Свои переговоры с другими, периодически появлявшимися, визитёрами оборотень пересказывал, стараясь показать, что секретов от меня не держит, а о чем говорит с этим волком — не сказал ни разу. Стоило завести разговор на тему, тут же у парня находилась масса дел, и он ускользал как мокрый карась из рук.

А меня тянуло к огромному зверю. Хотелось прикоснуться к его пушистой шубе, заглянуть в золотые глаза. Ловила на себе пристальный взгляд этих глаз, иногда казалось, что они улыбаются, тогда вздёргивала подбородок и передёргивала плечами. Пусть не думают с Павлом, что я интересуюсь этими двумя заговорщиками...

Ничего особенно чудесного за дни пути не произошло. В присутствии Павла, Прибой вёл себя примерно, даже пару раз добровольно останавливался, поняв, что, ещё немного, я вывалюсь из седла от усталости (самой признать это не позволяла гордость).

Удивлённый упрямством животного, Павел в первый раз потянулся, было, к плети. Прибой вытряхнул меня с легкостью из седла. На очередной синяк на заду не обратила внимания — одним больше, одним меньше, разницы никакой, а на происходящее стоило посмотреть.

Жеребец направился к парню со столь недвусмысленными намерениями, что тот спрятал плеть за спину и приступил ко мне с расспросами. Разумеется, признаваться не стала, выдал рыжий, за что схлопотал подзатыльник, поддержанный довольным фырканьем жеребца.

Давно подозревала, что длинный язык рыжика надоел коню не меньше, чем мне. Мирлис, старательно развеивал мою скуку и трещал без умолку, чем не раз заслужил не только мои вопли: «Да замолчишь ты?!», но и красноречивые взгляды волков.

* * *

В целом, путь оказался не таким долгим, как я боялась. Это уже гораздо позже узнала, что Павел и тот самый волк договорились с лешими, которые открыли свои потаённые тропы. Этими тропами мы и двигались сквозь пространство, сохраняя время. Что да как — не поняла, но уже на четвертое утро выбрались на проезжий тракт, который показался знакомым — в прошлый раз меня по этой дороге вела Росана.

У тракта с Инаром и встретились. Парнишка сидел на небольшой полянке, скрытой в придорожных кустах от глаз любопытных проезжих. Рядом паслась моя любимая Каштанка и конь Инара.

Едва выехали на полянку, словно из воздуха, сооткался тот самый огромный волк,

испугав Кашпанку. Инар едва успел её перехватить, бедняга так и рванула с места, несмотря на спутанные передние ноги.

Волк тихо рыкнул на парнишку, словно укоряя в нерасторопности, потом повернулся ко мне. Вот честно — как бы вы отреагировали, если зверюга, чья макушка возвышается над вашей головой, подойдёт и усядется перед вами, оскалив в ухмылке белоснежные клыки? У меня задрожали колени. Волк, удивленно глянул мне в глаза, совершенно по-собачьи повернул голову набок, рассматривая внимательно, и ещё шире ухмыльнулся...

Вот тут меня понесло. Он что себе воображает? Думает, буду стоять и трястись, как желе на блюдечке? Да щас! Не каменный век на дворе! А уж я, человек, насмотревшийся ужастиков, ни за что не отступлю перед каким-то там волком... Пусть и очень большим... Мамочка, страшно-то как!

Волк, будто прочитав мои мысли, укоризненно вздохнул, наверное от разочарования и поднялся.

Стало стыдно, похоже, я не оправдала его ожиданий. Ведь, по сути, ничего плохого он не сделал. Наоборот — пришёл на помощь...

Рука сама собой поднялась и провела по нависавшему надо мной чёрному носу.

— Павел, а у него имя есть?

— Серый, — помедлив, ответил Павел.

Успела перехватить быстрый взгляд золотых волчьих глаз на оборотня. Что за секреты? Они думают, я совсем дурочка и не заподозрила, что и не волк это, а тоже оборотень?

— Спасибо, Серый, как бы там тебя ни звали на самом деле, — не удержалась от шпильки.

Волк опять оскалил в ухмылке острые зубищи, которые вдруг стали совсем не страшными. Потом подошел к Прибою и, осторожно прихватив зубами, стащил с его спины мою котомку прямо с Мирлисом, который затихарился внутри. Только рыжее ухо отсвечивало на солнышке ярким пятном.

Павел скомандовал:

— Коня отпусти. Нельзя ему в городе появляться, внимание привлекать будем.

Шагнула к Прибою, хотела снять узду, но он отстранился, вздернув голову. Потом скосил глаза себе на спину и мотнул болтавшимися поводьями. Кажется, поняла. Перекинула повод через голову и закрепила, чтобы не болтался, погладив на прощание кругую тёплую шею, и едва удержалась на ногах, когда конь ткнулся лбом мне в плечо. Снова погладила, и в моих руках оказалась тонкая прядка шелковистых волосков. Павел охнул.

— Что такое?

Оглянулась на оборотня, едва не выпустив шерсть из пальцев.

— Держи крепче, — рыкнул Павел. — И спрячь. Если придёт крайняя нужда, а плетё пропадёт, бросишь эту шерсть в воздух и конь придёт к тебе.

Сжала кулак изо всей силы, в носу защипало, обняла широкую крепкую шею.

— Солнце мое, спасибо тебе, — проговорила, едва не захлопав носом, разом простив все выходки, так растрогалась.

Прибой ещё раз ткнулся лбом в меня и легким шагом двинулся по тропе в лес в сопровождении Серого. Смотрела им вслед, пока не скрылись среди деревьев. Сердце сжималось от нежности — у меня, похоже, ещё два друга. Удивительно. В этом мире всего ничего, а друзей уже больше, чем дома. Если так пойдет, домой не захочу возвращаться! Ну,

как с ними расстаться?..

— Так, хватит сырость разводить, — предотвратил слезоразлив Павел. — Инар, отправляйся с Настей, я вас догоню, как договорились, ждите на месте.

Инар, всё это время молча наблюдавший за прощанием, кивнул. Павел одним лёгким движением взлетел на спину своего скакуна. Опять позавидовала лёгкости прирожденного конника. Мне так никогда не взлетать в седло. Я создана исключительно для удобных кресел в машинах.

Павел ещё не успел скрыться, как Инар уже пристроил мою сумку у седла и помог взобраться на спину тяжело вздохнувшей Каштанки.

— Не грусти, подруга. До города не далеко, да и я немного привыкла к седлу... Надеюсь...

Последнее пробормотала едва слышно, заметив косой взгляд своей лошадки, определённо примерившейся отколоть какое-нибудь коленце.

Из котомки донесся хмык Мирлиса, таившегося до этой минуты.

Придорожные кусты миновали по едва заметной тропке и влились в череду путников, следовавших в Васильевск.

Оборотень спешил, мне пришлось всё внимание уделить управлению капризной кобылкой, которая то и дело норовила то укусить попутчиков, то стащить что-нибудь с их возков.

В конце-концов, Инару цирк надоел и он, перехватив у меня повод, привязал его к своему седлу, сердито зыркнув на меня глазами. А я что, я вообще ничего. Каштанка это ему не Прибой! Тот вёл себя прилично, а эта хулиганка меня за главную не воспринимала с самого начала, так чего ж он хочет? Поняв, что я больше не управляю, лошадка тут же стала паинькой и послушно засемила за оборотнем, демонстрируя, что именно его руководства и добивалась. А то взгромоздили на спину какую-то недотёпу. А она лошадь приличная, ей недотёпы не интересны...

Ну и пускай. А я и не расстроилась. Осталось больше времени рассматривать путников и их средства передвижения.

Рассмотрела, что дорога, оказывается, вымощена тёмно-красным гранитом. Что в сторону Васильевска двигалось гораздо больше народу, чем в прошлый раз. Были и конные и пешие, большинство же — на телегах. Грузёные, что называется «под завязку», разным добром и целыми семьями хозяев, эти колымаги стучали обитыми железом колёсами по камням, производя основной шум.

Порадовало почти полное отсутствие пыли. Был, правда, один момент, когда пришлось немного пропылиться. Со стороны города с криком, посвистом и гиканьем нёсся отряд всадников, окруживших пару карет, резво вылетевших из-за поворота. Они пролетели мимо. Не успела рассмотреть, кто сидел в первой, а вот за окошком второй промелькнуло лицо, как мне показалось Несмеяны.

Неужто жених нашёлся?

Но задавать вопросы не рискнула. Шум и гром, пока они не скрылись из виду, стояли такие, что казалось собственных мыслей не слышно. Я пожалела сидящих внутри гремящих ящиков, не хотелось бы оказаться на их месте. Меня не вдохновили даже золотые украшения, развешанные по карете, где только можно.

Путники торопливо бросались к обочине, малопроторенных торопили плети верховых сопровождения. Однако, успела заметить, как поднятые плети разом опали, и вместо ударов,

два всадника, едва посторонившихся с пути грохочущего экипажа, удостоились учтивых поклонов.

— Эльфы, — ответил Инар на незаданный вопрос, едва повернувшись в его сторону.

Удивительно догадливый парень!

Внутри тут же подняло голову жгучее любопытство. Как же — эльфы! Сколько о них сложено сказок! Хоть бы глазком... Инар только улыбнулся на мой молящий взгляд и пришпорил коня.

Догнали мы парочку не скоро. Точнее это они, заметив наши манёвры, придержали коней и подождали. Инар учтиво раскланялся и завел разговор на певучем языке. Я же старательно удерживала едва не отваливающуюся челюсть. Сплошное разочарование!

Ждала чего-то эдакого, таинственно-утонченного. Сияющих волос и глаз, звонких хрустальных голосов, и прочего, прочего, прочего. Короче — ждала чуда...

Ха! Передо мной были сухопарые мужики, чем-то отдалённо смахивавшие на Ветра. Инар на их фоне смотрелся богатырем. Впрочем, присмотревшись внимательней, поняла — у них в отличие от людей и оборотней, очень тонкий костяк. Впечатление, словно парней лет 20 вытянули вверх, да так и оставили. Ощущение удлинённости создавали и прямые длинные волосы, у одного завязанные в низкий хвост, у другого — заплетённые в косу. Уши действительно отличались от человеческих, их тоже вытянули, но совсем немного. Для равновесия в ушах покачивались массивные металлические серёжки, оттягивая мочки. Чем-то их облик напоминал истуканов с острова Пасхи.

Голоса вовсе не были «серебристыми», а глаза «лучистыми». Один говорил мягким тихим баритоном, голос второго отдавал хрипотцой. Невольно представила, как сливаются их голоса в лесу с шелестом листвы и гулом стволов лесных великанов. Глаза размером не превосходили ни человеческие, ни оборотней, удивил разве только цвет. Радужка менялась в зависимости от освещения словно александрит — от изумрудной зелени до глубокого фиолетового.

Короче — если эльфы и удивили, то своей не удивительностью. Встреть одного из них по пути на работу — внимания бы не обратила! Так себе — тощий мужик и ничего более.

Единственное, что восхитило — кони!

Отрада была права. Если скакуны оборотней выглядели сказочно, то эльфийские казались инородными, словно выходцы из другого измерения. Они передвигались, грациозно скользя над землей, казалось, не достаивая её прикосновения копытом. Тонкие, как паутина, гривы и хвосты, каждая шерстинка создавала призрачное сияние вокруг животного. Точёные ушки беспрестанно двигались, ловя малейший звук. Чуткие, тонко вырезанные ноздри ловили неведомые ароматы. Тонко украшенная серебром сбруя для красоты — эльфы сидели верхом, не прикасаясь ни к поводьям, ни к стремянам. С завистью взирала на эту лёгкость — мне бы так!

Пока рассматривала новых спутников, Инар закончил разговор.

— Завтра большая ярмарка, для нас это очень неудачно... — повернулся ко мне.

— Почему? — перебила, забыв о вежливости.

Тут же поймала лёгкую улыбку эльфа, показавшуюся насмешливой.

— Много народа, сложно проследить за твоей безопасностью, — спокойно, как маленькой капризной девочке, пояснил Инар.

— И что, мне в гостинице сидеть?

— Не волнуйтесь. Наверняка, царевна свяжется с вами быстро, — вступил на

чистейшем русском эльф с хвостиком.

Меня сначала бросило в жар — выходит, Инар ему всё рассказал?! Потом возмутилась — видали наглеца? Не поздоровался, не представился, а влез в чужой разговор. Возмутиться вслух не успела. Инар так глянул, что без слов поняла свою неправоту. Пришлось прикрыть рот и сделать вид, что не очень-то и хотелось.

Мужчины опять начали обмениваться непонятными мне фразами, Инар внимательно смотрел на проезжавших мимо путников, пришлось и мне вернуться к созерцанию. Когда ещё будет возможность посмотреть на людей этого мира.

Пару раз пролетали ковры-самолеты, которые уже не вызвали первоначального удивления. Ну, ковёр... Летит. Ну, гружёный. Бывает...

Монотонные движения Каштанки навевали дрему. Инар приблизился. Наверное, решил ловить, если начну падать.

Опять поймала насмешливые, как показалось, взгляды со стороны эльфов. Так хотелось показать язык! Но постаралась сдержаться. Я воспитанная девушка!

Впрочем, вскоре показали ворота города. Эльфы прибавили ход и, пользуясь тем, что их пропускают без задержки, скрылись за стенами города раньше нас.

Преодолели ворота и мы без особой задержки. Я удивленно покосилась на Инара, вспомнив, как Еремеевна удивилась присутствию оборотня в городе. Но спрашивать при посторонних не стала, кто его знает, чьи уши рядом околачиваются, Мирлис вон, сидит в сумке и до сих пор не высовывается, наверняка не без причины. Инар сразу за воротами отвязал повод Каштанки и вручил мне.

Проехав до главной площади, где шумела ярмарка, по краю пробрались до небольшого переулочка и подъехали к боковому входу в двухэтажный каменный дом.

Большие ворота оказались гостеприимно распахнуты. Нам не удивились, наоборот, едва проехали в ворота, тут же подскочил парнишка, ухвативший поводья лошадей.

Инар слетел с седла сам и помог мне сползти на землю. Одной рукой ухватил сумки и отдал распоряжения на счет лошадей.

Парнишка, получив небольшую монетку, радостно кивал, внимательно слушая указания, и увёл лошадей в глубь двора.

— Пока остановимся на постоялом дворе. Надо сообщить царевне Василисе, что ты вернулась, — наконец повернулся ко мне оборотень. — Сейчас иди за мной и, умоляю, не комментируй увиденное в своей обычной манере. Здесь народ к такому не привык, да и мне будут мало рады. Не надо обострять... Пожалуйста.

Вот не добавь он это «пожалуйста», честное слово, точно не сдержалась бы! Колкий ответ уже просился с языка. Но раз так, помолчу, что мне жалко, что ли?

Пожала плечами, одновременно кивнув головой. Инар посмотрел мне в глаза и вздохнул. Потом встряхнул слегка мою котомку, словно предупредив и рыжего сидеть смирно. Из сумки не донеслось ни звука. Что ж, молчание — знак согласия. Мы направились к двери в гостиницу, или как её тут называли «постоялый двор».

Хозяин встретил, едва перешагнули порог. Быстрым взглядом оценил одежду, сумки и, вероятно, придя к выводу о нашей платежеспособности, заулыбался.

— Прошу, прошу! У нас как раз освободились комнаты. Не лучшие, уж простите, но... И тут он замолк... У входа выросли две высокие тонкие тени. Едва скользнули в дверь, тут же узнала старых знакомых. Вот интересно, откуда они тут? И случайно ли? Мало верю в такие случайные встречи...

Эльфы скользкими шагами подплыли к нам и заулыбались, словно и не расставались вовсе.

Ох, не нравится мне это!

Инар отреагировал спокойно, а вот хозяин напрягся, хотя сиять не перестал, должность обязывает. Клиент есть клиент, да Инар и в прошлый раз говорил, что эльфам не отказывают в человеческих городах.

Эльфы высокомерно справились, есть ли свободные комнаты. Даже мне было ясно, вопрос задан из вежливости, и гости не сомневаются — не найтись мест не может. Хозяин отеля под названием «постоялый двор Три весёлых путника» тяжко, как можно незаметнее, вздохнул, закивал, и предложил следовать за ним.

В какой-то миг показалось, что для нас с Инаром мест не найдется. Бросив взгляд в нашу сторону, толстяк предложил обождать в общем зале. Не угадала. Повеселев, после того, как спровадил высоких (во всех смыслах) гостей в их апартаменты, хозяин колобком скатился к нам.

— Вам, господа хорошие, комнату одну, или как?

Инар вспыхнул и возмущенно приподнялся с лавки. Я реагировала спокойнее. Ещё бы, в наше время это предположение мало кого шокирует, скорее, при внешности оборотня, польстит. Поэтому, быстро положив руку на локоть парня, ответила сама:

— Или как, пожалуйста.

Хозяин осмотрел меня, произведя переоценку. Подумал-подумал и решился.

— А не позволите ли узнать, по какой надобности в наши края прибыли?

Мило улыбнулась, сделав вид, что не поняла причины любопытства — дескать, что ты, человек, делаешь рядом с оборотнем. Не обратила внимания на возмущённый взгляд оборотня. Да помню, что обещала молчать. Но если сам на глупые вопросы только фыркает, мне что прикажете — сидеть и ждать, пока он отношения трактирщиком выясняет? А я устала, есть хочу!

— По делу мы. Государственной важности, — понизив голос до предела, посвятила собеседника в «страшную тайну».

— Ага, — закивал хозяин. — Не извольте беспокоиться, комнатки для вас есть. Прощения просим, не лучшие, но сами понимаете...

Хозяин развел руками.

— Ведите!

С видом наследницы престола, последовала за хозяином, милостиво согласившись на «не лучшие комнаты». Дескать, что делать, попробуем пережить.

По деревянной скрипучей лестнице поднялась вслед за сияющим хозяином. Толстячок радовался, словно я его любимая бабушка. Странно, особенно если припомнить его бледный вид, когда эльфы вслед за нами возникли у порога.

Длинный полутёмный коридор, освещённый расположенными в двух концах окошечками, выглядел убого. Скрипучие половицы заставили думать о возвращающихся с попойки гостях — тут ни один гулящий муж не смог бы утаить от своей половины ночные похождения. Даже если этой самой половине пачку димедрола скормить. Придётся затыкать уши, иначе не уснуть.

Хозяин услужливо открыл двери двух комнат, расположенных почти у самой лестницы.

— Выбирайте, кому какая, господа хорошие.

А чего, спрашивается, выбирать? Не «отель пять звезд». Переглянувшись с оборотнем,

прошла в ближайшую дверь.

— Настя, отдохни немного, зайду перед обедом, — проговорил Павел, подходя к своей двери.

— Договорились, — не до разговоров тут.

С любопытством оглядела небольшую комнату. Интересно, что хозяин этого заведения подразумевает под «лучшими» номерами? Эта не лучшая устраивала вполне.

Широкое, но невысокое оконце выходило на рыночные ряды, где трудились, распрягая лошадей и устраивая свои возы, крестьяне. Лавочники поглядывали на них снисходительно — ещё бы, белая кость, не то, что лапотники (кстати, лаптей и тут не заметила). Шум едва доносился, но стоило открыть окно — ворвался такой гомон, хоть беги. Быстро захлопнула створки и порадовалась местной звукоизоляции. Стены, обитые подвыцветшим ситчиком в мелкий цветочек, чисто обметены, нигде не пылинки, ни паутинки. Работала прислуга на совесть.

Задёрнув светлые ситцевые занавесочки на окне, приступила к осмотру мебели. Её оказалось немного, но вся добротная, даже покрытая лаком или чем-то вроде того.

Неширокая кровать на одного, стоило на неё присесть, предложила свои пышные объятия. С трудом отказалась от предложения, поднявшись на ноги и вздохнув. Скорее бы вечер — после всех этих ночёвок в лесу и тряски в седле, никакой обед не мог сравниться с желанием вытянуться на мягком.

Нет, надо ополоснуть лицо, иначе не выдержу и завалюсь спать, как минимум, до утра.

Еще раз смотрелась. У стены притулился комод, у входа небольшой шкафчик. У окна крохотный столик и стул рядом с ним. И никакого намёка на умывальник. Та-ак, уже интересно. Я особо не рассчитывала принять душ, или (за что отдала бы сейчас душу) ванну, но уж о кувшине с водой могли позаботиться?

Для начала решила повесить куртку в шкаф, а уж потом идти на поиски хозяина. Дверцы тихо скрипнули. Любят же здесь всё скрипучее!

Вместо полка или вешалок, за дверцами обнаружила прозаичный рукомойник с медной, надраенной до солнечного блеска, раковиной.

Осмотрела приспособление для мытья. Обычная раковина, от которой входила в стену труба. Совсем как дома. Потыркала носик рукомойника — потекла вода. Конструкция знакомая с детства по бабушкиному дому. Такие рукомойники, наверняка, использовали ещё при царе Горохе. Вот только странные металлические пумпочки сбоку. Одна беленькая, другая жёлтенькая, обе начищены до блеска, огнём горят. Интересно, для чего? Осторожно нажала беленькую.

И что? Повторно осмотрела рукомойник — никакой реакции. Снова подёргала носик — вода стала холоднее, словно льда добавили. Ого! Ткнула пару раз жёлтенькую — потекла тёплая вода. Потыкала ещё и, наконец, с наслаждением умылась горячей водой.

С удовольствием утершись пропахшим травами полотенцем, пришла к выводу — будь в «лучших» номерах рукомойник даже золотой, лучше мне всё равно не стало бы. Кажется, в этом мире жить не так уж плохо.

В дверь постучали.

— Входите, — тут же отозвалась я.

Получив мощный заряд положительных эмоций, готова поделиться ими со всем миром.

Вошел Инар. Ему хватило одного взгляда на приоткрытую дверцу.

— Вижу, разобралась? Хорошо. Уборные в конце коридора. А вот помыться можно

только во дворе. Баня здесь очень хорошая — есть даже отдельные кабинеты на западный манер.

— Ишь ты, совсем как дома.

Парень улыбнулся.

— Настя, мы не так плохо живём, как ты думаешь. Пойми, время шло и для вас, и для нас. Да, мы не можем иметь многие вещи, но и мы не стояли на месте. Вместо механики у нас магия, и поверь, она применяется в обыденной жизни даже среди людей, не говоря о прочих народах.

— Убедил, — кивнула на шкафчик. — Так там, и правда, магия?

— Конечно. Хозяину дешевле купить несколько магических умывальников, чем держать кучу прислуги, которая утром будет носиться как угорелая, а днем валять дурака. Так во многом, сама увидишь.

— Что-то не замечала любви к магии в доме Михала. Там мне поливали ковшиком.

Инар открыл было рот, но понял моё настроение и решил не спорить.

Действительно, каждый живет, как ему хочется. Разве отказалась моя собственная бабуля от самовара, для которого приехавшие на отдых дачники собирают горы шишек в запас, имея в доме электрический чайник и газовую плиту. Попробуйте её заставить попить чайку из чайника! Да она эту «гадость» и в рот не возьмёт и своим гостям не даст взять. Вот и пытит монстр на два ведра целый день, поглощая дрова и шишки в невероятных количествах. А электрический чайник украшение серванта.

Рассмеявшись, забрала у оборотня протянутую котомку, которую забыла взять до этого, удивилась отсутствию в ней Мирлиса. Но вопросы задавать не стала. Бросила котомку на кровать и направилась к двери. Действительно, если уж здесь ковёр-самолет нормальное явление, то умывальник или самовар, которые сами будут греть воду, ерунда. «Элементарно, Ватсон».

* * *

Должна признать, сервис приятно удивил.

Едва устроились за столиком, подлетел разбитной паренек, сверкнул белозубой улыбкой и весело поклонился моему спутнику.

— Что господам угодно?

— Господам угодно пообедать, — спокойно проговорил оборотень. — Что у вас есть?

— Щи вчерашние, уха и суп грибной. Есть биточки, свиные ножки, яичница. Ну и капуста тушеная, каша гречневая. Блинки и расстегаи. Расстегаи сегодня особенно удались, — интимно проговорил слуга.

— А салатик какой-нибудь, — жалобно проговорила я.

Опять нажрётся! Скоро ни во что не влезу. Ещё утром заметила — брюки стали узковаты.

— Салатик? — задумчиво почесал подбородок парень.

— Из зелени и овощей что-нибудь, — пояснила я.

Парень задумчиво посмотрел на потолок, словно пытаясь найти там незнакомое слово.

Пришлось пояснять:

— Помидорки там, огурчики?

Парень расцвел.

— Ну, как не быть, есть!

— Вот и ладно. Неси, что есть, и сметанки!

От предвкушения у меня потекли слюнки. Сколько дней салата не пробовала! Поймала насмешливый взгляд Инара. Что это он? Перевела глаза на служку, пялившегося на меня, как на ненормальную.

— А мяса, рыбки? Колбасы есть свежие...

Ещё раз взглянула на оборотня. Что-то в его лице заставило меня передумать.

— Омлет?

— Сделаем!

Успокоенный решением вопроса, парень повернулся к Инару. Заказ того был более традиционен. Оборотень предпочел свиную ногу с гречневой кашей. Приказал принести кваса и расстегаев. Я невольно хмыкнула. Не могу себе представить — расстегаи с квасом!

Однако, когда заказ оказался на столе, а перед моим носом выставили тарелку (точнее блюдо) с зеленью и наваленными кучкой овощами, мне взгрустнулось. Омлет не утешил... Аромат жареной свинины валил с ног, едва не захлебнулась слюной.

Бросив насмешливый взгляд на моё блюдо, Инар отхватил от свиной ножки (габариты ножки впечатляли, какого же у них тут размера поросёта, с бегемота что ли) кусок, положил передо мной, снисходительно отказавшись от предложенной зелени. Расстегаи оказались действительно хороши. Чем их начиняли, плохо разобрала, но с квасом пошли на «ура».

Едва последний кусок исчез, возле стола, как по волшебству возник хозяин. Его радостная физиономия насторожила. Так улыбаются в предвкушении или большой радости, или большой прибыли. Радость мы доставить ему вряд ли можем, а вот прибыль... Глянула в сторону безучастно взиравшего на лебезившего хозяина оборотня.

Инар взял на себя переговоры с сияющим трактирщиком.

— Что угодно, милейший? — протянул он.

— Так я что, я ничего, — залебезил хозяин. — Там вас, значит, спрашивают, — он угодливо захихикал.

Эк его. Надо же, а по началу казался нормальным человеком. И здесь связи с властью творят истинные чудеса с окружающими. Мне стало грустно. Везде одно и то же.

Покосившись в мою сторону, Инар поднялся из-за стола, сделав знак оставаться на месте. Ха, это что за новости? Возмущённо проводила взглядом спину оборотня. Прожечь не удалось, даже не поёжился. Ну, ничего, ты ещё своё получишь, мальчишка! Дай срок!

Несколько минут провела в гордом одиночестве, охладив возмущение остатками кваса.

Пока оборотень отсутствовал, рассматривала зал, со стенами, расписанными диковинными картинами. Народ за соседними столами не обращал на меня внимания. Ну, сидит девица и сидит. Никакого удивления этот факт не вызывал. Похоже, здесь уже не было требований к женщинам сидеть по теремам.

Рассматривая зал, пропустила момент появления знакомых. Опомнилась только от толчка в спину и последовавших за ним бурных извинений от громилы, перепугано пятившегося от моего взгляда. Что это его так корежит? Я не Горгона, никого не трогаю. Едва он отошел, заметила, что столы вокруг пустеют. Громила был из последних и самым неуклюжим, или не протрезвел с утра. Посетители, выбравшие места неподалёку от нашего стола, испарились, да и сидевшие в отдалении притихли.

Естественно, меня заинтересовало непонятное поведение народа. До этого момента никто не отличался особой скромностью. Даже присутствие женщины (то есть меня

любимой) не останавливало большинство от крепких словечек. Осмотрелась и только тут углядела потрясающее зрелище.

От двери во внутренние помещения направлялись к нашему столу две тонкие, как хлысты фигуры, обряженные в зелёное. Я с трудом признала знакомых эльфов. Странное к ним отношение у здешнего люда. Вроде уважают, даже восхищаются! Эвон как тот паренек смотрит на длинноволосых... С другой стороны ведут себя рядом с эльфами так, словно они бомба с часовым механизмом, причём не известно, на какое время выставлены часы.

От двери на улицу двигалась другая процессия. Впереди Инар, спокойно огибая столики и не обращая внимания на тревогу посетителей, за ним Павел. Всё такой же потрясающе прекрасный, особенно по контрасту с низкорослым хозяином, даже если это возможно, ставший ещё краше — весь в коже и заклёпках. За ними с похоронным выражением лица, странно сменившим сияние, хозяин, уныло посмотревший на меня. Искренне стало жаль толстячка. Из-за Павла сразу не углядела, что за хозяином, задрав хвост трубой, вышагивал оранжевый кот. Ну надо же, и Мирлис выбрался! И когда только? Думала, пригрелся в комнате и заснул. Оказывается, уже успел Павла где-то повстречать!

Шедший последним, хозяин, как ни удивительно, у стола оказался первым. Остальные подошли одновременно.

— Может господам угодно будет перейти в отдельную залу? — без особой надежды в голосе простонал он.

Мне стало жалко человека. Вот за что ему такое. Хотел подзаработать на ярмарочной неделе, а тут какие-то типы! Мало того, что особого внимания требуют, так ещё и прочих гостей распугивают. Не знаю, что собирались ответить остальные, но мужчины ещё только открывали рты для ответа, а я уже вырвалась вперед.

— Угодно. Куда?

Хозяин на радостях опять засиял, словно ему рубль подарили, и бросился в сторону лестницы, под которой виднелась дверца.

— Сюда, сюда прошу!

Его благодарный взгляд сказал, что я теперь лучший друг и любимейший постоялец. Хм, ещё поверить бы этому!

«Отдельная зала» оказалась небольшой комнаткой, в которой расположились без тесноты стол, вокруг него... Не знаю, как назвать — кресла без ручек, или стулья, с обивкой и спинками от кресел... В общем — шесть предметов для сидения, но не табуреток. Шкаф со стеклянными дверцами, за которыми поблёскивала металлическая и стеклянная посуда. На стенах, для красоты, расположились натюрморты, от одного взгляда на которые, слюна заполняла рот. Да уж, хозяин не поскупился на роскошь.

Мужчины расположились за столом. Хозяин принял заказ и испарился. Я смотрела на сидевших вокруг стола красавцев.

Немного напрягало молчание некоего оранжевого кошака. Пока хозяин принимал заказ, с его стороны не раздалось ни звука. А может его не пустили в это обиталище избранных?

Рано радовалась. Едва в общем зале раздался голос трактирщика, отдававшего распоряжения слуге, как из тени возникло оранжевое чудо и легко вспрыгнуло на мой стул, на который я ещё не успела присесть.

Ничего себе! Совсем охамел! Здорово получается — мужики сидят, а я что, стоять должна?! Есть же ещё свободный!

Павлу хватило одного взгляда на меня, второго на Мирлиса, и место освободилось.

Милостиво глянув на помощника, не стала делать замечание о том, что мужчины сели раньше дамы. Невоспитанность, конечно, но кто его знает, как тут у них принято?

Высокое собрание молчало.

Мирлис гипнотизировал меня взглядом, давая понять, что последнее сиденье ему не по нраву. Проигнорировала нахала. Поэтому он осторожно взобрался на свободный стул и только тут поняла, в чем дело, стул никто не удосужился отодвинуть подальше от стола и теперь рыжему ничего не видно. Пришлось, с тяжким вздохом, подхватить его под пузо и, с натугой подняв, усадить на край стола.

Эльфы удивленно смотрели, явно сочтя поведение нашего дуэта неприличным, но их мнение меня не интересовало, Мирлиса тем более.

Проскользнувший в комнату хозяин едва удерживал в трясущихся руках тонко позвякивавший, накрытый шёлковой тканью поднос. В глазах эльфов что-то дрогнуло. Ха, оказывается, они не так уж отрешены от мира! Трактирщик с поклоном испарился, оборотни выжидательно смотрели на эльфов. Хотела бы знать, с чего такое почтение к тощим? Судя по комплекции, тот же Павел одной рукой уделает обоих...

Пока раздумывала, покров тайны соскользнул с подноса. Ну, и что там такое? Бутылка вина и несколько бокалов? Скажите на милость, чудо какое. Мужикам только дай повод... Вот и эти, кажется, решили обмыть знакомство.

Язык начал подергиваться от желания съязвить, но, наткнувшись на предостерегающий взгляд Мирлиса, прикусила свой язвительный орган. Та-а-ак! Кажется рыжий в курсе происходящего. Кроме меня, похоже, все знают тему заседания, я одна, бедняжка, теряюсь в догадках. Хорошенькое дело! Это называется «без меня меня женили»? Ладно, ещё чуть-чуть помолчу, а потом вся эта компания нелюдей получит своё.

Тем временем эльфы со всеми возможными предосторожностями, тщательно осмотрев пробку, сбили сургуч. Под ним оказалась синеватая смола, сама сползшая с пробки как сироп. Показался слой голубоватых листьев, на глазах принявших ярко-зелёный цвет. Дождавшись этого момента, эльфы в четыре руки удалили листья, почерневшие, едва коснулись столешницы. Комнату заполнил аромат. Когда пробка выскользнула из тонкого горлышка, наполнявшее помещение благоухание охватило со всех сторон, неся блаженство, едва не причиняющее боль. Разделить его на составляющие невозможно. Ноздри жили собственной жизнью, втягивая его, заставляя забыть о рассудке.

Но где-то на заднем плане, сквозь райскую истому, пыталась назойливой мухой пробиться посторонняя мысль. Что за мысль, до сих пор понятия не имею, но она страшно мешала. Я оторвала (с большим трудом, должна честно сказать) замороженный взгляд от поигрывавшей бликами свечей бутылки.

Мне хотелось петь! Казалось, лежу на лугу, залитом полуденным жарким солнцем, ощущение — оттолкнись от земли и полетишь!..

Оказывается, не одна я поддалась чарам. Оборотни реагировали иначе. Их глаза заблестели, оба подобрались как для прыжка, готовые к схватке. Мирлис балдел, как от валерьянки. Эльфы, чуть склонившись к бутылке, впитывали аромат...

Иглой кольнул острый взгляд эльфа, из-под ресниц брошенный на оборотней. Ой, не нравятся мне такие взгляды! Оборотни же забыли обо всём. А может мне это чудится? Нет! Вот ещё один и быстрый обмен взглядами. Ох, затеяли длинноволосые что-то!

Как можно незаметнее просунула руку под рубашку и прикоснулась к талисману...

Наваждение выветрилось из головы. Снова я могла мыслить трезво, а талию охватывало

тепло. «Спасибо» — мысленно произнесла, ещё раз коснувшись спрятанной под рубашкой цепи, и толкнула Мирлиса в бок, едва не переломав пальцы.

Рыжий, надо отдать должное, тут же очнулся и возмущённо глянул на меня. Теперь уже я дала ему взглядом команду заткнуться, едва его рот начал приоткрываться. Хватило, не первый день знакомы.

Между тем Павел и Инар уже не сверкали глазами, а будто погружались в себя. Тела их были всё так же в полной боевой готовности, вот сознание, похоже, поплыло в дальние края.

Как позже узнала, этот сорт эльфийского вина, действует на представителей других рас наркотически. Правда, только в первый раз. Сами эльфы это вино за пределы своих владений выпускают крайне редко — рецепт не для массового производства. Вино это ценится дороже золота, прежде всего за мощные целебные свойства. Причём для всех рас. Травы в вине очень редкие, но доступны, дело в чём-то другом. Есть секреты, которые из эльфов не удалось вытянуть ни хитростью, ни золотом, ни силой, ни магией.

Для чего пара длинноволосых притащила подобную редкость в Васильевск, осталось только гадать, на эту бутылку можно было купить небольшой человеческий город.

По счастью Мирлис это знал, и к тому же отличался умом и сообразительностью, как птица Говорун. Уловив подвох, Рыжий со вскрипом повалился на бок, да так удачно, что произвёл на столе максимально возможный разгром. Сидел на краю стола, а за последнее время его фигура значительно округлилась, бросок потрянул весь стол и перевернул похожие на мыльные пузыри хрупкие бокалы. Грохнули они мелодично, мне понравилось, но главное очень громко. В дверь влетел хозяин, побелевший при виде битого стекла. Потом по его бледным щекам прокатилась нежно зелёная волна, смешавшаяся с возвращением красок, едва увидел целую и невредимую бутылку в руках эльфа, невесть как, успевшего её подхватить.

На победный взгляд Мирлиса украдкой показала большой палец. Мальчишка далеко пойдёт, если выживет, что под вопросом.

Оба эльфа и трактирщик глянули на рыжего так, что ещё минута и на столе останется только обугленная тушка... Пора спасать спасителя... Или нет?

Взгляд в сторону оборотней... Спасители найдутся и без меня. Оба очухались и сурово сдвинули брови. Ага, и что бы они без нас с Мирлисом делали?

Быстро, благодаря практике, разобравшись что к чему хозяин, мгновенно заменил посуду, здраво решив поднять скандал позже. Зелёная струя потекла в не столь изящные, но более устойчивые бокалы.

Эльфы, снова приняв невозмутимый вид, раздали, наполненную на палец, посуду присутствовавшим, едва за хозяином закрылась дверь.

Один бокал достался даже рыжему, наверное в насмешку. Похоже, казнь откладывается. Я с любопытством смотрела на приятеля — как справится с задачей? Раскормленная морда не пролезет в бокал. Он презрительно глянул в мою сторону и принялся наслаждаться божественным ароматом, делая вид, что ему и этого достаточно. Пришлось подняться и достать из шкафа резную стеклянную мисочку, куда, под молчаливым неодобрением мужчин, вылила содержимое бокала Мирлиса.

Когда села, мужчины, приветственным жестом подняли бокалы и, не чокаясь, пригубили.

Последовала за ними и пропала! Едва попав на язык, вино впитывалось, оставляя после себя вкус нектара и амброзии и наполняя каждую клеточку тела жизнью. Теперь знаю,

откуда пошли легенды о рационе богов, и почему простые смертные в моем мире не забыли этот вкус. Он отложился где-то на уровне генетической памяти и прошёл сквозь тысячелетия...

Пока смаковала крошечные глоточки, за столом начался разговор, ради которого все мы собрались. Но я выпала из реальности, наслаждаясь каждой каплей нектара... Заметила это только когда вокруг стало тихо. Открыв прижмуренные от неземного счастья глаза, обнаружила, что четверо мужиков и кот требовательно смотрят на меня. Словно по сто рублей каждому должна. Помолчав с минуту, они переглянулись.

— Ну, так что скажешь? — начал Павел...

Кажется, он это уже говорил? Или нет? Не понимаю, что и о чём должна сказать. Павел понял, в каком я состоянии и тяжко вздохнул.

— Мы говорим о том, как тебе вернуться домой.

— А-а, — глубокомысленно протянула, изображая понимание, хотя ничего не поняла.

О чем тут говорить? Решили ведь, что мне надо помочь Василисе.

— Я не уловила в чем суть проблемы?

Эти негодяи смотрели как на слабоумную. А чего спрашивается?

— Мы же тебе сказали... — завёл Павел...

Что он ещё говорил, не слышала, глаза увидели пустой бокал. Интересно, кто его допил? Я так сэкономила, лизала, можно сказать по капле, а какая-то сволочь... Бокалы мужчин возмутительно подмигивали зелёным. Себе ещё налили, а мне?!!

Протянула бокал и потребовала:

— Ещё!

Что удивило эльфа? Он посмотрел на Павла, тот сидел с отвисшей челюстью. Я хихикала, уж больно уморительно он смотрелся. И вообще — настроение улучшалось! Сидящие за столом, в общем-то, неплохие люди, точнее не люди... Нелюди. Вон как за меня волнуются, в глазах тревога, даже у Мирлиса. А вина, гады, не наливают. Сами решили все вылакать? Меня понесло.

— Я сказала, ещё вина!

Грозный возглас ошеломил всех. Вот вам! Думали, если я человек — боюсь вас? А вот фигурки! Человек — звучит гордо!

— Она же пьяная! — завопил рыжий кот, нагло рассевшийся прямо на столе.

— А хвостатым слова не давали, — отрезала, щёлкнув его по лбу.

Точнее попыталась — руки устали, язык тоже. Хотела сказать, что нечего мохнатым делать на столе, но Павел подскочил ко мне и попытался отобрать бокал.

Как он оказался у стены, не поняла. Сначала стало смешно, глядя на его задранные ноги, а потом нахлынула злость — и он против меня! Ну, я вам покажу...

Проснулась от шума. Не открывая глаза, прислушалась — неразборчивый гомон, скрип, стук. У-у, опять сосед затеял строительные работы в выходной. И когда надоест? Живёт почти год, сделал ремонт (по словам всезнающий Алевтины Палны «прямо, как во дворце») и никак не успокоится, всё стучит, пилит, скрипит. Впрочем, не права — сейчас только скрипит и стучит. Только стук нестандартный, лошадь он в квартиру притащил, что ли? Да ещё с телегой.

Нога дернулась и толкнула тёплое и мягкое. Небольшое. Что за новости? В ногах кровати кто-то возмущенно заворчал. Я опешила — мало того, что ноги выпрямить не даёт, так ещё и ворчит...

Спустя мгновение меня как холодной водой окатили — кто там может быть? Минутой позже дошло, что ни один человек не станет спать в ногах кровати если есть место лечь нормально... А если это не человек, то кто говорит?

Глаза распахнулись.

Ой, зря они это сделали!

Голова загудела, как от удара. Резкость и контрастность, а так же цветное изображение включилось не сразу.

А лучше бы и не включалось!

Я лежала в низенькой, обитой тканью, явно не своей, комнате. В окно пробивались солнечные лучи, утро, кажется, давно миновало, шум, стук. Всплыло слово «ярмарка», по ассоциации припомнился приезд в Васильевск, дорога, Михал, Яга... Ой, мама родная, так это не приснилось?

— Нет, не приснилось.

Почувствовала, как рядом по одеялу кто-то идёт. Подавив желание сесть (внутренний голос убедительно доказал, хорошим это не закончится), дождалась пока перед лицом возникла оранжевая мохнатая морда.

— Ну, ты бузить горазда, — восхищенно проговорила она.

Точнее он. Ещё точнее эту рыжую язву зовут...

— Мирлис?!

— Ага. Что ж, память вернулась, уже хорошо.

— Она могла и не вернуться?

— Ты хоть помнишь, что вчера учинила? — вопросом на вопрос ответил Мирлис.

Честно задумалась. Помню, как обедали... Или ужинали? Ели, короче. Потом появился Павел... Да! И Мирлис с ним. Отдельный зал... Пили нечто потрясающее...

— Точно, пили, — кивнул Рыжий. — Тебе хватило пары глотков. Хотел бы знать, ты всегда такая буйная во хмелю?

— Буйная, — что-то такое припомнилось, но тут же воспоминание рыбкой нырнуло на дно. — Да я вообще не пью... А что случилось?

Рыжая морда довольно засияла.

— Случилось, — протянул этот начинающий садист.

Кажется то, что нечто кошмарное сотворил не он, доставило Мирлису несказанное наслаждение.

— Ещё как случилось!

Придётся вести с ним беседу как с братцем.

— Ну, и что такого я могла сотворить, — бросила небрежно.

Приняла самый беспечный вид. Зануда клюнул с ходу, но того, что последовало, не могла предположить и в кошмаре.

— Разумеется, — кивнул рыжий, — казалось бы, что может сотворить хрупкая женщина, когда вокруг сильные мужчины? Уточним — в хлам пьяная хрупкая женщина. Так вот, она всего лишь сломала два стула, дверь, лавку, разбила некоторое количество посуды, носов, сломала одну руку (стулом), вывихнула ещё одну, наставила синяков, — он скосил глаз в мою сторону. — Сколько синяков не известно, мало кто будет предъявлять претензии за синяки, поставленные женщиной. Короче — всего на сумму порядка двадцати золотых, учитывая моральный ущерб и прочее. Кстати — на эту сумму можно прожить, далеко не скромно, почти год, — добил он меня.

Всё это смогла учинить я?! И где, бога ради, взять это золото? Да-а, полакомилась. А ведь, насколько помню, спирта в этом вине не больше, чем в пиве, по крайней мере, по ощущениям.

А что если это до Василисы дойдет?!

Дверь приоткрылась и комнату озарило лиловое сияние.

— И это тоже я?!

С ужасом уставилась на фингал, светившийся на глазу Инара. Тот, со странным удовольствием на лице, кивнул.

— И страшна же ты во хмелю, — засмеялся он. — Вроде у Михала мёд пила, а буйствовать не стала.

— Мне не до смеха, — буркнула я. — Мирлис уже сказал, что с меня деньги требуют...

Продолжать не стала, пусть сам додумывает.

— Не замечал за ним такой жестокости, — появился в дверях Павел. — Это ж надо, свалить на больную голову такие жуткие подробности. На, — продолжил уже без иронии, — поправься.

Оборотень протянул кружку с печально знакомым ароматом.

Едва с кровати не свалилась. Это уже не честно!

— Да не бойся. Эдалирион вчера слишком поздно подумал, что надо было разбавить для тебя вино водой. Всё время забываю, что ты человек. Случайность, ничего не поделаешь, — развел он руками.

— Не нравятся мне такие случайности, — буркнула я. — А если учесть, как они пробовали вас обработать...

— Это не доказуемо, — остановил Павел.

— Не дёргайся так, — утешил тут же Инар, пресекая поток моего возмущённого красноречия. — Ведь понятно, им что-то от нас надо. Что — клещами не вырвешь, пока сами не скажут. Ты пойми, эльфы народ особый. Даже феи к нам ближе, да и к вам, людям. А эльфы давно избегают лишнего общения, они слишком отличаются.

Павел присел на край кровати.

— Настя, постарайся осознать. Ты попала в наш мир случайно, хотя мне всё больше кажется, что случайность эта хорошо подготовлена. А ведь мы старались всеми силами преградить путь людям твоего мира сюда в последнее время.

Чтобы не нагрубить сгоряча, пришлось выпить предложенную жидкость. Вода-водой, но вкусно. А вдруг...

— Не опасайся, — успокоил Павел. — Эльфы, не сумев украдкой добиться своего, второй попытки не предпримут. Теперь они или откроются, или потеряют к нам интерес.

— Не потеряют, — шепнул Мирлис, внося свою лепту в разговор.

Все, как по команде, повернулись к дверям.

Вот скажите мне, как можно абсолютно бесшумно открыть скрипучую дверь? Эльфы могут. Пара скользнула в комнату, не скрипнув даже половицей, словно по воздуху. Наша четвёрка настороженно смотрела на гостей.

С этим вином точно не всё в порядке. Казалось бы — сижу на кровати в неглиже, едва прикрытая одеялом (интересно, кто меня вчера раздевал, убью) и ни малейшего стеснения в присутствии трёх мужчин не испытываю. Ну ладно, ладно, двух мужчин и кота неопределенного возраста. Зато, каких мужчин! А тут, выпиваю стакан воды с каплей этой дряни и мне становится не по себе. Это мне, однажды загоравшей на нудистском пляже?! Я так дернула одеяло на себя, что Мирлиса снесло с кровати и откинуло на одного из эльфов, а Павла пару раз перевернуло, только врождённая ловкость дала парню возможность не сесть на пол.

Все смотрели на меня недоуменно. Эльфы в том числе. Похоже, у меня есть шанс добиться невозможного — вывести эльфов из равновесия!

Появление, присланной хозяином, служанки разрядило обстановку.

— Хозяин велел передать, — радостно проголосила розовощекая девица, протягивая на одной руке мою вычищенную одежду, а другой подавая клочок бумаги.

По тому, как дернулись ноздри мужчин, стало ясно — письмо от женщины, они на это дело сразу реагируют. Взяв бумажку в руки, демонстративно обнюхала — пахло очень приятно.

«Анастасия, Михал сообщил о твоей проблеме. Я могу помочь. Но твоим друзьям оставаться в городе небезопасно, поэтому лучше тебе пойти в дом моей нянюшки, она отведёт ко мне. Записку посылаю с Росаной, она подскажет дорогу.

Василиса».

И больше ничего.

Протянула письмо Павлу и попросила мужчин удалиться. Всё ещё не пришедшие в себя, они вышли безропотно, причём Мирлис так и остался на руках эльфа.

Пока одевалась, что отнимает в этом мире несколько больше времени, чем дома, и приводила себя в порядок, на площади начался переполох, шум которого донёсся даже сквозь магически звукоизолированные окна. Не удержалась, выглянула, но ничего не поняла.

На площади происходило нечто похожее на манифестацию. Какой-то мужик вскочил на телегу, стоявшую почти под окном, и орал, яростно взмахивая кулаками. Что орал, за криками толпы, невозможно было разобрать. А толпа на площади собралась знатная. Тут и там мелькали шитые золотом и поблескивающие камнями наряды зажиточного люда, толпились женщины и дети, оттеснённые в сторону от выступавшего. Общий крик стоял такой, что я невольно отшатнулась и захлопнула окно.

Выскочив из комнаты, налетела на бежавшую по коридору служанку. Схватила её за руку.

— Что там такое?

Девушка уставилась на меня ошалелыми глазами, ничего не соображая. Пришлось тряхнуть её за плечи. В глазах появилась осмысленность, хотя паника никуда не делась.

— Нежить напала ночью на Перевоз.

— Перевоз? — не поняла я.

— Деревня тут, неподалёку, — махнула рукой в пространство служанка и истерично всхлипнула: — Всех, ну всех, до единого вырезали...

Глаза её опять начали наполняться ужасом. Я с размаху отвесила пощёчину, рука аж зазвенела, а на бледном лице проступил отпечаток ладони. Ухватившись за щеку служанка потрясла головой.

— Ой, мамонька!

— Что мамонька? — Взъярилась я. — Говори толком, что на площади происходит!

— Трое селян смогли спрятаться и приехали в город ещё ночью. Стражники их выпустили, да к государю доставили. Он отряд отправил, а теперь народ поднялся...

— Что это ваш народ так поздно поднялся? Гляди-ка уже за полдень.

— Так не знал никто. Государь батюшка не велел никому в городе говорить. Отправил воинов на дороги да заставы, да по деревням.

— Очень интересно. Ладно, иди, хозяин наверняка обыскался, пока ты тут носишься.

— Ещё как обыскался, — завопил, поднявшийся в этот момент по лестнице, хозяин. — Я тебя куда послал?! А? Тебе что, занять себя нечем, постояльцев мне пугаешь! Иди на кухню, там посуды немытой от завтрака гора, а народ сейчас повалит, в чём подавать будем?

Его грозно нахмуренные брови подействовали не хуже моей пощёчины. Девка пришла в себя окончательно и уже осознанно помчалась работать.

— А вас, госпожа, ваши друзья в отдельной зале ожидают.

Трактирщик огляделся. Поскольку все постояльцы давно уже были на улице, привлеченные криками, чуть понизив голос, проговорил:

— Только так я вам скажу, не то сейчас время, чтобы с нелюдями общаться. Их, не приведи боги, перебьют, как уж бывало, да и вы можете под горячую руку попасть.

— Не попаду, — успокоила трактирщика, — только вы никого не пускайте, пока мы не переговорим.

— Да что вы, что вы! Ни за что своих постояльцев не выдам. Случись такое, так мне тогда одна судьба по миру с сумой идти. У меня ведь тогда никто и не остановится. Из отдельной залы, — понизил он голос, — есть ход тайный. Всех выведу, и вам, госпожа, бояться нечего будет.

— Договорились, — кивнула я.

Это действительно выход.

Если припомнить из-за какой ерунды на Руси-матушке летели порой безвинные головы, то уж уничтожения населения целой деревни народ не спустит, как пить дать. Потом волосы будут рвать, каяться по монастырям, да дело-то будет сделано. Надо спастись моим новым знакомым.

Судя по рассказам Михала и Инара, они, конечно, могут от толпы отмахаться, сил хватит, но вряд ли станут — могу представить, если один оборотень десятков воинов заменит, что он сделает с крестьянами. Они могут, разумеется, и массой задавить, но крови прольётся... На это ни Инар, ни Павел не пойдут, как мне кажется. Не знаю, как эльфы, но на них надежды у меня что-то мало. А уж Мирлис и вовсе не вояка, ежу понятно.

Едва не кубарем скатившись по лестнице, ворвалась в «зал заседаний», нет, правда, по-

иному назвать представшую передо мной картину нельзя. Даже головой пришлось потрясти, чтобы убедиться — нет, не брежу.

За столом, мирно потягивая из больших кружек и закусывая снеками, расположилась вся компания, спокойно о чем-то переговариваясь.

Боже милостивый! Их сейчас убивать будут, а они, похоже, пивком балуются! Слов нет, одни знаки препинания остались!

— Настя располагайся, — спокойно указал на мое место Павел.

— Это что такое?

— Ты о чем, — осмотревшись по сторонам, переспросил Инар.

— О том, — как можно язвительнее передразнила я. — Сейчас тут толпа будет, а вы пивком балуетесь? Жить надоело?!

— Настя, присядь к столу. Поверь, пока опасности нет, — неожиданно ласково (я даже не сразу поняла, кто заговорил), словно успокаивая маленькую девочку, проговорил молчавший до этой поры эльф.

Столько уверенности было в его хриловатом голосе, что я успокоилась, и усаживаясь на указанное место, только поинтересовалась:

— А что на площади творится, знаете?

— Мы же не глухие, — улыбнулся уголками губ собеседник. — И о ходе знаем. Поверь, пока ничего случиться ни с нами, ни с тобой не может.

— Ладно, — согласилась, поражаясь собственной покладистости. — О чём совещаетесь?

Удовлетворенно кивнув, эльф подал знак своему товарищу, да полно, товарищу ли? Судя по склонённой в коротком поклоне голове, тут скорее отношения из разряда «начальник-подчиненный», да и остальные примолкли, пока эльф успокаивал меня.

— Говорили перед твоим приходом мы о погибшей деревне и о том, какую помощь можем оказать людям.

Мой взгляд скользил по решительным лицам мужчин. Боженька, вот ненормальные! Люди собираются их убивать, а они геройствуют, ну не сумасшедшие? Бежать надо и как можно дальше, а они помогать собрались?!

— Настя, кроме нас поблизости сейчас никого нет, придётся заняться нежитью нам...

— Так люди же считают, и оборотни тоже на деревню напали, — прервала Инара, едва не взыв от отчаяния.

Не дура, поняла, что все как один уже всё для себя решили и теперь просто ставят меня в известность, не интересуясь мнением. Ответом стали успокаивающие улыбки.

— Они знают, что делают, — подал голос рыжий. — А вот тебе действительно опасно оставаться здесь. Тебя с нами видели, значит, могут и напасть.

— И что делать? Вы сейчас воевать отправитесь, а я куда? К няне царевны Василисы через весь город? А если меня в толпе узнают? Мне ведь даже переодеться не во что.

Мужчины задумались. Стало понятно, насколько осложнила выполнение, уже принятого, решения.

— Ладно, сейчас пойду к хозяину, может быть даст что из одежды. Попробую замаскироваться.

— Нет, сделаем иначе, — остановил меня эльф.

Опять в его голосе звучали командные нотки. Помолчав, поднялся.

— Сейчас все, кроме Мирлиса, покидаем город. Мирлис отправляется к Еремеевне. Она

ведунья, сама знает что делать. Ты, Настя, подождёшь Мирлиса или её посланца у городской стены. С тобой останется Инар. Мы и Павел отправляемся в деревню, посмотрим что там и как, решим по обстановке. Не спорь, — жестом остановил он возмущение парня. — Настю надо охранять, пока она не вернется в город. Потом отправишься к ковалю Михалу, он скажет, чем дальше заниматься. Не переживай, — заметив огорчение парня, успокоил его, — дела всем хватит.

Командные интонации и внутренняя уверенность произвели такое впечатление, что даже я не решилась возражать. Да и что возражать, собственно...

Додумать не дал хозяин, едва стукнув в дверь, ввалившийся в комнату.

— Господа хорошие, уходит вам надоть, — затараторил он. — Я и вещички ваши принес. Не извольте гневаться! Народ совсем озверел. Кто-то крикнул, дескать, на постоялом дворе нелюдей видали, так все сюда ломятся. Гришка там отбрёхивается, дабы послали тока несколько бояр или воинов осмотреть дом, так вам того... — он выразительно показал на угол, в котором, видимо, и скрывался потайной ход.

— Пошли, — скомандовал эльф, — смысла нет откладывать.

Плавным шагом скользнул в угол и, сделав несколько пазов рукой, показал на открывшийся проход. Хозяин, подхватив отпавшую в изумлении челюсть, прыгнул туда первым, светя и показывая дорогу. Павел и второй эльф скользнули в проход за ним. Меня Инар подтолкнул в спину, давая понять, что пришёл и мой черед.

— Не бойся, — шепнул он, — там не страшно...

Фыркнула в ответ. Видали заботливого? Знал бы он, в каких катакомбах меня в детстве носило! Эльф что-то сказал Мирлису, скользнул следом и закрыл лаз. Да, магия великая сила, убеждаюсь всё больше!

Коридор закончился. Хозяин остановился у небольшой двери, ворча себе под нос, с трудом сдвинул её.

— Дальше, господа хорошие, вы уж сами, — словно сомневаясь, прошептал он. — Мне бы вернуться...

— Возвращайся, но помни, хоть слово...

— Да что ж, не понимаю я?!

Искреннее возмущение в голосе трактирщика не произвело впечатления, но больше ему ничего не сказали, только впереди тихо звякнуло и, сияющий собственным светом, довольный хозяин проскользнул мимо нас в обратную сторону.

Подземный ход извивался змейей. Хотела бы знать для чего? Делать этим землекопам было нечего? Стены, обшиты досками, пропитанными влагой, местами выложены кирпичом. Хотела спросить зачем, но едва обернулась к Инару, он тут же приложил палец к губам. Странно, неужели нас кто-то может отсюда услышать? Что ж, раз нельзя, придётся помолчать. Пока.

Шли долго, монотонно и скучно.

Впереди послышалась возня. Как ни пыталась хоть что-нибудь увидеть, не удалось. Попробуйте заглянуть через плечо оборотня, если он на голову выше. Как ни дергала Павла за рукав — ноль внимания. Попомню я ему это.

Повеяло свежим воздухом, и только теперь ощутила, насколько тяжелый воздух в подземелье. Да, это не питерское метро, однозначно. Инар подтолкнул, я выбралась из узкого лаза, которым заканчивался проход. Едва оборотень проскользнул сквозь щель, как земля сомкнулась, словно его и не было.

Обессилено опустилась на мох. Господи, даже не заметила, что устала.

Мужчины растворились в лесной зелени, рядом остался только Инар, но и к нему опять не решилась лезть с вопросами — парень напрягся как струна, только что не звенел. Не стоит осложнять ему задачу.

Один за другим показались спутники. Эльфы вели в поводу своих коней. Откуда только взялись? На мой недоуменный взгляд Инар шепнул, что они ещё ночью предполагали уходить из города.

— А наши кони?.. — возмутилась я.

Это что же получается — своих коней сберегли, а Каштанка?

Продолжить не успела. Инар кивнул в сторону раздавшегося мягкого перестука копыт — показался на своем коне Павел, за которым безропотно шли Каштанка и конь Инара.

Опять мне никто ничего не говорит. Да что ж такое?!

— Ты не в том состоянии была, чтобы рассказывать последние новости, — со смешком шепнул Инар.

Пожалуй, он прав. Придётся простить. А вдруг сейчас видимся в последний раз в жизни? Вот уедут они, вернусь домой, и не встретимся больше никогда, останется только вспоминать. Стало грустно. Пришлось отвернуться. Не дождутся, не буду реветь в их присутствии!

— Не горюй, — на плечо легла прохладная рука. — У тебя ещё немало всякого впереди.

Голос эльфа прозвучал сочувственно. Я даже оглянулась. Оказывается, не только я удивилась — оборотни смотрели круглыми глазами на происходящее, а уж про второго эльфа и говорить нечего, в его глазах застыл священный ужас. Что это с ними? Посмотрела в спокойные глаза, в которых отражались ветки деревьев и трава, небо и солнце. Как же это? Это же невозможно. Показалось, погружаюсь в прохладу девственного леса, где не ступала нога человека, где травы и деревья растут свободно, не опасаясь косы или топора, где звери и птицы могут приблизиться не боясь, что из них сделают обед. Эльф улыбнулся, его лицо преобразилось — так вот откуда сказки! Они, и вправду, удивительные!

Он кивнул, словно поняв, о чем я подумала.

— Ты чувствуешь, это хорошо. Возьми, — протянул флягу, от которой тянуло знакомым ароматом. — Не бойся, это вино поможет в минуту слабости, печали и болезни. Глоток-другой и печаль отступит, вернутся силы и болезнь уйдет. Береги, достать такое ещё вряд ли тебе удастся. Оно и в твоём мире будет действовать.

Посмотрела в удивительные глаза и точно поняла — он знает. Знает и о том, как я попала в этот мир, и о находке. Возможно, он и хотел бы заполучить талисман, но оставил эту мысль...

— Да, ты права. Я очень хотел получить Цепь Радуги. Потому и приехал в Васильевск собираясь разыскать тебя. Для этого привез одно из наших сокровищ. Но не вышло. Талисман отказался расстаться с тобой, почему — не знаю. Возможно, твой путь не закончится здесь, но больше я ничем не могу помочь. Наши пути расходятся.

— А как им пользоваться? — прикоснулась к талии.

— Не знаю, — вдруг улыбнулся он как мальчишка. — Может быть, ты пришла в наш мир именно для того, чтобы узнать это. У нас свой путь, у тебя свой. Нам пора, прощайтесь! — он прислушался к чему-то отдаленному.

Вслед за ним, повинувшись жесту, в сёдла взлетели второй эльф и Павел, который склонился ко мне со спины коня и тихо проговорил:

— Не грусти, что-то мне говорит, расстаёмся ненадолго.

Я пожала протянутую руку, кивнула всё ещё не отошедшему от потрясения эльфу, машинально ответившему едва заметным наклоном головы. Потом подошла к самой морде капризной кобылки, стоявшей, словно статуя рядом с оборотнем. Провела рукой по тёплому носу и прижалась к её щеке.

— Спасибо тебе.

Лиловый глаз моргнул. Каптанка всхрипнула и боднула мое плечо. Ещё миг и, с едва слышным топотом, все скрылись в лесу.

Невольно шмыгнув носом, несколько минут смотрела вслед мужчинам, потом повернулась к Инару, занятому тем же.

— И что теперь будем делать? — жалобным тоном спросила я.

— Теперь будем ждать, — спокойно пожал плечами оборотень, оторвавшись от созерцания кустарника. — А для начала давай перекусим. Наверняка, ты голодна. Да, убери флягу подальше, это вино поистине редкость и ещё большая ценность. Хотел бы знать... — он запнулся и смолк.

— И что ты хотел знать?! — вскинулась я. — Это я хотела бы знать, что всё это значит! Брожу в потёмках, словно в лесу вечером. Ничего не понимаю!

Снова сбилась на жалобные интонации и разозлилась сама на себя, нельзя же так распускаться!

Инар посмотрел на меня с улыбкой. Ох, надоело. Ну что они все смотрят, словно я дитя малое, а они умудрённые жизнью дядюшки?!

— Не дядюшки, — успокаивающе проговорил парень. — Но ты действительно порой хуже ребенка. Смотрю на тебя и диву даюсь, как ты до своих лет дожила?

— Скажите пожалуйста, — буркнула я. — Старичок выискался.

Инар вдруг взгрустнул и я решила перевести разговор на другое. Уже несколько раз замечала — тема возраста для него болезненная, я даже не смогла вытянуть, сколько ему лет.

— Скажи, а почему все так удивились, когда этот тип отдал мне вино?

— Не тому, что отдал. А тому... — он помялся, подбирая слова.

— Слушай, а вообще — он кто такой? — перебила оборотня.

Инар понял правильно.

— Правитель эльфов.

— Это...

От открывшихся упущенных возможностей я потеряла дар речи. Инар расхохотался. От возмущения дар речи вернулся.

— Это что же, он самый главный?

— Точно, самый главный. Настя, именно поэтому нас так удивило его поведение. Мало того, что эльфы стараются не общаться с людьми лишней раз, так он ещё дар тебе сделал, воистину, царский.

— Может быть, ты обознался? — всё ещё не хотелось верить в собственную глупость.

— Увы. Я его тоже не узнал, он ведь почти никогда не покидает своих земель, разве только на Совет. Да и потом, когда Павел узнал, поверить, как и ты, не мог. Всё задавался вопросом — чего ради, первому среди эльфов, практически без охраны, мотаться по дорогам, подвергать себя риску.

— Теперь понял? — оборотень кивнул. — Так разъясни мне, дуре!

— Ты не поняла? — изумился Инар.

— Поняла, что он хотел заполучить одну вещицу, которую я нашла, больше ничего.

Оборотень покачал головой, с долей сострадания поглядывая на меня.

— Сколь же важна эта «вещица». Возможно, было бы лучше, если бы он её забрал.

Лучше для тебя.

— Это почему?

— Знаешь, Настя, магию ведь можно видеть, я этому обучен. Все эти дни, которые мы провели в пути, задавался вопросом, что ты несешь, если тебя окутывает такое мощное магическое поле. Ведь не просто так никто не может причинить тебе вреда. Потом понял, что у тебя есть какой-то магический предмет, ты сама магией вряд ли обладаешь... По счастью, — добавил он, чуть подумав.

— Почему?

— Потому. Обладая магической силой и такой мощью, кто его знает, что бы ты наворотила в нашем мире. Суди по последствиям в трактире.

Тут я задумалась.

До сих пор мне и в голову не пришло, что все разрушения вина не моя, а украшения, которое таскаю в качестве пояска. Ого-го, надо быть поосторожнее! Действительно, кто его знает, чего ещё натворить могу. А лучше всего избавиться от «игрушки» и как можно скорее.

— Давай поменяем тему, а? Сколько нам тут ещё сидеть и комаров кормить?

— Кто его знает? Мирлису надо добраться до Еремеевны, той — связаться с царевной, потом найти нас, отправить кого-то. Ни царевна, ни её нянька сюда не пойдут. Царевну без охраны в такое время и из терема никто не выпустит, а уж за черту города и подавно. Еремеевна из города ни ногой уже много лет. Надо ждать посланца. Боюсь только, как бы этот мальчишка не напугал чего.

В ответ осталось только вздохнуть. Зная Мирлиса, уверена — напугает.

Пока предавалась унылым размышлениям, Инар соорудил холодный завтрак.

Мои раздумья не повлияли на аппетит, пробудившийся, после выпитого утром разведённого вина. Ясно теперь, почему алкаши опохмеляются. С утра думать не могла о еде, а теперь с наслаждением впилась зубами в предложенный кусок отварного мяса. Работая челюстями, не могла отделаться от ощущения, что меня, словно в болото, всё глубже затягивает в происходящее вокруг. И всё острее становится желание не поддаваться, вернуться домой, вернуться пока не поздно, потому, что в глубине зрела уверенность — добром мои похождения не закончатся.

* * *

Ждали долго. Меня уже начало тревожить, добрался ли Мирлис до Еремеевны. Напряжение нарастало, и я принялась нервно ходить вокруг задремавшего в тени куста оборотня.

Когда из-за деревьев показалась крупная фигура, не поверила собственным глазам! Еремеевна собственной персоной! Это что же творится в городе, если старушка сама решила за нами придти?!

— Вот вы где, еле нашла, — начала с ходу Еремеевна. — Так, малец, тебе в город ходу нет. Ищи пристанище. Когда время придёт, за тобой стрижа отправлю. А теперь ты, краса. В

таким виде в город не войти. Держи, переоденься!

Старушка протянула узелок.

Послушно кивнула и отправилась за ближайšie кустики, пока нянька с обратным что-то тихо обсуждали.

К моему возвращению Инар уже устроился в седле. На удивленный взгляд улыбнулся и, распрощавшись, отправился в сторону большака.

Еремеевна окинула мой наряд, который состоял из длинного платья и туфельек типа балеток.

— Волосья платком прикрой! Повяжи плотно, чтобы волос видно не было и за мной, — скомандовала Еремеевна и направилась в сторону леса.

Странно, в прошлый раз от меня никакого платка старушка не требовала.

Шли не долго, на небольшой полянке расположились Росана и ещё одна девчушка. Рядом с ними стояли корзинки полные грибов.

— Пошли, — опять скомандовала Еремеевна, подхватив одну из корзин.

Росана поздоровалась и, не дожидаясь ответа, сунула в мою руку корзину.

— Ты Еремеевну не серди, — тихо шепнула девочка. — Она последние дни сама не своя. Злится на всех. Пойдем...

Послушно двинулись вслед за зыркнувшей в нашу сторону нянькой. Я уже начала уставать от блуждания по тропам, но, в конце концов, показалась городская стена, к которой вела слабо наезженная лесная дорога. Именно по ней мы и направились к небольшим воротам. Этаким чёрный вход в город.

Стражник, выглянувший на стук в окошко, прорезанное на воротах, приоткрыл их и мы, одна за другой проскользнули в щель.

Еремеевна, проходя мимо стражника, что-то сунула ему в руку, всё молча, сердито оглядываясь на нашу покорную троицу.

Едва прошли пару перекрестков, старушка отпустила девчонок, и те ускакали по домам, радостно неся полные корзинки. Кажется, обе остались довольны результатами похода в лес.

— Не удивляйся, — тихо бросила старушка, поворачивая за угол. — Детей в лес нынче не пускают. Нечисти вокруг полно...

Я понятливо кивнула и устремилась вслед за своей проводницей, закоулками выведшей к дому. Быстро прошли во двор и поднялись на крылечко, на котором, словно обыкновенный кот, растянулся на солнышке Мирлис.

— От неслух, — хозяйка возмущенно покачала головой. — Сказано тебе — в доме сиди, не дразни соседей!

— Никого и не было, — опустил голову приятель. — Скучно в доме сидеть.

— Ладно, проходите. Настя, корзинку возьми у меня, и сидите тихо, словно и нет вас тут. Можете блюдечко покрутить, посмотреть, коли скучно будет. А я к Василисе, — хозяйка строго на меня глянула и, дождавшись кивка, поспешила со двора.

Уже начало вечереть, когда Еремеевна устало переступила порог. Она окинула взглядом нашу парочку, расположившуюся на лавке подальше от окон и уткнувшуюся носами в тарелочку, рассматривая морское дно. Я тихо рассказывала Мирлису что знала о подводных кораблях, о морских рыбах и животных, которые появлялись перед нами.

За время невольного заточения мы успели осмотреть по «яблоковизору» достопримечательности Васильевска. Посмотрели митинг, организованный на ярмарке, впрочем, быстро рассеявшийся после появления городской стражи. Посмотрели, как

суетится прислуга в тереме царевен. Но как-то всё было не интересно — шли помехи и блюдечко отказалось показывать Василису или её сестру, а так же царя Василия. И морских людей показывать отказалось, что меня расстроило. Короче, никого интересного упрямая посуда показывать нам не стала. Поэтому мы и сосредоточились на местном аналоге телеканала про животных.

Еремеевна собрала на стол к ужину, отказавшись от моей помощи. Неловко было смотреть, как крутится старая усталая женщина. Чувствовалось, побегать за этот день ей пришлось не мало. Разговаривать о делах старушка категорически отказалась, сославшись на то, что завтра должна подойти Василиса и сама нам всё рассказать.

Поужинали и быстро устроились спать. Все умотались за день. Мне было страшно, что опять нападут тараканы, но голова опустилась на подушку и последнее о чем помню, это мысль о том, что надо постараться не орать, если проснусь ночью...

Разбудил дивный аромат блинчиков. И как тут не набрать несколько килограммов? Придётся после отпуска менять гардероб! Потрясла головой, отгоняя мысли о фигуре, домой ещё вернуться надо, а то так и буду мотаться по этому миру до скончания века.

Днем должна встретиться с Василисой. Где набраться терпения? Вчерашнее затворничество показало, что мне в этом мире и заняться нечем. Ни дел по дому, ни рукоделия, ни книг, ни планшета... Сколько же возможностей дома! А здесь... Болтать с Мирлисом? Кто его знает, возможно, Еремеевне чего-то знать не надо из того, о чем мы говорить начнём. Последнее время у меня развивается паранойя. В воздухе не просто пахло, воняло, проблемами. Я моталась кругами по этому миру, не имея возможности вернуться. Вот теперь сиди и жди, что Василиса скажет. Надо помочь царевне... Магичке... Уже смешно звучит! Что я могу? Пойти и набить физиономию её жениху? Смех один.

— Настя, вставай, — велела Еремеевна, догадавшись, что я проснулась. — Завтрак на столе, а я по делам ухожу. Из дома...

— Не выходить, — продолжила я, сладко потягиваясь. — Поняла.

И тут осознала, что Мирлиса нет поблизости.

— Еремеевна, а Мирлис где?!

— Да усвистал с утра. По городу пробежится. Народ, вроде как, успокоился. Царь вчера отправил дружину, посмотреть на пострадавшую деревеньку, да и проедутся, позачистят нечисть вокруг города.

В этот момент на открытом окошке появилась кошачья тушка.

— Привет, Настя, — муркнул рыжий. — В городе спокойно, на ярмарке только и разговору, что об эльфах, что нечистью занялись в помощь царской дружине. Появилось тут с пятков, так что народ уже на иных хмуро не смотрит. Глядишь, Павел скоро объявится. М-м-м пахнет-то как, — протянул этот прохвост, принюхиваясь.

Еремеевна только засмеялась в ответ:

— Анастасия, подымайся, а не то от завтрака ничего не останется. Этот проглот уж поел, и вот теперь на твой завтрак нацелился, а я пошла!

Хозяйка аккуратно перевязала платок и вышла за дверь.

Быстро умывшись ледяной водой, устроилась за столом, поставив для Мирлиса дополнительную тарелку, куда положила поломанные на кусочки блинчики, полив их вареньем и сметаной. Этот обжора забил пасть блинчиками и отказался разговаривать, пока не поест. Голодный он. Ну и ладно, я тоже голодная. Мысленно прикинула, сколько смогу съесть пышного ароматного яда для фигуры, залила горку блинчиков медом и начала завтракать.

Еремеевна появилась за полдень. Я изнывала от безделья. Готова была даже с Мирлисом поговорить, но этот охламон, сразу после завтрака исчез. Даже не мякнул — куда, зачем. Вылез в окно, пока я убирала со стола. Надеялась, что Василиса или пригласит к себе, или придёт вместе с нянькой. Увы. Царевна не появилась, а Еремеевна отвечать на вопросы не стала. Настроение моей гостеприимной хозяйки совсем испортилось. Явно что-то происходит, а вот что, я никак не могла понять. Одно успокаивало, на вопрос о предстоящей свадьбе, старушка бросила, что свадьбу отложили.

По «яблоковизору» я смогла послушать разговоры на ярмарке.

Оказывается, встреча с Несмеяной не привиделась. Царская дочь нашла-таки себе жениха и её увезли из города. А вот кольцо нечисти всё никак не могли разорвать. Пострадала ещё одна деревенька. Три двора, на одном из которых погибла старушка, остальные успели забаррикадироваться в домах и отбиться. А тут и оборотни подоспели, отогнали нападавших.

Кстати, у Павла были неплохие шансы попасть в город. Народ как резко вспыхнул в ненависти к нелюдям, так же быстро и остыл, едва пронёсся слух, что оборотни поддержали эльфов и пришли на помощь. Так что трактирщик просчитался, стараясь нас поскорее выпроводить. Вполне могли дожидаться посланца Еремеевны на постоянном дворе. Впрочем, решила не злорадствовать о потере дорогих, во всех смыслах, гостей трусоватым владельцем «отеля». Кто его знает, не просто так эльфы приняли решение уходить. Наверное.

Хозяйка шуровала у печи, переставляя ароматно пахнувшие горшки. Пирог уже остывал на столе, на белоснежной скатерти, уставленной разными мисочками и горшочками, словно нянька ждала дорогих гостей. Никогда не пойму этого желания накормить до отвала. Меня здесь словно задались целью откормить.

Из окна, у которого устроилась, была видна часть улицы с воротами и калиткой. Калитка открылась без стука, вошел Павел. Быстро он. Странно. Следом за оборотнем и закрывавшуюся калитку проскользнул солнечный комок. Ага, Мирлис тоже здесь! Где это они встретились?

— Настя, помоги-ка мне, — донёсся голос Еремеевны.

Подскочила к старушке, достававшей ухватом здоровенный чугунок.

— Вон там досочка, подложи-ка на стол... Да с краю, где я сяду!

Еремеевна держала огромную посудину на весу, пока я бегала от одного конца стола к другому. Не представляю, как старушка умудряется держать такую тяжесть?

В дверь стукнули, хозяйка тут же откликнулась:

— Проходите, гости дорогие, только вас ожидаем!

Мне послышалась насмешка? Или нет?

Раздумывать было некогда. Влетевший рыжий комок бросился ко мне, пришлось схватить его на руки.

— Счастья дому и хозяевам! — улыбнулся Павел, поклонившись хозяйке.

— Проходи, проходи. Как раз к столу спели. Пока не поедите, о делах говорить нечего. Дела обождут, — строго сверкнув глазами и тут же улыбнувшись, ответила хозяйка, указывая на накрытый стол.

Поев, выслушала уже привычный отказ хозяйки от помощи. Да что ж такое? Совсем меня здесь за безрукую держат?

Мы отошли к лавке у окна и расположились там, чтобы не мешать Еремеевне убирать со стола.

— Павел, ты почему так быстро?

— Дело появилось. Михал весточку прислал, что Финист точно в Васильевске должен был быть, когда Мирлис своё заклинание прочитал. В прошлый раз я его не нашёл, надо искать и возвращать домой. Оборотни волнуются, всё же единственный сын правителя пропал.

— Слушай, сегодня пока по ярмарке шнырял, услышал, что Финист в царский терем прилетал. Народ видел. Шепчутся — к царской дочке, — загадочно протянул Мирлис.

Павел переглянулся со мной и повернулся к хозяйке, собравшись что-то сказать, но

заговорить не успел.

— Ты меня послушай, молодец, — остановила его жестом старушка. — Зачем ты тут, ведаю. И помощь оказать смогу. Приятель ваш правильно сказал — Финист к Василисе, младшей дочери царской, шастал. Да до добра это не довело. Сестрицы её завидушние, не стерпели. Побоялись, что младшенькая раньше них замуж выскочит, да тем носы-то и утрёт. Подстроили дело лихое. Что уж произошло, не ведаю. Да и горlinkка моя тоже. Искала она любезного своего, да даже её сил мало оказалось. Была мысль, что без Кощея тут не обошлось.

— Да, мы тоже об участии Кощея думали. Хотел бы знать, зачем ему Василиса? Ну да это узнаем, есть способы, а вот как найти Финиста...

— Слыхала, оборотни память потеряли. Может и он?

— Их память вернуть дело не великое, а вот Финист — рода правящего, с ним так просто не получится.

Еремеевна кивнула.

— Да ведомо то, ведомо, что царский род далеко не все снадобья да заклинания берет. В этом их сила, да и слабость. Подумаю я, что сделать можно. Один способ можно хоть сейчас назвать — если девица, что он любит, поцелует его, то и память вернется. Надобно их с Василисой свести, да только вот беда, времени совсем мало...

Павел кивнул понимающе.

— О посольстве Кощеевом город гудит, государя вашего понимаю. А с Финистом способ есть ещё один — надо ему живой воды напиться дать, память точно вернется.

Оборотень запнулся, участливо глянув на бабуку, которая с грохотом выронила из рук пустую миску из-под сырников.

— Хозяюшка, что случилось-то?

Еремеевна глянула на осколки глиняной посуды, махнула рукой, и бессильно опустилась на лавку.

— Ох, я дура старая. Про живую-то воду и забыла совсем! Да и то сказать, где взять-то её. Давно говорят везде её запасы вышли.

— Нашли бы... Свяжусь со своими. А вот самого Финиста найти... Если Кощей замешан, то скорей всего он в замке кощеевом. Да нам, оборотням, туда дороги нет, если не позовет кто.

Хозяйка призадумалась, помяла подбородок.

— Да что уж тут думать? — вклинилась я в разговор. — Надо Финиста вытаскивать из замка Кощея, если он там. Потом и лечить начинать. Два способа у вас есть, хоть один наверняка подействует, а если оба — гарантия сто процентов!

Даже объевшийся Мирлис посмотрел на меня, как на умалишённую.

— Мы не можем в замок пройти, — терпеливо повторил Павел. — Заклятие на нем. Ни один оборотень, ни одно существо не могут пройти в замок, без разрешения на то хозяина замка. Обитает там одна нечисть, других слуг Кощей не терпит. Из них никто нам не поможет.

— Я помогу, — раздался от двери нежный голос.

Все разом повернули головы.

У двери стояла незаметно вошедшая Василиса. Я ещё раз поразила обаянию, исходившему от девушки. Да, она может и не красавица, по здешним меркам, но в привлекательности ей не откажешь. Вон и у Павла глаза сверкнули, не сдержался.

— Василисушка, деточка, ты как сумела?

— Батюшка сейчас послов иноземных принимает, сестрица уборы к свадьбе выбирает. Я сказала, что после неё отберу. Батюшка велел три сундука с украшениями, да тканями принести. Ей надолго хватит. А я переделалась и к тебе.

— Как вы поможете, царевна?

Павел с поклоном поднялся от стола. Вот уж кого не отвлечь разными разговорами. Правильно его в наш мир засылали, ни на что не отвлекается. Поставил цель и напролом к ней...

— Я в замок Кощеев проникнуть помогу.

— Но царевна, нельзя туда идти, не зная точно ли там Финист. Кощей просто так оттуда не выпустит.

— Нянюшка, можно ли Финиста с помощью яблочка да блюдечка твоего найти?

— Коли он в замке Кошеевом — нет. Оборотень прав, заклятье там мощное, и не только против оборотней, но и против любой магии. А если он вне замка, то таких мест, где бы мы его не увидели, я не знаю.

— Так давай попробуем.

— Нет уж девонька, тебя, неровён час, хватятся, тогда запрут под замок, и будешь ты сидеть голубка моя, под охраною. Тогда и не хочешь, под венец царь Василий тебя, хоть за косу, а оттащит. Возвращайся-ка ты в свою светлицу, да там меня дождись. Я приду и всё обскажу, что мы здесь решим.

Вот и стоило царевне через весь город топать, из терема сбегать, что бы нянька её обратно отправила. Я мысленно пожалала плечами и подивилась нелогичности старушки.

Василиса уже открыла рот, чтобы возразить, но старая нянька, видимо, хорошо знала свою подопечную. Хватило одного острого взгляда старушки, чтобы царевна поняла — спорить бесполезно. Она только беспомощно вздохнула и повернулась ко мне.

— А ты мне поможешь?

— Всем, что в моих силах, — кивнула я.

— А если сбегу, и за Финистом пойду? Дорога ведь нелёгкая будет.

— Вдвоем любая дорога легче. А если нам кто ещё поможет... — я многозначительно помолчала.

Павел хмыкнул, прекрасно меня поняв.

— Оборотни помогут, царевна. Финист для нас не просто сын правителя. Для него мы всё сделаем.

— Ну, тогда и ладно, — с облегчением перевела дух Василиса. — Нянюшка, я тебя жду.

— Приду непременно, нынче же.

Дверь скрипнула и царевна мелькнула за окошком.

— Еремеевна, может, поищем Финиста?

Прервала я молчание. В конце концов, я тоже женщина, обидно, что на меня никто из них ни разу так не посмотрел.

Все укоризненно посмотрели, но не ответили. Если уж обещали царевне помощь, надо дело делать, а не вслед ей смотреть.

Сидели над блюдечком уже битый час. Не хотело оно Финиста показывать, но и знака не давало, что найти не может. Всё это мне напомнило поиск в сети. Задали блюдечку задачу, и оно принялось за работу, вот и сидим с Мирлисом уставившись на тускло светящееся дно, хоть бы отвлечься чем... Вот только хозяйка велела с блюдца глаз не спускать, мол, оно может найти Финиста в такой дали, что покажет на миг, а мы прозеваем... Пока сидели, Мирлис рассказывал, что знал.

Когда Кощей появился, он не знал. Слишком давно было, затерялось, как говорится, во глубине веков. То, что он маг, я знала по сказкам. Не знала одного — не слишком Кощей до женского пола охочий. Но периодически женится то на одной девице, то на другой. Что с ними происходит потом — никто не знает. Говорят разное, а только редко кто их после свадьбы видит. В сказках только одно не правда — не крадет он девиц, чтобы женихов их извести. К чему лишние хлопоты? Родители рады радешеньки дочь отдать. Редко кто, как царь Василий, поперек слово сказать решается. А только одно известно — раз в несколько сот лет начинает маг искать невесту. И когда находит девицу — никто и ничто его не остановит. Хоть добром, хоть угрозами, а заберет её к себе. Говорят, выпивает Кощей их кровь молодую, и сам молодую силу обретает. Люди об этом почти не помнят, а вот другие народы, живущие в этом мире, отличаются долголетием, и знают о такой особенности древнего мага. Что тут правда, что нет — Мирлис сказать не мог, сам рассказывал то, что вычитал в книге учителя.

Яблочко каталось, наводя сон. Тем временем блюдечко всё ещё ничего не показало. Может, как компьютер, зависло? Но я не решалась остановить яблочко. Перед уходом Еремеевна попробовала мне показать, как использовать волшебную вещицу для дальнего поиска. Даже заклинание записала на бумажке. Так вот — фиг вам, индейская национальная изба! Ничего у меня не вышло. Бабка удивилась, этой игрушкой любой пользоваться может, а на мне колдовство словно исчезает. Я из этого блюдца могу разве только чаю попить, да ерунду всякую посмотреть, а вот поиск на этом «яблоковизоре» сама не запущу.

У Мирлиса тоже ничего не получилось, хоть он и ученик колдуна — кошачьими лапами не очень-то яблоки покрутишь, это не клубок по полу гонять. То-то у нас с ним ничего не получалось, разве только на природу посмотреть! Видимо, и в тарелочки защиту от дураков встраивают. Вот и пришлось сидеть и терпеливо ждать, что блюдце нам само показать изволит...

Мои размышления прервал Мирлис, впившись когтями в руку.

— Смотри, смотри!

Сон сняло как рукой. На осветившемся, наконец, доньшке, увидела спящего красавца. Ой, мамочка родная! Я уж думала — Павел образчик мужской стати! Куда там! Этот мог запросто покончить с любыми конкурсами типа Мистер Вселенная. Да его в моем мире вообще надо было бы держать в бронированной комнате, на глубине триста метров, да ещё, желательно, и ключ от этой комнаты в Марианской впадине утопить, иначе женщины его крали бы друг у друга. Сама бы не удержалась — если бы со мной был такой мужчина, носила бы при себе пистолет, и отстреливала любую юбку, на которую он бросил бы хоть мимолетный взгляд. Да-а, с Василисой они великолепная пара!

И тут блюдечко потемнело пару раз мигнув, я вышла из ступора. Чёрт! Не рассмотрела где он, засмотрелась.

Мирлис понимающе хихикнул:

— Не переживай. Он на человеческих женщин всегда такое впечатление производит.

Ничего, потом привыкнешь, я всё сам рассмотрел.

Покраснела, как свекла. Уши, наверное, светились фонарями. Теперь стало ясно, почему Еремеевна настояла, чтобы кто-то из оборотней остался искать Финиста. Но, подумать только...

— Мирлис, слушай, — я помялась, но не сдержав любопытства, продолжила, — а что оборотни они все такие?

— Какие такие?

— Ну вот Павел, Финист... Да не придуривайся, всё ты понял, — возмутилась я.

Еще бы не возмутиться! Этот нахаленок притворился непонимающим. Отомстил за все мои насмешки!

— Не злись! — шарахнулся от карающей десницы хохочущий Мирлис. — Да нет, не все. Они обычные, ну может немного привлекательней, чем вы, люди. А Финист... Он ведь правящего рода, а в их жилах течёт кровь многих рас. Они жён себе, не стесняясь, и из эльфов берут, и из других народов. Бабка Финиста, например, дриада, а мать — полуэльф.

— Но эльфы ведь живут долго?

— Так и оборотни правящего рода даже среди своего народа — долгожители. Они только правят обычно не слишком долго, это ведь не просто. А потом живут себе потихонечку, несут охрану. В войнах, если такие случаются, лучших бойцов не найти.

— Не представляю — отказаться от власти! Это какую силу воли надо иметь! А наследники не дерутся из-за трона?

— Обычно не с кем драться, — загрустил Мирлис. — Ты что думаешь — почему с Финистом так носятся? На ноги все подняты, кроме детей и стариков. Нелюди и так детей много не могут иметь. А в правящем роду — два ребёнка редкий случай.

За дверями послышались шаги. В комнату ввалились нагруженный покупками Павел и Еремеевна.

Старушка, заметив по моему лицу, что что-то произошло, кинулась к столу.

— Нашёлся?

— Видели, — ответил быстро Мирлис. — Видели, да только где, не поняли.

Павел сгрузил корзину в угол, Еремеевна сама потом разберёт, и подошёл к нам. Бросив на меня взгляд, понимающе улыбнулся, чем заставил опять заполыхать щёки, и обернулся к Мирлису.

— Вспоминай...

Бабка быстро прикоснулась к нему рукой и тоже замерла. И вдруг разразилась нецензурной бранью. Ничего себе! Такого даже я не ожидала!

— Ах ты, карга старая..., я ж тебя...

Мы трое вытаращились на свирепо орущую бабу. Тишина её отрезвила, переведя дух, Еремеевна остановилась.

— И не смотрите на меня так! Он у сестрицы моей — Яги!

Павел присвистнул, Мирлис прикрыл глаза, а я недоуменно переводила взгляд на собеседников — шум-то из-за чего? Особенно если учесть, что эта самая Яга... Яга?! Мне стало дурно. Эта бабуленция может принять бедняжку Финиста и как дорогого гостя, и как барашка для шашлычка, а мы не смогли и посмотреть на него как следует!

— Так, девонька, — прервала мои размышления Еремеевна, — я к царевне, а ты подбери себе из принесённых вещей, что там тебе в дорогу надобно. Оборотни помогут...

Посмотрела вслед старушке, уже выбежавшей из дома, и резво семенившей по пыльной,

раскалённой последним летним солнышком, улице. Перевела взгляд на Павла и Мирлиса. Те озабоченно смотрели за окно.

— Эй, — оторвала их от разглядывания опустевшей улицы, — давайте собираться. Похоже, в поход выступаем немедленно.

— Да нет, Василиса из царского терема иначе как ночью и не выберется. Там слуг видимо-невидимо, и хоть каждый своим делом занят, а уж царевну любой заметит. — Павел оторвался от вида за окном. — Ты тут с Мирлисом посмотри что да как, зная твой мир, я тебе и одежду подобрал, не стесняйся, бери всё, что нужно, а если чего неостанет — оборотни потом принесут... А я скоро вернусь.

— Эй, ты куда это? — подхватила я...

Ага, сейчас! Оборотня уже и след простыл, только раздался в отдалении собачий тявк, робкий какой-то... Как ему удастся так появляться и исчезать?

Мирлис, опрокинув стоявшую у печки корзину, отвлѣк от размышлений. На пол вывалились тряпки, выкатилось нечто завернутое в тряпицу, что-то звякнуло о выскобленные доски пола. Я подошла ближе.

Приятель пытался разобраться, но не преуспел. Пришлось разбирать получившуюся кучу самой.

Вытащила штаны и куртку из плотной ткани. Как на меня сшиты!

— Отложи пока, — посоветовал Мирлис.

Понимающе кивнула и отнесла вещи на лавку.

В тряпицу оказалась завернута очень странная вещь — круглая доска, на которой острым ножом процарапали бороздки, сливавшиеся в узор, залитый ярко-красной краской. Недоумѣнно посмотрела на Мирлиса.

— Гадальная доска, — снисходительно пояснил он. — Положи на колени, закрой глаза. Теперь веди пальцем по канавкам. Открой глаза.

Сделала, открыла. На доске отдельные канавки стали из красных зелёными. Мирлис довольно хмыкнул.

— Зелѣный цвет к добру. Читай.

— Что читать?

— То, что написано.

Присмотрелась. Действительно, завитки узора образовывали нечто вроде зелёных букв, местами с трудом, но всё же различимыми. Повертела доску так и этак, примериваясь.

«Волков бояться в лес не ходить идти прямо счастье найти опасаться спутницу освободить узников искать жизнь и смерть».

Знаки препинания отсутствовали напрочь, пришлось обратиться за помощью к специалисту.

— Мирлис, понял, о чём тут?

Состроив умное выражение морды — и удалось же такое — «специалист» задумчиво произнёс:

— Кажется здесь несколько пророчеств.

— Ага. А что они значат? В частности — «Волков бояться — в лес не ходить» — обычная поговорка, известная ребёнку. Куда идти? Прямо? На восток, на запад, или ещё куда? Какую спутницу опасаться? А, прости, за каким чѣртом, мне ещё и жизнь со смертью искать? Мне что, неприятностей мало?

Мирлис помялся.

— Мне кажется, это надо понимать, как предупреждения. А поймём мы их по ходу дела.

— Очень приятно! Гадание хорошо тогда, когда оно понятно...

— Да это ж тебе не цыганка-гадалка! Позолотила ручку, и тебе что было, что будет, и про марьяжного короля всё выложили! Это доска гадальная. Она предупреждает, а уж смысл ты сама понимать должна. Тебя предупредили, вот и думай, — возмутился Мирлис.

— Ладно, кончай злиться, вон из глаз скоро искры посыплются, сожжёшь старой женщине хату, — миролюбиво проговорила я.

Протянула руку и потрепала рыжую голову между ушей. Мирлис хихикнул, и мир восстановили.

Принялась дальше рассматривать покупки. Громыхавший сверток оказался парой башмаков, подбитых железом. Выполненные на европейский манер, они застёгивались огромными пряжками, и оказались размеров на пять больше, чем мне надо.

— Это для кого?

— Думаю, для тебя.

Рыжего тоже огорошил размер обуви, в которую моя нога входила и выходила, как лопнувший шарик в горшочек ослика Иа.

— Ну, не знаю, — с сомнением посмотрела на собственные ноги. — Ходить в них смогу, только если держать руками. Иначе потеряю.

Во дворе послышались шаги. На крыльцо кто-то поднялся, доски заскрипели под тяжестью визитера. Раздался стук в дверь.

Высунула голову в окно, на крыльце стоял широкоплечий мужик. О таких говорят — поперёк себя шире. Но толстым я бы его назвать не решилась. Всё, что перекатывалось под простой рубахой, явно было не жиром. Невольно посочувствовала портному, который пытался сшить одежду на богатыря.

— Вам кого? — окликнула посетителя.

— Да мне...

— Это к нам с Павлом, — протиснулся под рукой Мирлис и спрыгнул во двор.

Мужик нерешительно потоптался у двери, удивлённо глядя на оранжевое чудо, хмыкнул понимающе, и потопал за Мирлисом. Они долго совещались за калиткой, пока рядом не возник Павел. Дальше разговор прошёл более эмоционально, но кратко. Павел, слегка наподдав, отправил Мирлиса в дом, и сам пришёл через пару минут. Гость растворился в жарком мареве, как туман.

— Он тоже оборотень? — в лоб спросила вошедшего Павла.

— А ты откуда знаешь, — вскинулся тот.

— Догадалась. У вас манера исчезать и появляться, словно вы из воздуха возникаете.

— Это так заметно?

— Ну, знаешь, — развела руками.

В ответ Павел улыбнулся. Заметил на лавке вещи и кивнул в их сторону.

— Одежда подошла?

Молча подошла к башмакам, и встала в них. Павел состроил гримасу, и озадаченно почесал за ухом.

— М-да. Промашечка. Кто ж знал, что у тебя нога, как у лилипута.

— Я в этом виновата?

Он засмеялся.

— Да нет. Кстати, хозяйка не появлялась?

Мы дружно помотали головами.

— Жаль... Слушайте внимательно. Сегодня к вечеру тебе надо выйти из города и схорониться в лесу, там, где ты ждала девочку. Инар будет с конями. Василису заберём прямо из её горницы, предупреди Еремеевну. Мирлис, ты всё понял, что тебе делать? Хорошо. В путь надо срочно. Финисту память вернуть до вересеня... Сентября. Иначе беда может быть.

— Это как?

— Ну, тут точной уверенности нет. Самый простой вариант — память не вернётся. Может перекинуться, да так и остаться. Варианты разные, и один другого хуже. Мне приказано оказать вам помощь.

— Это кем приказано?

— Змеем Горынычем, правителем нашим.

Я судорожно сглотнула.

— Не бойся. На, водички попей...

С трудом проглотила воду, удивляясь сама на себя. Пора бы перестать удивляться. Но представила, что очаровательная Василиса будет жить в одном доме с сыночком Змея Горыныча, как бы он ни был хорош, и дурно стало.

— Всё, пришла в себя? Слушай дальше. В лесу оборотни постерегут. Только в обморок не падай — они в волчьем облике будут. Так удобней. И не задерживайся, время поджимает. Чем дольше ты здесь, тем труднее уйти будет...

— А что мне с башмаками делать?

Завопила, поняв, что этот тип собрался уходить. Мало того, что все планы составляют меня не спрашивая, так ещё и на муки обрекают.

— Это к Еремеевне. Она всё сделает, — из-за двери ответил Павел, спускаясь с крыльца.

На этот раз он не исчез, а нормальным шагом пошел по улице.

К Еремеевне, так к Еремеевне, что тут скажешь? Буду ждать хозяйку.

Мы с рыжим, начали обсуждать, что взять с собой. Из меня путешественник тот ещё, от Мирлиса поступило главное предложение — еды побольше. Немного поспорили, поругались, потом помирились. Попили чайку с бутербродами, сооружёнными мной на скорую руку...

Еремеевна всё не шла. Я прилегла поваляться, но уснула, да так крепко, что не услышала ни как появилась хозяйка, ни как они с Мирлисом тихонько совещались, ни как Мирлис был отправлен к Василисе.

Проснувшись от прикосновения к плечу. Мирлис, оказывается, уже вернулся и припал к миске сливок, выделенной хозяйкой. Меня тоже ждал скромный поздний ужин и мешок с провизией. Сапожки надела старые, проверенные. Еремеевна суетилась, словно не зная куда себя применить. Подсунула еду почти не глядя. Что ж. Переживает, это понятно. Сама не знаю, куда иду, что будет. А она воспитанницу отправляет к Коцею в лапы, можно сказать.

Быстро проглотив ужин, подхватила свою котомку, сумку с приготовленной одеждой и провизией. Подошла к старушке.

— Не переживайте, всё хорошо будет, я уверена.

Хотела обнять хозяйку... Не знаю, что остановило. Какой-то огонек, мелькнувший в её глазах. Словно моё прикосновение будет неприятно. Поклонилась и направилась к ожидавшему у дверей Мирлису. Кота удивило такое холодное прощание. Я вспомнила

объятия и поцелуи от близких и соседей Михала, провожавших меня в путь. Еремеевна не была настроена так тепло, хотя и отлично это скрывала... А может мне почудилось?

* * *

Вышли из города перед самым закрытием ворот, чем очень удивили стражников. Только дощечка, выданная Еремеевной на прощание, остановила их от расспросов — куда это, на ночь глядя, направилась девица с рыжим котом через лес с нечистью. Ещё долго чувствовала настороженные взгляды солдат своей спиной. Не понравилась я воякам, ох, не понравилась.

Если честно, мне тоже не нравилась идея выходить через главные ворота. Только внимание привлекать. Как бы кто не отправился проверять, чего это меня понесло за город, когда нормальные люди спать ложатся.

Мирлис, едва свернули за поворот дороги, нырнул в кусты. У этого рыжего, похоже, в голове радар, потому что вывел он меня напрямик к Инару, расположившемуся рядом с двумя стреноженными лошадьми. Кашганка, узнав меня, тяжело вздохнула, недовольная тем, что придётся опять нести на спине такого никудышного наездника.

Инар легко поднялся, поприветствовал нас с Мирлисом. Пока я переодевалась, распутал ноги лошадей и помог мне взгромоздиться в седло. Сам взлетел на своего коня и взял Кашганку в повод.

— Настя, ты не обижайся, ты ведь в темноте не видишь, — робко проговорил парень, боясь обидеть.

— Да чего уж там, не вижу, я ведь просто человек. Только вот лошади-то как по темноте пойдут. Ноги не переломают?

— Наши лошади в темноте видят, — облегчённо засмеялся парнишка. — Только, держись крепче. Быстро не поедем, главное не усни. Если засыпать будешь, пересядь лучше ко мне. Ехать не слишком далеко, но надо тихо и осторожно, чтобы нас не видели.

Чуть насмешливо осмотрелась по сторонам. Солнце давно село, проступили звезды, хотя запад ещё был светлым. Но в лесу будет темень — глаз коли, кто нас увидеть может?!

Инар понял.

— Не только мы ночью в лесу видим. Нечисть, кстати, тоже в темноте не слепнет, как люди.

Ох, лучше бы промолчал! Теперь мне за каждым кустом и деревом мерещились тени, готовые кинуться и перегрызть горло! Мирлис тихо хихикал в сумке, куда пристроил его Инар. Весело ему! Какой тут сон?! Да пока до места встречи с Василисой доедем, меня от испуга кондрашка хватит!

Инар ехал впереди и моего страха не видел, а вот Мирлиса развлекался. Когда поднялась луна, легче не стало. Теперь я стала больше видеть и ещё больше бояться. Казалось, деревья превращаются в монстров из ужастиков и протягивают ко мне руки. За каждым деревом мерещились враги. А уж когда какая-то птица выпорхнула рядом из кустов, я едва не вылетела из седла. Хорошо Инар успел подхватить.

— Настя, что с тобой, — прошептал оборотень.

— Бойтся она, — так же тихо ответил Мирлис, хихикая и сдавая меня.

— Настя, — укоризны в голосе Инара хватило бы на троих. — Я же оборотень, любую нечисть и нежить чую. Тебе бояться нечего...

От возмущения задохнулась. Нет, подумайте только! Сначала перепугал меня чуть не до икоты, а оказывается, бояться нечего! Он врага учует, от беды даму спасет! А сразу сказать не мог?! Тоже мне, герой.

Со злости даже стукнула его по плечу.

— Ой, ты чего?!

— Чего? — прошипела я. — Того, что нечего пугать!

Гордо выпрямилась в седле, демонстрируя свою полнейшую независимость. Мирлис посмеивался, но, почуяв мое настроение, затих.

— Настя, прости, не подумал, — Инар, извиняясь, коснулся моего колена. — Забываю, что ты не здешняя и многого не знаешь.

— Ладно, проехали, — милостиво согласилась, принимая извинения.

И правда, чего это я разошлась.

— А мы почти на месте. Сейчас костёр разложим и будем ждать, пока Павел с Василисой подъедут. Давай помогу, — он легко спрыгнул с коня и протянул руки.

Инар разжег совсем маленький костёр, на который пристроил котелок с водой из баклажки.

Я сидела, слушая тишину ночного леса. Как-то всё время моего путешествия была суета, то одно, то другое, и к лесу я давно не прислушивалась. А ночной лес полон звуков. Инар двигался бесшумно, Мирлис, едва вылез из сумки и получил кусок мяса, свернулся у костерка в клубочек и заснул. А мне не спалось. Лес шелестел, раздавались шорохи, словно кто-то пробирается через траву. Несколько раз прокричала птица, захлопали крылья и снова только шелест ветра в ветках деревьев.

Ветер. Интересно, он здесь, или далеко сейчас. Давно не видела. Моя история его больше не интересует? Жалко, если так, он был добрый. Помогал, поддерживал.

Вдруг среди стволов мелькнули огоньки.

— Инар, — схватила парня за руку...

— Не бойся, — оборотень, проследил за моим взглядом. — Охраняют.

— А чего тогда прячутся?

— Так тебя испугать не хотели. Если бы не огонь, ты их и не увидела бы.

Улыбку Инара увидела даже в слабом отсвете костра. Он налил в кружку ароматный травяной отвар и предложил мне кусок мяса на ломте хлеба.

— Перекуси, ждать ещё долго. А хочешь, вздремни. Наши подъезжать будут, разбужу.

Кивнула и, быстро сжевав бутерброд, легла на спину. Когда ещё увижу такие звезды! Нет, спать не дело. Такого неба дома не увижу никогда! Я подгробла поближе рыжего, чтобы было теплее, и устремила взгляд на огромные подмигивающие звезды на совсем уже тёмном небе...

Больше книг на сайте - Knigoed.net